

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
Founder: Perm State University

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

*Издание включено в Перечень ВАК
РФ по группам специальностей:
09.00.00 Философские науки,
19.00.00 Психологические науки,
22.00.00 Социологические науки.*

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере
связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписной индекс журнала «Вестник
Пермского университета. Философия.
Психология. Социология» в Объединенном
каталоге «Пресса России» — 41011

© ФГБОУ ВО «ПГНИУ», 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (чл.-кор. РАЕ, докт. филос. наук, профессор, Пермь)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергафельд (доцент, канд. психол. наук, Пермь)

ФИЛОСОФИЯ

Владимир Васильевич Миронов (чл.-кор. РАН, профессор, докт. филос. наук, Москва), *Олег Александрович Барз* (акад. МАИА, докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Наталья Ириковна Береснева* (докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Владимир Николаевич Железняк* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Михаил Иванович Ненашев* (акад. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Киров), *Сергей Анатольевич Никольский* (профессор, докт. филос. наук, Москва), *Владимир Вячеславович Орлов* (акад. МАИА, чл.-кор. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Орлов* (докт. филос. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (акад. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (акад. РАО, профессор, докт. психол. наук, Москва), *Виктор Дмитриевич Балин* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (докт. психол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (докт. психол. наук, профессор, Киров), *Александр Октябрьевич Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Москва)

СОЦИОЛОГИЯ

Зинаида Петровна Замараева (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Евгения Анатольевна Когай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Наталья Александровна Лебедева-Несевря* (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Елена Леонидовна Омельченко* (докт. социол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Галина Ивановна Осадчая* (акад. РАСН, чл.-кор. РАЕН, профессор, докт. социол. наук, Москва), *Татьяна Николаевна Юдина* (акад. РАСН, профессор, докт. социол. наук, Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дмитрий Иванович Широканов (акад. НАН Беларуси, профессор, докт. филос. наук, Минск, Беларусь), *Александр Алексеевич Строканов* (доктор наук, профессор, руководитель департамента социальных наук, директор Института русского языка, истории и культуры, государственный колледж в Линдоне, США), *Дьёрдь Сарвари* (доктор философии, директор Neosys Organisational Developmental Consulting, Венгрия), *Джорджио Де Маркус* (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), *Стивен Д. МакДауэлл* (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), *Майкл Э. Рьюз* (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, США), *Пол Эйткен* (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Австралия)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15. Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnutskikh (Associate member of RANH, Doctor of Philosophy, Professor)

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Associate Professor, Ph.D. in Psychology)

PHILOSOPHY

Vladimir V. Mironov (Associate member of RAS, Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Oleg A. Barg* (Academician of IAIA, Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Natalya I. Beresneva* (Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Vladimir N. Zheleznyak* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Mikhail I. Nenashev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Kirov), *Sergey A. Nikolsky* (Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Vladimir V. Orlov* (Academician of IAIA, Associate member of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Sergey V. Orlov* (Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg), *Alexander V. Pertsev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg)

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Academician of RAE, Professor, Doctor of Psychology, Moscow), *Viktor D. Balin* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Elena V. Levchenko* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Natalya A. Loginova* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Irina A. Mironenko* (Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg), *Lyudmila A. Mosunova* (Doctor of Psychology, Professor, Kirov), *Alexander O. Prokhorov* (Professor, Doctor of Psychology, Kazan), *Elena E. Sapogova* (Professor, Doctor of Psychology, Moscow)

SOCIOLOGY

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Evgeniya A. Kogai* (Professor, Doctor of Philosophy, Kursk), *Natalya A. Lebedeva-Nesevrya* (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Elena L. Omelchenko* (Doctor of Sociology, Professor, Saint Petersburg), *Galina I. Osadchaya* (Academician of RASS, Associate member of RANS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow), *Tatyana N. Yudina* (Academician of RASS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow)

EDITORIAL COUNCIL

Dmitri I. Shirokanov (Professor, Doctor of Philosophy, Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus), *Alexander A. Strokanov* (Professor, Head of the Department of Social Sciences, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Ph.D., Lyndon State College, USA), *György Sarvari* (Ph.D., Director of Neosys Organisational Developmental Consulting, Hungary), *Giorgio De Marchis* (Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Ph.D., Complutense University of Madrid, Spain), *Stefan D. McDowell* (John H. Phipps Professor of Communication, Ph.D., Florida State University, USA), *Michael E. Ruse* (Lucyle T. Werkmeister Professor and Director of the History and Philosophy of Science Program, Ph.D., Florida State University, USA), *Paul Aitken* (Adjunct Professor of the School of Business, Ph.D., Bond University, Australia)

Address of Editorial Board

Perm State University, Bukirev str., build. 15, Perm, Perm Krai, Russia, 614990
Tel. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru
Web-site: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

- Философско-антропологический проект Г.П. Щедровицкого: историко-философский анализ
Устинов О.А. 507 Philosophical-anthropological project of G.P. Shchedrovitsky: historical and philosophical analysis
Oleg A. Ustinov
- Визуальная феноменология М. Мерло-Понти
Реутов А.С. 520 Visual phenomenology of M. Merleau-Ponty
Anton S. Reutov
- Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса. Часть вторая
Внутских А.Ю. 528 Global catastrophic risks in the light of unified objectively determined universal process concept. Part 2
Alexander Yu. Vnutskih
- Потенциал психотерапии как гуманитарной практики: философский анализ
Динабург С.Р. 537 Potential of psychotherapy as humanitarian practice: philosophical analysis
Svetlana R. Dinaburg
- Проблема соотношения сознательного и бессознательного в научной философии
Костарева А.А. 547 Problem of the relation of the conscious and the unconscious in scientific philosophy
Anastasia A. Kostareva
- Некоторые аспекты проблемы субъекта исторического познания в постмодернизме
Боровкова О.В. 555 Some aspects of the problem of the historical cognition subject in Postmodernism
Olga V. Borovkova

ПСИХОЛОГИЯ

- Ценностно-смысловая сфера личности: сущность, детерминанты, механизмы развития
Почтарева Е.Ю. 563 Value-meaning sphere of personality: essence, determinants, mechanisms of development
Elena Yu. Pochtaryova
- Особенности личностного отношения к природе детей старшего дошкольного возраста
Штода О.Е. 576 Peculiarities of personal attitude of senior pre-school children to nature
Olga E. Shtoda
- Насилие в СМИ: теории и исследования
Зубакин М.В. 584 Media violence: theories and investigations
Maxim V. Zubakin
- Личностные особенности кинолога уголовно-исполнительной системы на разных этапах профессионального становления
Кусакина Е.А. 596 Personal features of a cinologist of the penitentiary system at different stages of the professional formation
Elena A. Kusakina

СОЦИОЛОГИЯ

О возможности использования субстанциональной, реляционной и эпистемологической концепций пространства в социологическом анализе города <i>Прокофьева А.В.</i>	604	Absolute, relational, and epistemological conceptions of space and their use for the sociological analysis of a city <i>Alyona V. Prokofyeva</i>
Благотворительное поведение как форма социального активизма в России <i>Яковлева О.К.</i>	614	Charitable behavior as a form of social activism in Russia <i>Olga K. Yakovleva</i>
Социальное окружение современной российской правящей элиты (по материалам публикаций представителей политической партии «Единая Россия») <i>Козырев М.С.</i>	622	The social environment of the modern Russian ruling elite (based on publications of representatives of the political party «United Russia») <i>Maxim S. Kozyrev</i>
Межличностное отчуждение населения региона (на примере Вологодской области) <i>Смолева Е.О.</i>	632	Interpersonal alienation of the region's population (case study of the Vologda region) <i>Elena O. Smoleva</i>
Состояние здоровья как фактор трудовой активности населения пенсионного возраста <i>Короленко А.В., Барсуков В.Н.</i>	643	Health status as a factor of labor activity of the retirement-age population <i>Alexandra V. Korolenko, Vitaliy N. Barsukov</i>
Наши рецензенты	658	Our reviewers
Информация для авторов	660	Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК 141.333

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-507-519

**ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ
Г.П. ЩЕДРОВИЦКОГО: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ***Устинов Олег Александрович**Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки
работников образования*

Г.П. Щедровицкий — советский философ, лидер Московского методологического кружка и создатель «системо-мыследеятельностной методологии» (СМД-методологии), яркий представитель историко-философского процесса второй половины XX в. Принято считать, что Г.П. Щедровицкий специализировался исключительно на проблемах логики и теории познания. В данной статье обосновывается гипотеза о преимущественно антропологической направленности СМД-методологии, а Г.П. Щедровицкий рассматривается как автор оригинального философско-антропологического проекта — проекта создания человека нового типа — практически-деятельного субъекта истории, «Homo Creatus» («человека креативного»). В статье констатируется, что философско-антропологический проект Г.П. Щедровицкого был разработан в русле марксистской традиции в философии, но отдельные положения созвучны концепциям человека будущего англо-американских философов и футурологов Дж. Белла, Э. Тоффлера, Ф. Фукуямы и других. Цель исследований Г.П. Щедровицкого — анализ структур мышления, который позволил бы выделить и сформулировать базовые способы изучения и преобразования природной и социальной реальности. В контексте анализа философско-антропологического проекта Г.П. Щедровицкого в статье рассматриваются проблемы субъективного фактора в истории, соотношения биологического и социального в человеке, соотношения личности и государства. Акцент делается на актуальности использования отдельных положений СМД-методологии в процессе формирования стратегий модернизации современного российского общества.

Ключевые слова: Московский методологический кружок, СМД-методология, Г.П. Щедровицкий, философско-антропологический проект, проблема человека, субъективный фактор в истории, целостный человек, индивидуальность, личность, социализация, компетентностный подход в образовании.

**PHILOSOPHICAL-ANTHROPOLOGICAL PROJECT
OF G.P. SHCHEDROVITSKY: HISTORICAL
AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS***Oleg A. Ustinov**Academy of Advanced Training & Professional Retraining of Education Specialists*

G.P. Shchedrovitsky is a Soviet philosopher, leader of the Moscow Methodological Circle and the creator of the «system-thought-based methodology» (SMD methodology), a vivid representative of the historical and philosophical process of the second half of the XXth century. It is generally accepted that G.P. Shchedrovitsky specialized exclusively in the problems of logic and the theory of knowledge. In this article, the hypothesis on the predominantly anthropological orientation of the SMD methodology is substantiated, and G.P. Shchedrovitsky is regarded as the author of an original philosophical-anthropological project — the project of creating a new type of person — a practically active subject of history, «Homo Creatus» («creative person»). The author notes that the philosophical and anthropological project of G.P. Shchedrovitsky was devel-

oped in line with the Marxist tradition in philosophy, but some of his provisions are consonant with the concepts of the future man in the works of Anglo-American philosophers and futurists J. Bell, E. Toffler, F. Fukuyama and others. The purpose of G.P. Shchedrovitsky's research was the analysis of the structures of thinking, which would allow one to identify and formulate basic methods of studying and transforming the natural and social reality. In the context of analyzing of the philosophical-anthropological project of G.P. Shchedrovitsky, the article deals with the problems of the subjective factor in history, the correlation of biological and social parts in man, the relationship between the individual and the state. The emphasis is put on the relevance of using of certain provisions of the SMD methodology in the process of developing strategies for modernizing the contemporary Russian society.

Keywords: Moscow Methodological Circle, SMD-methodology, G.P. Shchedrovitsky, philosophical-anthropological project, human problem, subjective factor in history, whole man, individuality, personality, socialization, competence approach in education.

В последние десятилетия философско-антропологическая проблематика занимает центральное место в гуманитарных научных исследованиях. При этом размышления о человеке как таковом сочетаются с размышлениями о человеке XXI в., человеке будущего. Усложнение всех сфер социальной жизни — от стремительного роста научного знания и тотальной компьютеризации до сенсационных открытий в сфере биотехнологий — заставило философов и футурологов (Дж. Белл, Э. Тоффлер, Ф. Фукуяма и др. [1, 2, 3]) говорить о формировании нового интеллектуального типа человека — как следующего этапа развития человеческого рода. Ожидание этого скачка в эволюции в постиндустриальном обществе — мировая тенденция. Наиболее верифицированным камертоном этих процессов можно считать коррективы в определении целей образования, направленные на формирование «профессионально компетентной», «инновационно мыслящей», «самоуправляющейся» личности [4, 5].

В данном контексте весьма актуальным представляется обращение к творческому наследию Г.П. Щедровицкого. Крупный советский философ 1960–1980-х гг., основатель Московского методологического кружка и создатель «системо-мыследеятельностной методологии» (далее — СМД-методологии), он организовывал и осуществлял фундаментальные исследования в области эпистемологии и метаэпистемологии, предсказывая, что человек XXI в. должен стать интеллектуалом, способным эффективно и систематически анализировать и решать проблемы в различных сферах развития многократно усложнившегося мира. СМД-методология понималась Г.П. Щедровицким как наука об исследовании структур мышления с помощью разработанной им содержательно-генетической логики, она вызвала к жизни «методологический бум» 1990–2000-х гг., когда интерес к методологии как таковой носил

всеобщий характер и был ознаменован подчас довольно неожиданными работами [6].

Применительно к вопросам познания Г.П. Щедровицкого интересовали проблемы психологии, педагогики, социологии, политологии, менеджмента. Его наследие, изложенное в 120 опубликованных прижизненных работах, насчитывает свыше 15 000 страниц архивных текстов, которые еще нуждается в тщательном и всестороннем изучении.

На наш взгляд, доминантным в исследованиях Г.П. Щедровицкого был интерес к антропологической проблематике в ее футурологическом измерении. На протяжении всей своей интеллектуальной биографии он выступал с обоснованием проекта создания человека нового типа, адекватного требованиям постиндустриального общества. Данный проект может быть органично использован, по нашему мнению, в определении стратегий модернизации России в стремительно меняющихся условиях XXI в. Однако антропологическая основа СМД-методологии, за редким исключением [7; 8, с. 23], практически не стала объектом внимания в литературе о Г.П. Щедровицком; он остается для большинства историков философии главным образом специалистом в области гносеологии.

В настоящей статье предлагается интерпретация базовых положений СМД-методологии с позиций философской антропологии. Основу реконструкции философско-антропологических взглядов Г.П. Щедровицкого составляют общепсихологические и специальные методы анализа историко-философских феноменов: историко-генетический, историко-типологический методы, методы источниковедения и метод моделирования, позволившие проследить зарождение, становление и генезис его подходов к решению проблемы человека. Специфика рассматриваемой темы также потребовала применение герменевтического и логико-

семантического методов исследования для выявления имплицитных концептов СМД-методологии.

Рассмотрим основные идеи и особенности философско-антропологического проекта Г.П. Щедровицкого.

Г.П. Щедровицкий принадлежал к плеяде «творческих марксистов» периода «хрущевской оттепели», заявивших о намерении перепрочтения К. Маркса. Одержимый пафосом великого научного открытия, Г.П. Щедровицкий избрал сферой исследований диалектику, логику и гносеологию, вступив в «Московский логический кружок», возглавляемый А.А. Зиновьевым. А.А. Зиновьев обратил внимание на то, что «Капитал» К. Маркса имплицитно содержит в себе технологию мышления, уникальную схему рефлексии, использованную основателем марксизма при анализе капиталистического производства, но не раскрытую для своих последователей, и он взялся за ее реконструкцию. Выполнение основной задачи, понять, какими методами научного анализа пользуется К. Маркс, должно было привести к достижению главной цели: научиться рефлексировать и решать проблемы в соответствии с методологией К. Маркса. Вслед за А.А. Зиновьевым его единомышленники Г.П. Щедровицкий, М.К. Мамардашвили, Б.А. Грушин принялись за изучение проблем гносеологии и логики.

Создание «универсальной» логики открывало для них возможности не только научной самореализации, но прежде всего перспективы переустройства советского общества. Логика в известной мере была для них лишь «прикрытием» социального интереса и желания сказать свое слово в советской политике [9]. Однако так понятая «эпистемологическая революция», совершенная группой А.А. Зиновьева, оказалась близка главным образом Г.П. Щедровицкому, который продолжил изыскания на этом исследовательском поле, не изменив идею фикс — «научиться думать и решать проблемы как Маркс». Свою статью в официальном издании под характерным заголовком «Технология мышления» он посвятил рекламе интеллектуального ноу-хау [10]. Собственно под новой «технологией мышления» Г.П. Щедровицкий имел в виду разработанную им на материалах К. Маркса методологию изучения и преобразования природных и социальных процессов и явлений.

Г.П. Щедровицкий идентифицировал себя как антропотехника, пытавшегося осуществить практическое производство человека XXI в.

«Новые люди» должны были образовать «тайное сообщество», чтобы незаметно для государственного аппарата провести серию реформ, направленных на кардинальное преобразование советского общества. В частных разговорах Г.П. Щедровицкий раскрывал свои замыслы следующим образом: «Идея /.../ в том, чтобы разобрать устройство социума на узлы и детали, посмотреть, как оно устроено, найти там блок управления, пути подхода к нему, проникнуть, взяться за рычаги и править в нужную сторону» [11]. «...Сегодня главный процесс для страны — формирование /.../ слоя высококлассных оргуправленцев, а также — формирование соответствующих *идей* организации, руководства и управления» [12, с. 28].

Г.П. Щедровицкий был поклонником фантастических повестей А.Н. и Б.Н. Стругацких, в которых наиболее интересная роль отведена «прогрессорам» — представителям развитых космических цивилизаций, внедренных в качестве агентов-разведчиков на отсталые планеты и проводящих там скрытые реформы. Г.П. Щедровицкий считал себя и своих учеников такими «прогрессорами» для СССР. Подготовку «новых людей» Г.П. Щедровицкий намеревался осуществить в рамках школьного эксперимента в масштабах всей страны [10, 13]. Однако после критики этих планов со стороны официальных инстанций он вынужден был перейти к выполнению намеченной программы в формате полулегальных встреч на квартирах — «методологических семинаров». Только во второй половине 1980-х гг. Г.П. Щедровицкий сумел расширить практику, организовав по всей стране «организационно-деятельностные игры» (далее — ОДИ) — те же семинары, но с большим количеством участников.

Другие участники кружка стремлений Г.П. Щедровицкого, по всей видимости, не разделяли. Как отмечает в этой связи исследователь историко-философского професса того периода К.А. Крылов, «для Зиновьева время “создания теории всего” довольно быстро прошло. Однако для Щедровицкого оно продолжалось всю жизнь. Если коротко, то он понимал “методологию” как “мета-до-логию”» [14]. Также они не собирались хранить идейную верность К. Марксу, наследие которого стали подвергать критике. Г.П. Щедровицкий же авторитет К. Маркса до последних дней ставил высоко. После распада Московского логического кружка из-за расхождения интересов его участников Г.П. Щедровицкий сформировал свою научно-исследовательскую группу —

«Московский методологический кружок» — и сориентировал его участников уже в строго заданном направлении, оставив тем не менее в тайне от большинства последователей свои конкретные планы на «нового человека».

Выступая наследником идей К. Маркса о человеке как о практически-деятельном субъекте истории, Г.П. Щедровицкий утверждал, что человек, овладевший на достаточном уровне разработанной им технологией мышления, сможет стать подлинным создателем различных модификаций мира, «гражданином вселенной и участником всей истории человечества» [15, с. 336], «*Homo Creatus*» — «человеком креативным». Хотя Г.П. Щедровицкий не использовал в своих работах термин «*Homo Creatus*», но именно этот термин наиболее точно отражает конечную цель его философско-антропологического проекта. Среди марксистов это определение использовал для обозначения аналогичных задач А. Грамши. Отличительной особенностью «нового человека» должна была стать компетенция познавательной активности, которая позволила бы ему анализировать и максимально эффективно решать проблемы всех уровней сложности.

Абсолютизируя роль интеллекта в познании и преобразовании объективной реальности, Г.П. Щедровицкий провозглашал тождество субъекта и объекта, в терминах СМД-методологии — это взаимозависимость правильно организованного мышледействия и максимально эффективного результата. Точное знание процессов и явлений позволяет адепту СМД-методологии самостоятельно направлять развитие материи, в первую очередь социальной, устанавливая для нее каждый раз новые закономерности так, как в практике мир теряет свою иллюзорную устойчивость и становится материалом для новых форм.

Характерно, что Г.П. Щедровицкий не принимал выражения «объективная закономерность», подчеркивая, что объективная закономерность конкретно-ситуативна и в действительности зависит от степени трансформации тех или иных процессов и явлений, предпринятой «*Homo Creatus*». Если эта степень высока, то одна объективная закономерность сменяется другой. История виделась Г.П. Щедровицкому «искусственно-естественным» процессом с преобладанием в нем привнесенного человеком «искусственного», самостоятельного начала [16, с. 123–124]. Поэтому столь же чуждым был для него институт науки, построенный на изучении зако-

нов природы и общества, с которыми человек якобы «обязан» соотносить жизнь и деятельность.

Единственной проблемой прогресса, по Г.П. Щедровицкому, было недостаточное знание. С введением в научную практику схем СМД-методологии знание должно было восполниться до почти «абсолютной истины» и повлечь за собой формирование принципиально иной научной картины мира. Г.П. Щедровицкий настаивал: практика должна быть понята как бесконечное пространство возможностей для реализации замыслов и проектов субъекта, овладевшего способами СМД-методологии. По сути «креативный» человек рассматривался Г.П. Щедровицким как представитель следующей ступени в эволюции человеческого рода.

По выражению А.А. Пископпеля, Г.П. Щедровицкий «принадлежал к тому редкому отряду подвижников и возмутителей спокойствия, для которых все еще длится “первый день творения”» [17, с. 13]. Это выражение можно считать одной из лучших характеристик самой сути СМД-методологии: дни творения продолжаются, творцом является сам человек, следовательно, ничего неисполнимого для него принципиально не существует. Согласно Г.П. Щедровицкому, пределы возможностей человека прямо коррелируют с уровнем его знаний о мире. Характерно, что многие высказывания Г.П. Щедровицкого о человеке будущего созвучны представлениям западных футурологов Дж. Белла, Э. Тоффлера, Ф. Фукуямы и других с их надеждами на планетарный триумф рационализма.

Стремясь во что бы то ни стало доказать несокрушимую силу своего метода, Г.П. Щедровицкий предлагал снять традиционное для советского марксизма противоречие между идеализмом и материализмом: «Марксов материализм есть ... переосмысление всего опыта идеализма как активной философии, организующей /.../ человеческое действие», «...в диамате весь идеализм /.../ “перевернут” в материалистический план...» [18]. Таким образом, «новый человек» Г.П. Щедровицкого самостоятельно творит реальность мыслью и волей, выступая фактически в качестве основного субъекта организации материи. Г.П. Щедровицкий констатировал: «...идеи ММК (Московского методологического кружка. — О.У.) рождаются на продолжении /.../ линии осмысления мира как деятельности и мышления — мира человеческого, а не косной инертной материи... ее автономности,

самостоятельности...», «Мир есть то, что мы мыслим, а не то, что реально» [18].

В подобных рассуждениях видна предрасположенность Г.П. Щедровицкого к отождествлению субъекта и объекта в духе И.Г. Фихте и его (Г.П. Щедровицкого) не до конца осознанное, контекстное «выпадение» в область субъективного идеализма.

В истории марксизма отождествление субъекта и объекта с акцентом на доминирующее значение первого не было чем-то новым. К этой же мысли склонялся В.И. Ленин, выступивший первым с «практицистской» интерпретацией философии К. Маркса. Однако В.И. Ленин никогда не излагал свою версию марксизма систематически. Отдельные ее положения были разбросаны по различным работам, конспектам, черновикам. Также интерпретировали проблему соотношения субъекта и объекта и западные марксисты Д. Лукач и А. Грамши, выполнившие реконструкцию взглядов В.И. Ленина о роли субъективного фактора в истории и принявшие его схему анализа философии К. Маркса.

Проследивая идейные истоки философских решений Г.П. Щедровицкого, приходится констатировать, что никто из перечисленных мыслителей не оказал на него заметного влияния. В работах Г.П. Щедровицкого нет ссылок и на идеи Д. Лукача или А. Грамши. Возможно, он не был с ними знаком, хотя большинство смысловых совпадений в практицистской интерпретации марксизма обнаруживается у Г.П. Щедровицкого именно с западными теоретиками. Так, обвинение советских марксистов в адрес Д. Лукача, сформулированное еще в 1924 г. («...в отношении социально-исторической действительности... для него собственно категория сознания является в некотором роде субстанцией или истинной действительностью», «...это чистейший идеализм...» [19, с. 51, 60]), могло бы быть перенаправлено создателю СМД-методологии в той же формулировке.

В.И. Ленин же упоминался Г.П. Щедровицким, как правило, только как пример блестящего организатора, но отнюдь не предтечи методологов 1970-х гг., которым он имел основания быть назван. Попытку обоснования взгляда на В.И. Ленина как первооткрывателя метода политической диалектики предпринял Д. Лукач в работе «Ленин: очерк о взаимосвязи его идей» [20]. Но эта работа Г.П. Щедровицкому тоже, скорее всего, была неизвестна. На русском языке она была опубликована только в 1991 г. Судя по все-

му Г.П. Щедровицкий разделял распространенное среди «ищущих марксистов» того периода нигилистическое отношение к В.И. Ленину как мыслителю с крайне узким философским горизонтом [21, с. 214, 215; 22, с. 87; 23, с. 54].

Любопытно, что все эти критические замечания в адрес В.И. Ленина легко опровергаются серьезным изучением эволюции его взглядов. Вышеприведенные упреки справедливы лишь в отношении его «Материализма и эмпириокритицизма», но никак не более поздних «Философских тетрадей», где он отказался от прежних рефлексий в ходе кропотливого анализа работ Г.Ф.В. Гегеля. Если в первом труде В.И. Ленин ратовал за теорию отражения как одностороннюю копию объективной реальности, то во втором внес в свои выкладки весьма существенное дополнение: «сознание не только отражает объективный мир, но и творит его» [24, с. 422–425]. Г.П. Щедровицкий, проштудировавший собрание сочинений В.И. Ленина, тем не менее так же, как и его коллеги по цеху, не углублялся в генезис его идей. Это видно по тому, с каким пренебрежением он говорил о ленинской теории отражения [25, с. 157], не замечая разницы между «Материализмом и эмпириокритицизмом» и «Философскими тетрадями». Тем самым Г.П. Щедровицкий невольно лишил себя опоры на серьезную теоретическую базу, имевшуюся к тому времени в советском марксизме в неэксплицитированном виде.

Данная Г.П. Щедровицким апология «тайного общества» со всей очевидностью содержала в себе рецепцию учения В.И. Ленина о партии авангардного типа, которая самостоятельно меняет ход истории. Влияние ценностей советской эпохи на мировоззрение Г.П. Щедровицкого в этом случае проступает явно. В споре о перспективах социализма в России «научника» Г.В. Плеханова («Русская история не смолола той муки, из которой будет со временем испечен пшеничный пирог социализма» [26, с. 218] и «методолога» В.И. Ленина («Для создания социализма требуется определенный уровень культуры... (надо. — О.У.) /начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти /.../, двинуться догонять другие народы» [27, с. 381]) Г.П. Щедровицкий должен был бы встать на сторону последнего.

Возникает справедливый вопрос: следует ли считать СМД-методологию своеобразной версией субъективного идеализма? Отметим сразу, что

сам Г.П. Щедровицкий неоднократно критиковал субъективный идеализм: «Если бы объект жил только по своим законам, безотносительно к человеческой деятельности, управление было бы невозможным. Если бы объекты были только искусственными и мы могли бы их передвигать, как стулья, то управление было бы ненужным. Сама идея управления /.../ возникает из того, что объекты “двойные”» [16, с. 124]. Но и марксистской ее считать трудно. Ей присущ тот же самый парадокс смещения стилей, который без труда вычитывается и у В.И. Ленина, и у А. Грамши, и у других «практицистов». Возможно, правильнее всего было бы назвать это направление мысли «фихтеанизированным марксизмом». Защита субъективного фактора в истории постоянно приводила приверженцев этого учения к недооценке объективных условий развития и обрекала их на трагедию неотвратимого столкновения с реальностью. Не здесь ли причина брошенного в начале 1990-х гг. Г.П. Щедровицким горького обвинения соратникам, оказавшимся не такими, какими он задумывал их в 1970-е гг.: «Облить бы вас бензином и жечь!» [28].

Интересно, что трагедия «методологов», вынужденных в итоге признать невыполнимость своих стремлений и чаяний, была предсказана А.А. Зиновьевым еще в дебатах с Б.Н. Ельциным на французском телевидении в марте 1990 г. Б.Н. Ельцин уверял западных экспертов, что Россия находится на пороге невиданного ранее преобразования. Отдавая себе отчет в том, что объективные условия развития не изменятся по повелению одной лишь «крылатой мысли», А.А. Зиновьев предупредил Б.Н. Ельцина, что реформаторские планы с неизбежностью потерпят фиаско [29]. Это пророчество можно считать последней точкой в выполненном А.А. Зиновьевым в 1970-е гг. анализе СМД-методологии. «...Семинар все больше превращается в замкнутую секту, которая для видимости занимается наукой /.../ бог весь откуда приходят новые полоумные участники, /.../ сочиняют трактаты, /.../ грозятся все перевернуть» [30]. А.А. Зиновьев полагал, что Г.П. Щедровицкий с самого начала пошел по пути, который мог привести его только в тупик.

Особое значение для Г.П. Щедровицкого имел вопрос о методах подготовки адептов СМД-методологии, которые должны были стать «прогрессорами» для СССР. Несмотря на конспирологичность, он никогда не был сторонником вульгарного варианта элитаризма и надеялся

на то, что когда-нибудь в состав интеллектуальной элиты войдет большая часть советского общества. В этом отношении Г.П. Щедровицкий был последовательным гуманистом, о чем свидетельствует его позиция по вопросу развития системы образования.

Г.П. Щедровицкий исходил из Марксовой концепции человека с ее приоритетом социального начала в человеке над биологическим, открывавшим широкие возможности для его «конструирования» [25, с. 163]. Г.П. Щедровицкий утверждал, что любой человек способен в ходе обучения усвоить необходимые знания независимо от своих природных способностей, оспаривая тезис Ж. Пиаже, что мышление предзадано мозгу [25, с. 138–139]. Г.П. Щедровицкий ссылался на пример дочерей К. Маркса, которые в 6 лет осознанно читали труды Платона и Аристотеля, но в дальнейшем интеллектуальными победами не отметились. Причиной раннего развития девочек Г.П. Щедровицкий называет регулярные занятия с ними: «...человек абсолютно пластичен ...» [31]. Базовой проблемой он считал отсутствие адекватных образовательным задачам педагогических технологий, программу разработки которых наметил в рамках исследований СМД-методологии [13, с. 25].

Г.П. Щедровицкий допускал язвительные высказывания, заставлявшие думать, что он отказался от своего изначального педагогического оптимизма «научить всех всему» («Мышление /.../ встречается так же редко, как танец диких лошадей», «Мышление либо “сидится” на человека, либо... нет» [22, с. 90; 32, с. 110]). Но это было лишь средством мотивации от противного. Обвинения в адрес слушателя должны были ошеломить его и побудить приложить дополнительные усилия в познании основ СМД-методологии [25, с. 79, 32]. Г.П. Щедровицкий никогда и никому не препятствовал в обретении способности самостоятельного мышления, являвшегося для него одним из главных признаков человека как такового.

Культивируя это «правильное», логическое мышление как прямой путь к познанию и преобразованию мира, Г.П. Щедровицкий часто невольно абсолютизировал его, называя «особой социокультурной субстанцией» [25, с. 147]. Это выражение смущало видимой схожестью с идеалистическими концепциями. Не случайно некоторые исследователи, анализирувавшие СМД-методологию, посчитали, что Г.П. Щедровицкий

десубъективировал человека [33; 34, с. 303–304], что, как было показано выше, полностью противоречит «практицистской» ориентации СМД-методологии.

На самом деле провозглашение мышления «субстанцией» было всего лишь неуклюжей метафорой. Г.П. Щедровицкий стремился доказать оппонентам, что культура, созданная человеком, а вместе с ней и логика являются интеллектуальной матрицей, к которой человек обращается в процессе становления. Конечно, он имел в виду, что «мышление» располагается не где-то за пределами физического мира, а на материальных «носителях». Г.П. Щедровицкий подчеркивал, что без приобщения к культуре невозможно становление «человека разумного» и для доказательства апеллировал к феномену «детей джунглей» [31], «...чтобы стать *действительным* человеком, ребенок должен “прикрепиться” к системе человеческой деятельности, это значит — *овладеть* определенными видами деятельности, научиться осуществлять их в кооперации с другими людьми» [35, с. 241–242]. Таким образом, в ставшей камнем преткновения метафоре замысловато интерпретировалась социальная концепция человека К. Маркса.

Г.П. Щедровицкий специально разрабатывал педагогическую технологию как систему форм, методов, приемов обучения логическому мышлению, используемых для формирования «нового человека». В условиях запрета на государственный эксперимент он осуществлял частную практику (домашние семинары, ОДИ), участники которых, овладевая его технологией, должны были научиться думать методологически. Главным для аудитории был коллективный анализ средств мышления, предложенных тем или иным докладчиком, с целью уяснения того, как собственно осуществляется интеллектуальный процесс. Сложности в ходе освоения «правильного» мышления, в том числе умственное перенапряжение, агрессию и даже психологическую депривацию, Г.П. Щедровицкий рассматривал как «экзистенциальную ситуацию», призванную повлечь за собой рождение «нового человека». Тот, кто прошел через горнило семинаров и ОДИ, по мнению Г.П. Щедровицкого, уже никогда не мог стать прежним: «...в тот момент, когда люди пришли на игру, их судьба решена. Они не выскочат. Такая страшная штука» [25, с. 232]. Однако подробного описания своих педагогических технологий Г.П. Щедровицкий не оставил.

Гуманистический пафос СМД-методологии лучше всего выражает имплицитно заложенная в ней концепция личности, которую можно реконструировать по ряду высказываний Г.П. Щедровицкого. Под «личностью» Г.П. Щедровицкий понимал субъекта социокультурной жизни, носителя акцентированного индивидуального начала, реализующего себя в процессе самостоятельного конструирования траектории развития. «У каждого свой жизненный путь, каждый выбирает свою колею. И от этого выбора зависит его человеческое достоинство, его самость...». Таков, согласно Н.И. Кузнецовой и Т.И. Ойзерману, «не только нравственный, но и конкретно-исторический социальный императив» основателя СМД-методологии [32, с. 104].

Г.П. Щедровицкий останавливается на проблеме отношения личности к системе, противостояние с которой представлялось ему крайне необходимым для методолога актом духовного возрастания. «...Человек развивается лишь в той мере, в какой он борется с социальными организационными условиями своей жизни и поднимается до того, когда он может их победить» [25, с. 53, 102].

Говоря о проблеме сущности человека, Г.П. Щедровицкий, часто утрировал этот вопрос, рассматривая сущность как «*функциональное место* в социально-производственной системе и как *наполнение* этого места» [12, с. 30]. Не потому, что он вдруг скатывался в плен экономического детерминизма, а потому что опять злоупотреблял крайними сравнениями. Но ассоциация СМД-методологии с детерминизмом перечеркивалась следующим тезисом: «Если человек /.../ выполняет функцию /.../ этого места, мы его называем *индивидом*. А вот если /.../ он может ставить цели, принимать решения /.../, он — личность» [12, с. 32–33]. Именно в отчаянной борьбе за свободу заключается, по Г.П. Щедровицкому, главный принцип нравственной организации человека. Социальная практика деперсонализации личности, которая проводилась в СССР, по мнению Г.П. Щедровицкого, в течение десятилетий была тождественна десубъективации в философии. Эта укоренившаяся традиция более всего препятствовала, как он считал, триумфу СМД-методологии. Люди, которых отучили думать, соглашаются на интеллектуальное рабство: «...тоталитаризм есть творение российского народа. /.../. Он это принял, поддерживал и всегда осуществлял» [25, с. 230].

Основным способом борьбы с системой, согласно Г.П. Щедровицкому, должна была стать

организация «клубов» — частных объединений, позволяющих человеку почувствовать себя самоопределяющимся субъектом [12, с. 35]. При желании в этой идее частных союзов можно увидеть знаковую синонимичность с идеей В. Гавела о «параллельном полисе» [36]. Не случайно Г.П. Щедровицкому так грел душу образ республики «Касталия» из романа Г. Гессе «Игра в бисер» [22, с. 90; 25, с. 226, 227]. Г.П. Щедровицкий верил в то, что при самом страшном режиме в обществе появляются люди, способные сами «вытащить себя за волосы» и включиться в борьбу с системой [25, с. 180].

В литературе не раз эксплуатировалась тема генетического восхождения СМД-методологии к идеям Платона [37], объявленного еще К. Поппером «отцом тоталитаризма», предшественником К. Маркса и прочих «утопистов» [38]. Г.П. Щедровицкий прекрасно знал философию Платона [25, с. 49, 127, 157, 159, 171, 224], но мотивация к социальной практике в СМД-методологии была принципиально иной. Г.П. Щедровицкий не писал работ об организации государственной власти и не призывал к закреплению в обществе элитарной сегрегации. Он не исключал для себя политической карьеры [25, с. 221–222], но становиться тоталитарным вождем в обществе неразвитых и немслящих индивидов для того, чтобы осчастливливать их насильно, он не собирался. Это означало бы для него сделку с совестью, перечеркивающую все устремления СМД-методологии, в центре которых находилась свободная и независимая личность. Можно упрекать Г.П. Щедровицкого, опираясь на некоторые воспоминания о нем, в авторитарном стиле руководства собраниями будущих методологов [34, с. 431; 39], но отрицать его демократические в широком смысле этого слова убеждения некорректно.

Некоторая недостаточность и даже «неполноценность» СМД-методологии с точки зрения гуманистической теории связана вовсе не с авторитарным посылом, а с фактическим игнорированием нравственных проблем. Философско-антропологическому проекту Г.П. Щедровицкого не доставало идей К. Маркса о «целостном человеке». Будучи сторонником логико-гносеологических исследований, он пренебрег реконструкцией Марксовой концепции человека в ее аксиологической части [40], оставшись в своих суждениях на уровне марксистов довоенных лет. И это притом, что он блестяще разбирался, например, в теории отчуждения [12, с. 276–278].

Г.П. Щедровицкий избегал разговора на тему морали, демонстрируя редкую для советских философов 1980-х гг. беспомощность в вопросах духовной культуры личности. Достаточно сопоставить работы Г.П. Щедровицкого с рассуждениями А.Н. и Б.Н. Стругацких на этические темы, связанные с деятельностью «прогрессоров» (нравственное одичание разведчиков с Земли в агрессивной социальной среде отсталых планет, необходимость преступать нормы морали в угоду призрачному прогрессу демократии [41]) и сделанный ими сенсационной для советской мысли вывод о самооценности для человека духовно-нравственной сферы.

Г.П. Щедровицкий сомнений в нравственной состоятельности «прогрессорства» не принимал. Само слово «нравственность», за которым он не признавал онтологических оснований, было ему по сути не интересно [25, с. 158], а споры о нравственном и безнравственном он препарировал фактически через ленинский принцип «наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата» [42, с. 309], утверждая, что «методология... есть нравственность XX в. и ближайших последующих веков. /.../ добро/.../ всегда ситуативно. /.../ идея о том, что локальная нравственность противоречит мировой, является /.../ ошибочной» [18].

М.А. Розов отмечает, что Г.П. Щедровицкий при решении ряда актуальных проблем не сделал последнего шага [34]. Это утверждение справедливо и для его философско-антропологического проекта. Г.П. Щедровицкий не сделал последнего шага в движении советского марксизма «обратно к К. Марксу».

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

СМД-методология является одной из самых оригинальных и привлекательных антропологических теорий в советской философии. Используя сочинения К. Маркса, Г.П. Щедровицкий сделал выводы, аналогичные выводам Д. Лукача, А. Грамши и В.И. Ленина о необходимости практицистской интерпретации марксизма и реабилитации таких тем, как субъект, практика, личность. Антропологическим идеалом будущего был для Г.П. Щедровицкого «креативный человек» с методологическим типом мышления. Наделенный способами исследования и преобразования реальности посредством содержательно-генетической логики, «новый человек» должен был проявить себя подлинным творцом постиндустриальной цивилизации XXI в.

Антропологический проект Г.П. Щедровицкого содержал в себе значительную долю утопии, наиболее очевидного в переоценке субъективного фактора в истории и умалении значения нравственного развития личности перед развитием интеллектуальным. Однако разработки Г.П. Щедровицкого в области исследования структур мышления, освобожденные от политических интенций о «заговоре методологов», стремящихся к власти с целью преобразования общества, еще будут востребованы и войдут так или иначе в представление о человеке будущего. Подтверждение тому — поиск философских основ компетентностного подхода в педагогике. Проблемное обучение в современной российской школе выстраивается в контексте обучения школьников «искусству мыслить» [43]. Образовательная эпистемология как особого рода учебная дисциплина, обеспечивающая систематическую познавательную деятельность учащихся, сегодня еще не сформирована, но необходимость выполнения этой работы в условиях «экономики ежедневной технологической революции», на наш взгляд, очевидна.

Список литературы

1. *Белл Дж.* Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. В.Л. Иноземцева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Academia, 2004. 788 с.
2. *Тоффлер Э.* Третья волна / пер. с англ.; вступ. ст. П.С. Гуревича. М.: АСТ, 1999. 784 с.
3. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек / пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ: Ермак, 2004. 588 с.
4. *Барахович И.И.* Характерологические особенности инновационно мыслящей личности // Гуманитарный вектор. 2011. № 1(25). С. 14–18.
5. *Бурцева Е.В.* Компетентная самоуправляющаяся личность в современном мире // Ценности и смыслы. 2015. № 6(40). С. 92–98.
6. *Бондарева Я.В.* Методологические основы русской религиозной философии: историко-философский анализ: монография. М.: Изд-во МГОУ, 2011. 322 с.
7. *Грязнова Ю.Б., Смирнов С.А.* Называя вещи своими именами (о «человеке» в СМД-методологии) // Antropolog.ru: электронный альманах о человеке. URL: <http://antropolog.ru/doc.php?id=333> (дата обращения: 07.05.2017).
8. *Видеркер В.В.* Антропологический дискурс в СМД-методологии Г.П. Щедровицкого // Идеи и идеалы. 2014. Т. 2, № 4(22). С. 22–27.
9. *Устинов О.А.* СМД-методология Г.П. Щедровицкого и советская философско-антропологическая мысль 60–80-х годов XX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 1. С. 150–162.
10. *Щедровицкий Г.П.* Технология мышления / Некоммерческий научный фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого». URL: <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/7> (дата обращения: 02.05.2017).
11. *Лебедев В.П.* Подозрительные игры людей // Чайка — Seagull: лит.-худож. альманах. 2004. № 18(19). URL: <https://www.chayka.org/node/310> (дата обращения: 29.04.2017).
12. *Щедровицкий Г.П.* Методология и философия организационно-управленческой деятельности: основные понятия и принципы: курс лекций / Из архива Г.П. Щедровицкого: в 11 т. М.: Путь, 2003. Т. 5. 288 с.
13. *Щедровицкий Г.П., Розин В.М., Алексеев Н.Г., Непомнящая Н.И.* Педагогика и логика: сб. М.: КАСТАЛЬ, 1993. 416 с.
14. *Крылов К.А.* Памяти Александра Зиновьева // Zinoviev.Info. URL: <http://zinoviev.info/wps/archives/231> (дата обращения: 28.04.2017).
15. *Щедровицкий Г.П.* Начала системно-структурного исследования взаимоотношений в малых группах: курс лекций / Из архива Г.П. Щедровицкого: в 11 т. М.: Путь, 1999. Т. 3. 352 с.
16. *Щедровицкий Г.П.* Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология: курс лекций / Из архива Г.П. Щедровицкого: в 11 т. М.: Путь, 2000. Т. 4. 477 с.
17. *Пископнель А.А.* К творческой биографии Г.П. Щедровицкого // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995. С. 13–37.
18. *Щедровицкий Г.П.* Философия. Наука. Методология / ред.-сост. А.А. Пископнель, В.Р. Рокитянский, Л.П. Щедровицкий. М.: Школа культурной политики, 1997. / Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5484/5497> (дата обращения: 01.05.2017).
19. *Деборин А.Г.* Лукач и его критика марксизма // Под знаменем марксизма. 1924. № 6–7. С. 49–69.
20. *Лукач Д.* Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей / авт. вступ. ст. С.Н. Земляной. М.: Международные отношения, 1990. 141 с.
21. *Зиновьев А.А.* Я мечтаю о новом человеке: Сборник избранных интервью / сост. О.М. Зиновьева. М.: Алгоритм, 2007. 240 с.

22. Кузнецова Н.И. Философия в советском андеграунде: практики выживания // Высшее образование в России. 2016. № 5(201). С. 80–91.
23. Мотрошилова Н.В. Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль. М.: Академ. проект, 2012. 376 с.
24. Андерсон К. Открывая Ленина заново: к диалектике философии и мировой политики // Русский марксизм: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов (Ленин) / под ред. А.В. Бузгалина, Б.И. Пружинина. М.: РОССПЭН, 2013. С. 415–431.
25. Щедровицкий Г.П. СМД-подход и основные проблемы науки и человека в XX веке // Щедровицкий Г.П. Московский методологический кружок: развитие идей и подходов / Из архива Г.П. Щедровицкого: в 11 т. М.: Путь, 2004. Т. 8, вып. 1. С. 11–239.
26. Плеханов Г.В. Логика ошибки // Плеханов Г.В. Год на Родине: полн. собр. статей и речей 1917–1918 года: в 2 т. Париж: Изд. Поволоцкого, 1921. Т. 1. С. 217–219.
27. Ленин В.И. О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова) // Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М.: Политиздат, 1970. Т. 45. С. 378–382.
28. Хромченко М. Ты проснешься ль, исполненный сил? // Кентавр: сетевой журнал. 2005. Февр. № 35. URL: <http://www.circleplus.ru/archive/n/35/10/print> (дата обращения: 28.04.2017).
29. Горбатов А.А. Уроки Зиновьева и трудное взросление народа // Peremenu.Ru. Толстый веб-журнал XXI века. URL: <http://www.peremenu.ru/books/osminog/10102> (дата обращения: 01.05.2017).
30. Зиновьев А.А. «В преддверии рая». Фрагменты из книги. URL: <http://magister.konvent.ru/lib/ELIB/textsdif/zin.html> (дата обращения: 01.05.2017).
31. Щедровицкий Г.П. Курс лекций по педагогике. МОГИФК, март–апрель, 1980 г. / Некоммерческий научный Фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого». URL: <http://www.fondgp.ru/lib/chteniya/xiv/texts/1> (дата обращения: 03.05.2017).
32. Кузнецова Н.И., Ойзерман Т.И. Кастальский ключ Г.П. Щедровицкого // Вопросы философии. 2009. № 2. С. 103–112.
33. Кукулин И. Зачем нужно контекстуализировать работы Г.П. Щедровицкого? // Новое литературное обозрение. 2008. № 90. С. 441–443.
34. Розов М.А. Философия науки в новом видении / ред.-сост. Н.И. Кузнецова. М.: Новый хронограф, 2012. С. 251–434.
35. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Школа культурной политики, 1995. 800 с.
36. Гавел В. Сила бессильных: Сборник публицистических работ / пер. с чеш.; послесл. Г.С. Лисичкина. Минск: Полифакт, 1991. 128 с.
37. Никитаев В.В. Философия и власть: Георгий Щедровицкий: (Последний проект модерна) // Методология науки: статус и программы. М.: ИФ РАН, 2005. С. 125–176.
38. Поннер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. / пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. М.: Феникс: Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1. 448 с.
39. Голомиток И.Н. Воспоминания старого пессимиста: о жизни, о людях, о стране // Знамя. 2011. № 3. С. 155–180.
40. Устинов О.А. Концепция человека в философии К. Маркса: опыт реконструкции // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 4(28). С. 14–21. DOI: 10.17072/2078-7898/2016-4-14-21.
41. Черняховская Ю.С. Братья Стругацкие. Письма о будущем. М.: Книжный мир, 2016. 384 с.
42. Ленин В.И. Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи 2 октября 1920 г.) // Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М.: Политиздат, 1981. Т. 41. С. 298–318.
43. Силич Т.А. К вопросу о новизне компетентностного подхода, или о философском наследии Г.П. Щедровицкого в осмыслении проблем современного образования // Труды СГА. Вып. 2 (февраль): Юриспруденция. Образование. Психология. Экономика. Социология. Философия. М.: Изд-во СГУ, 2011. С. 68–75.

Получено 15.05.2017

References

1. Bell J. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo: Opyit sotsial'nogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting]. Moscow, Akademiya Publ., 2004, 788 p. (In Russian).
2. Toffler E. *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Moscow, AST Publ., 1999, 784 p. (In Russian).
3. Fukuyama F. *Konets istorii i posledniy chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow, AST Publ., Ermak Publ., 2004, 588 p. (In Russian).
4. Barakhovich I.I. *Kharakterologicheskie osobennosti innovatsionno myislyashchey lichnosti* [Characterological features of an innovatively thinking person]. *Gumanitarniy vektor* [Humanitarian vector]. 2011, no. 1(25), pp. 14–18. (In Russian).
5. Burtseva Ye.V. *Kompetentnaya samoupravlyayushchayasya lichnost' v sovremennom mire* [Competent self-governing personality in the modern

- world]. *Tsennosti i smysly* [Values and Meanings]. 2015, no. 6(40), pp. 92–98. (In Russian).
6. Bondareva Y.V. *Metodologicheskie osnovy russkoy religioznoy filosofii: istoriko-filosofskiy analiz: monografiya*. [Methodological foundations of Russian religious philosophy: historical and philosophical analysis: monograph.]. Moscow, MSRU Publ., 2011, 322 p. (In Russian).
 7. Gryaznova Yu.B., Smirnov S.A. *Nazyvat' veshchi svoimi imenami (o cheloveke v SMD-metodologii)* [Calling things by their proper names (about the person in the SMD methodology)]. *Antropolog.ru: elektronnyy al'manakh o cheloveke* [Antropolog.ru: electronic almanac about a man]. Available at: <http://antropolog.ru/doc.php?id=333> (accessed 07.05.2017). (In Russian).
 8. Viderker V.V. *Antropologicheskiy diskurs v SMD-metodologii G.P. Shchedrovitskogo* [Anthropological discourse in the SMD methodology of G.P. Shchedrovitsky]. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals]. 2014, vol. 2, no. 4(22), pp. 22–27. (In Russian).
 9. Ustinov O.A. *SMD-metodologiya G.P. Shchedrovitskogo i sovetskaya filosofsko-antropologicheskaya myisl' 60–80-h godov XX veka* [SMD methodology of Shchedrovitsky and Soviet philosophical and anthropological thought of the 60–80s of the XX century]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Tver State University Vestnik. Series: Philosophy]. 2017, no. 1, pp. 150–162. (In Russian).
 10. Shchedrovitsky G.P. *Tekhnologiya myshleniya* [Technology of Thinking]. *Nekommercheskiy nauchniy fond «Institut razvitiya im. G.P. Shchedrovitskogo»* [Non-Profit Scientific Foundation «The Schedrovitsky Institute for Development»]. Available at: <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/eng/7.html> (accessed 02.05.2017). (In Russian).
 11. Lebedev V.P. *Podozritel'nyie igry lyudey* [Suspicious games of people]. *Chaika — Seagull: lit.-khudozh. al'manakh* [Seagull: lit.-artist. almanac]. 2004, no. 18(19). Available at: <https://www.chayka.org/node/310> (accessed 29.04.2017). (In Russian).
 12. Shchedrovitsky G.P. *Metodologiya i filosofiya organizatsionno-upravlencheskoy deyatel'nosti: osnovnyie ponyatiya i printsipy: kurs lektsiy* [Methodology and philosophy of organizational and managerial activity: basic concepts and principles: lecture course]. *Iz arhiva G.P. Shchedrovitskogo: v 11 t.* [From the archive of G.P. Shchedrovitsky: in 11 vols.]. Moscow, Put' Publ., 2003, vol. 5, 288 p. (In Russian).
 13. Shchedrovitsky G.P., Rozin V.M., Alekseev N.G., Nepomnyashchaya N.I. *Pedagogika i logika: sb.* [Pedagogy and logic: col.] Moscow, KASTAL' Publ., 1993, 416 p. (In Russian).
 14. Krylov K.A. *Pamyati Aleksandra Zinov'yeva* [In memory of Alexander Zinoviev]. *Zinoviev.Info*. Available at: <http://zinoviev.info/wps/archives/231> (accessed 28.04.2017). (In Russian).
 15. Shchedrovitsky G.P. *Nachala sistemno-strukturnogo issledovaniya vzaimootnosheniy v malyh gruppah: kurs lektsiy* [The beginning of the system-structural study of relationships in small groups: lecture course]. *Iz arhiva G.P. Shchedrovitskogo: v 11 t.* [From the archive of G.P. Shchedrovitsky: in 11 vols.]. Moscow, Put' Publ., 1999, vol. 3, 352 p. (In Russian).
 16. Shchedrovitsky G.P. *Orgupravlencheskoe myshlenie: ideologiya, metodologiya, tekhnologiya: kurs lektsiy* [Orthopedic thinking: ideology, methodology, technology: lecture course]. *Iz arhiva G.P. Shchedrovitskogo: v 11 t.* [From the archive of G.P. Shchedrovitsky: in 11 vols.]. Moscow, Put' Publ., 2000, vol. 4, 477 p. (In Russian).
 17. Piskoppel' A.A. *K tvorcheskoy biografii G.P. Shchedrovitskogo* [To the creative biography of GP Shchedrovitsky]. *Shchedrovitskiy G.P. Izbrannyye trudy* [Shchedrovitskiy G.P. Selected works]. Moscow, School of Cultural Policy Publ., 1995, pp. 13–37. (In Russian).
 18. Shchedrovitsky G.P. *Philosophy. The science. Methodology*. [Philosophy. The science. Methodology]. Moscow, School of Cultural Policy Publ., 1997. Available at: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5484/5497.html> (accessed 01.05.2017). (In Russian).
 19. Deborin A.G. *Lukach i yego kritika marksizma* [Lukács and his criticism of Marxism]. *Pod znamenem marksizma* [Under the banner of Marxism]. 1924, no. 6–7, pp. 49–69. (In Russian).
 20. Lukach D. *Lenin. Issledovatel'skiy ocherk o vzaimosvyazi yego idey* [Lenin. A research essay on the relationship of his ideas]. Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 1990, 141 p. (In Russian).
 21. Zinov'ev A.A. *Ya mechtayu o novom cheloveke: Sbornik izbrannykh interv'yuu* [I dream of a new person: Selected interviews]. Moscow, Algoritm Publ., 2007, 240 p. (In Russian).
 22. Kuznetsova N.I. *Filosofiya v sovetskom andegraunde: praktiki vyzhivaniya* [Philosophy in the Soviet underground: survival practices]. *Vysshee obrazovaniye v Rossii* [Higher education in Russia]. 2016, no. 5(201), pp. 80–91. (In Russian).
 23. Motroshilova N.V. *Otechestvennaya filosofiya 50–80-h godov XX veka i zapadnaya myisl'* [Domestic philosophy of the 1950s and 1980s and Western thought]. Moscow, Akadem. Proyekt Publ., 2012, 376 p. (In Russian).

24. Anderson K. *Otkryivaya Lenina zanovo: k dialektike filosofii i mirovoy politiki* [Discovering Lenin anew: to the dialectics of philosophy and world politics]. *Russkiy marksizm: Georgiy Valentinovich Plekhanov, Vladimir Il'ich Ul'yanov (Lenin)* [Russian Marxism: Georgy Valentinovich Plekhanov, Vladimir Ilich Ulyanov (Lenin)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013, pp. 415–431. (In Russian).
25. Shchedrovitsky G.P. *SMD-podhod i osnovnyye problemy nauki i cheloveka v XX veke* [SMD-approach and the main problems of science and man in the XX century]. *Iz arhiva G.P. Shchedrovitskogo: v 11 t.* [From the archive of G.P. Shchedrovitsky: in 11 vols.]. Moscow, Put' Publ., 2004, vol. 8, iss. 1, pp. 11–239. (In Russian).
26. Plekhanov G.V. *Logika oshibki* [The logic of error]. *God na Rodine. Polnoe sobranie statey i rechey 1917–1918 goda: v 2 t.* [Year at home. Complete collection of articles and speeches of 1917–1918: in 2 vols.]. Paris, Povolotskiy Publ., 1921, vol. 1, pp. 217–219. (In Russian).
27. Lenin V.I. *O nashey revolyutsii (Po povodu zapisok N. Sukhanova)* [About our revolution (On the notes of N. Sukhanov)]. *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Collected works: in 55 vols.]. Moscow, Politizdat Publ., 1970, vol. 45, pp. 378–382. (In Russian).
28. Khromchenko M. *Ty prosneshsya l', ispolnenniy sil?* [Will you wake up, filled with strength?]. *Kentavr: setevoy zhurnal* [Centaur: network journal]. 2005, Feb., no. 35. Available at: <http://www.circleplus.ru/archive/n/35/10/print> (accessed 28.04.2017). (In Russian).
29. Gorbatov A.A. *Uroki Zinov'eva i trudnoye vzrosleniye naroda* [Lessons of Zinoviev and the difficult maturing of the people]. *Peremeny.Ru. Tolstiy veb-zhurnal XXI veka* [Peremeny.Ru. Thick web magazine of the XXI century]. Available at: <http://www.peremeny.ru/books/osminog/10102> (accessed 01.05.2017). (In Russian).
30. Zinov'ev A.A. *V preddverii raya. Fragmenty iz knigi* [On the eve of paradise. Fragments from the book]. Available at: <http://magister.konvent.ru/lib/ELIB/textsdif/zin.html> (accessed 01.05.2017). (In Russian).
31. Shchedrovitsky G.P. *Kurs lektsiy po pedagogike. MOGIFK, mart–aprel, 1980 g* [The course of lectures on pedagogy. MRSIPC, March–April, 1980]. Available at: <http://www.fondgp.ru/lib/chteniya/xiv/texts/1.html> (accessed 03.05.2017). (In Russian).
32. Kuznetsova N.I., Oyzerman T.I. *Kastal'skiy klyuch G.P. Shchedrovitskogo* [Kastalsky key of G.P. Shchedrovitsky]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy]. 2009, no. 2, pp. 103–112. (In Russian).
33. Kukulin I. *Zachem nuzhno kontekstualizirovat' raboty G.P. Shchedrovitskogo?* [Why do one need to contextualize the work of G.P. Shchedrovitsky?]. *Novoye literaturnoye obozreniye* [New literary observer]. 2008, no. 90, pp. 441–443. (In Russian).
34. Rozov M.A. *Filosofiya nauki v novom videnii* [Philosophy of Science in a New Vision]. Moscow, Noviy chronograph Publ., 2012, pp. 251–434. (In Russian).
35. Shchedrovitsky G.P. *Izbrannyye trudy* [Selected works]. Moscow, School of Cultural Policy Publ., 1995, 800 p. (In Russian).
36. Havel V. *Sila bessil'nyh: Sbornik publitsisticheskikh rabot* [The Power of the Powerless: collection of articles]. Minsk, Polifakt Publ., 1991, 128 p. (In Russian).
37. Nikitayev V.V. *Filosofiya i vlast': Georgiy Shchedrovitskiy: (Posledniy proekt moderna)* [Philosophy and Power: George Shchedrovitsky: (The Last Modernist Project)]. *Metodologiya nauki: status i programmy* [Methodology of Science: Status and Programs]. Moscow, Institute of Philosophy RAN Publ., 2005, pp. 125–176. (In Russian).
38. Popper K. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi: v 2 t.* [The open society and its enemies: in 2 vols.]. Moscow, Feniks, International Foundation Kulturnaya Initsiativa Publ., 1992, vol. 1, 448 p. (In Russian).
39. Golomshtok I.N. *Vospominaniya starogo pessimista: o zhizni, o lyudyah, o strane* [Memoirs of the old pessimist: about life, about people, about the country]. *Znamya* [Banner]. 2011, no. 3, pp. 155–180. (In Russian).
40. Ustinov O.A. *Kontseptsiya cheloveka v filosofii K. Marksa: opyt rekonstruktsii* [The concept of man in the philosophy of K. Marx: the experience of reconstruction]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. 2016, iss. 4(28), pp. 14–21. (In Russian).
41. Chernyakhovskaya Y.S. *Brat'ya Strugatskie. Pis'ma o budushchem* [The Strugatsky Brothers. Letters about the future]. Moscow: Knizhnyj Mir Publ., 2016, 384 p. (In Russian).
42. Lenin V.I. *Zadachi soyuzov molodezhi (Rech' na III Vserossiyskom s'ezde Rossiyskogo kommunisticheskogo soyuza molodezhi 2 oktyabrya 1920 g.)* [Tasks of youth unions (Speech at the III All-Russian Congress of the Russian Communist Youth League on October 2, 1920)]. *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Collected works: in 55 vols.]. Moscow, Politizdat Publ., 1981, vol. 41, pp. 298–318. (In Russian).

43. Silich T.A. *K voprosu o novizne kompetentnostnogo podhoda, ili o filosofskom nasledii G.P. Shchedrovitskogo v osmyslenii problem sovremennogo obrazovaniya* [To the question of the novelty of the competence approach, or about the philosophical heritage of G.P. Shchedrovitsky in understanding the problems of modern education]. *Trudy SGA. Vyp. 2 (fevral')*. *Yurisprudentsiya*.

Obrazovaniye. Psikhologiya. Ekonomika. Sotsiologiya. Filosofiya [Proceedings of MHA. Iss. 2 (February). Jurisprudence. Education. Psychology. Economy. Sociology. Philosophy]. Moscow, MUH Publ., 2011. pp. 68–75. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 15.05.2017

Об авторе

Устинов Олег Александрович

кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии образования и науки

Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования,
125212, Москва, Головинское ш., 8/2а;
e-mail: olustinov@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-2994-2339

About the author

Ustinov Oleg Alexandrovich

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor of the Department of History and Philosophy of Education and Science

Academy of Advanced Training and Professional Retraining of Education Specialists,
8/2a, Golovinskoe hwy., Moscow, 125212, Russia;
e-mail: olustinov@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-2994-2339

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Устинов О.А. Философско-антропологический проект Г.П. Щедровицкого: историко-философский анализ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 507–519.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-507-519

Please cite this article in English as:

Ustinov O.A. Philosophical-anthropological project of G.P. Shchedrovitsky: historical and philosophical analysis // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 4. P. 507–519.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-507-519

УДК 141.33:131.121

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-520-527

ВИЗУЛЬНАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ М. МЕРЛО-ПОНТИ*Реутов Антон Сергеевич**Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина*

В статье рассматриваются основные идеи и концепты Мориса Мерло-Понти, которые касаются анализа сущности визуального. Показана конституирующая роль телесности. Благодаря наличию тела, человек способен осознать себя и мир, в котором он находится. Тело и мир неразрывны, имеют одинаковую природу, и этим обусловлена возможность восприятия.

Далее говорится о том, как Мерло-Понти понимает процесс видения. Для философа важно зрение как таковое, зрение до мышления, зрение, которое уже является родом мышления. Такой тип зрения может быть схвачен только в определенных обстоятельствах. Во-первых, в ситуации, когда воспринимается не отдельная вещь, а весь горизонт видимого, целое «сцены». Во-вторых, необходимо заметить, что видящий и видимое всегда находятся на определенной дистанции, зрение субъективно, зависит и разворачивается относительно видящего.

Представлена реконструкция анализа живописи, которую проводил Мерло-Понти в своих работах. Особое внимание уделено роли художника. Живописец является носителем особого вида зрения, он видит мир по-другому, используя иные категории. Через художника становится явным процесс, когда мир полностью захватывает видящего.

Через анализ живописи нам открываются особые измерения видимого. Глубина показывает размещенность вещей относительно друг друга. Ее точка отсчета — глаз видящего. Цвет открывает материальность, тактильность поверхности, цвет всегда сопряжен с качеством вещи, которую он окрашивает. Линия или контур в рисунке делают явным скрытое ощущение несуществующей границы между вещами, которая возникает только в человеческом глазе. Эти и другие категории анализа художественного произведения открывают философу суть видения реального мира с другой стороны.

Автор стремится показать, как в работах Мерло-Понти раскрывается понимание видения, которое является свойством мира и является результатом определенного соположения видящего и видимого, человека и мира.

Ключевые слова: производство присутствия, визуальные исследования, значение, восприятие, герменевтика, феноменология.

VISUAL PHENOMENOLOGY OF M. MERLEAU-PONTY*Anton S. Reutov**Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University*

This article represents the review of the main ideas and concepts of Merleau-Ponty, which refer to the analysis of the visual essence. In the beginning of this article the constitutive role of physicality will be shown. Due to the presence of the body, man is able to understand oneself and the world one is located. The body and the world are indissoluble, have the same nature, this is due to the possibility of perception.

In the second part of the article the author shows how Merleau-Ponty understands the process of vision. For the philosopher ability to see itself is important, to see before thinking, to see, that is already a type of thinking. This type of seeing can be understood only in certain circumstances. Firstly, in a situation when one sees not a specific thing, but the entire visible horizon, the whole «scene». Secondly, it should be noted that «the seer» and «the seen» are always at a certain distance, vision is subjective and depends on «the seer».

Further, in the third part of the article the reconstruction of the analysis of the painting which was held by Merleau-Ponty in his works is presented. The author gives special attention to the role of the artist. Painter has

a special kind of view, he sees the world differently and in different categories. Through the perception of the artist, one can understand how the world can fully capture «the seer».

Through analysis of the painting, we open special measures of the visible world. The depth shows the arrangement of things relative to one another. Its anchor is a seeing eye. Color opens the materiality, palpability of surfaces, color is always paired with the quality of things, that it covers. The line or circuit on the painting make explicit the hidden sense of the non-existent border between things, which occurs only in the human eye. These and other categories of analysis of a work of art open to the philosopher the main sense of vision of the real world, on the other hand.

The author of the article aims to show how understanding of the seeing in the works of Merleau-Ponty is revealed, and that it is a characteristic of the world and is the result of a specific juxtaposition of «the seer» and «the seen», «the man» and «the world».

Keywords: production of presence, visual studies, meaning, perception, hermeneutics, phenomenology.

Предметом исследований современной культуры, которая характеризуется как визуальная [1, с. 213], является осмысление визуальных практик и визуальной коммуникации как принципиально иного способа восприятия мира. Наряду с философско-культурным анализом большого количества визуальных артефактов актуальной проблемой визуальных исследований является поиск их оснований. В этом направлении современные исследователи все чаще обращаются к феноменологии: в англо- и немецкоязычных текстах это Джеймс Элкинс, Кит Мокси, Готфрид Бем, из отечественных авторов можно особо отметить Илью Илишеву, Ольгу Петровскую. В этом контексте анализ идей ключевых авторов феноменологии XX в. является одной из основных задач исследователей визуального [2, с. 196]. На этом пути есть две трудности. Во-первых, феноменология не ставила своей целью создание систем визуальности, рефлексия взгляда и видения, которые мы находим у некоторых авторов, — это лишь средство, используемое ими для построения своей философии; во-вторых, — это следствие первой проблемы: важные и необходимые идеи и концепты достаточно проблематично отделить от системы феноменологической онтологии.

С учетом важности попыток «классических» феноменологов осмыслить визуальность, разбор их текстов имеет большую ценность как для самой дисциплины визуальных исследований, так и для современной феноменологии.

В настоящей статье автор ставит своей задачей разобрать философские концепты философии Мориса Мерло-Понти: онтологические и антропологические, которые обращаются к визуальному опыту для объяснения устройства бытия, и эстетико-медиаальные, внимание которых направлено на «таинство» художественного творения. Автор выделяет тезисы, которые получили развитие в работах современных исследователей визуаль-

ного, и обосновывает этим пригодность и потенциал феноменологии для развития визуальных исследований.

Телесность видимого

В представлении Мерло-Понти феноменология — это не только философия, которая определяет и изучает сущности; в первую очередь, это философия, которая мыслит эти сущности в их экзистенции, ставит под вопрос бытие, данное в наличном мире, который, в свою очередь, до всякой рефлексии «уже тут» [3, с. 5] — субъект и мир согласно феноменологической традиции мыслятся как единая структура.

Философ пытается найти контакт с этим миром, не разъединяя мир и того, кто его воспринимает. На пути к миру до рефлексии, до всякого знания о нем, которое пыталась дать классическая картезианская философия, под вопрос ставится восприятие как таковое и воспринятое без его анализа разумом. Этим восприятием мы открываем мир и себя в нем. В восприятии и в наших ощущениях необходимо сместить фокус внимания с рефлексии данных наших чувств, на которые обращала внимание классическая философия, на акт «быть воспринимающим», который и открывает дорефлексивные феномены. Конститутивными в этом отношении для Мерло-Понти являются зрительное и тактильное восприятия. Они действуют сообразно одним и тем же законам, дают материал для описания бытия-в-мире и в жестком переплетении друг с другом представляют единственный путь к феноменам, с которыми мы только и имеем дело и на основе которых может строиться философия.

Факт моего восприятия обусловлен фактичностью моего тела. Этот момент раскрывается в центральном понятии системы видения Мерло-Понти — понятии «хиазма». Этим словом философ обозначает переплетение, скрещивание, которое делает возможным видение. Сплетение

проявляет себя во многих аспектах: это сплетение субъекта и объекта, сущности и существования, видимого и видящего. Хиазма относится к сущностной черте бытия-в-мире.

Хиазма образуется нашим телом, которое является одновременно видимым и видящим (способным ощущать и быть ощущаемым). Этот принципиальный факт обуславливает возможность ощущать мир, он представляет предустановленную связь мира и человека, благодаря которой мы можем чувствовать мир во всей его полноте и вещи со всеми их признаками.

Этот факт фундирован другой важнейшей хиазмой — сплетением тела и мира. Только с помощью тела нас окружает мир, благодаря ему нам даны феномены. Восприимчивость мира телом обусловлена тем, что оба они являются единой плотью (в других переводах — тканью). Это проблематичное понятие в системе Мерло-Понти не имеет четкого определения, не имела такого понятия и предыдущая философия. Плоть мира (и тела) не является какой-либо материей, духом или субстанцией, которая могла бы обнаружить единство тела и мира, скорее это текстура, которая одинаково присуща видимому миру и видимому телу, характеристика всех видимых (ощущаемых) вещей. Видящее тело, возникшее в центре мира, является не какой-то другой автономной сущностью, помещенной в мир, и способ бытия в мире которой необходимо еще помыслить; тело — это «складка» плоти мира, имеющаяся в мире изначально. Человек своим появлением буквально разрывает плоть мира, одновременно создавая его видимость. «Соединение, связь, словом — коммуникация, происходит через разрыв» [4, с. 48].

Мы можем схватить эту объединяющую плоть в анализе нашего восприятия. В системе Мерло-Понти оно раскрывается на трех уровнях или модулах: восприятие качеств вещей, пассивное ощущение тела, ощущение ощущения. Первый уровень — восприятие качеств вещей, пленки, набрасываемой на бытие нашим взглядом. Это качество, которое мы воспринимаем, не равно тому, что мы называем восприятием. Мерло-Понти сравнивает такой взгляд, который видит свойства с позицией любопытствующего или наблюдающего. Эта позиция не дает понять всю полноту взгляда, скрывая его за самим взглядом, которым мы пытаемся понять, «что же я, собственно, вижу» [3, с. 291]. Такая позиция неестественна и не встречается в дорефлексивном отношении к миру.

Второй уровень — ощущение изначальной предрасположенности мира и воспринимающего, которое раскрывается в состоянии осязаемости и видимости мира. Это «пассивное ощущение» не принадлежит ни объекту, ни субъекту видения, но образуется на их стыке, она анонимна и говорит нам о единстве «природы» тела и мира, их расположенности относительно друг друга, и является предпосылкой любого восприятия.

Третий уровень — когда мы касаемся своей руки или видим свое тело. Здесь обнаруживается хиазма видимого и видящего, в этом акте субъект спускается до уровня вещи. Но мы не воспринимаем себя как любую вещь в мире. Однако мы не чувствуем слияния меня видящего и меня видимого, они разделены этим сплетением. Я видящий всегда «чуть дальше», чем та часть меня, которую я могу увидеть или видит другой. Тело дает масштаб мира, «Nullpunkt всех измерений мира» [5, с. 328].

Наряду с этой тройкой структурой видимого существует невидимое. Эта сторона вещей занимает в феноменологической картине мира французского философа важное место. Невидимое не может определяться как другое возможное видимое, которое в данный момент я не воспринимаю, или видимое для другого. Невидимое всегда находится «тут», не являясь при этом объектом. Невидимое — «чистая трансцендентность без онтической маски» [5, с. 308]. Невидимое для Мерло-Понти не является чем-то добавленным к видимому, что объективно отсутствует или присутствует в другом месте. Сама видимость содержит невидимость, фундируется ей. «Смысл является невидимым, составляет каркас, который является Nichturpräsentierbare, таким, который невозможно репрезентировать» [5, с. 293].

Теперь нужно возвратиться к разговору о видах ощущений и их конститутивном по отношению к «Я» характере. Наложение видимого и осязаемого миров друг на друга представляет в философии Мерло-Понти своеобразный вид хиазмы. Автор говорит о взаимном расположении результатов этих ощущений и что по сути осязаемое и видимое есть одно и то же, так как каждое из этих чувств творится телом, занимающим место в пространстве, что относит его к осязанию, и глазам, как части тела — к зрению. Наличие двух конституирующих наше бытие чувств в их нераздельности и неслитности говорит нам, что, задаваясь вопросам о визуальном восприятии, мы всегда должны оборачиваться и к тактильному опыту. Кроме того, нельзя говорить о голом зрении. Если

бы воспринимающий полностью стал своими глазами и не мог иметь никакого другого отношения к миру, кроме как зрительного, то исчезло бы тело и сам воспринимающий, полностью растворившись в видимом.

Но вместе с тем не должно быть сомнений, что зрительное восприятие доминирует над тактильным контактом с миром, дополняет его. Опыт слепых, обретших способность видеть, анализируемый Мерло-Понти, свидетельствует об этом. Ощущения людей, впервые обретших зрение после операции, описывают абсолютно новый, полученный для них способ восприятия пространства и целостности формы. Ощупывая рукой предмет, слепой воспринимает части предметов подобно раздробленным объектам [3, с. 286]. Целое предмета, а также, что еще важнее, горизонт зримого могут быть даны только посредством зрения.

Учитывая вышесказанное, необходимо помнить об исключительном значении, которое придает Мерло-Понти в своей философии понятию «видимое». Эта категория является ключом к пониманию природы человека и мира. Видение не просто дает нам опыт: в первый раз пережив акт видения, мы имеем особенный уровень восприятия, который уже не может быть закрыт для нас и относительно которого будет определяться весь остальной опыт.

Акт видения

Перейдем теперь к тому, что доступно человеку в его взгляде. Во-первых, мы видим не отдельные объекты; мы всегда являемся свидетелями некоторого зрелища, которое нельзя мыслить как простую сумму вещей. Нам сразу дана сцена мира, и в анализе зрения мы должны прийти не к мозаичному его восприятию, в котором глаз прикован к предмету, а к системе конфигурации вещей, где каждая занимает свое место. Соединение и объединение в группы заложены в нашей способности воспринимать. Когда мы принимаем во внимание целостную картину зрелища, взаимосвязанность фактов обуславливает проживание, временность восприятия. Зрительное восприятие у Мерло-Понти континуально, для того чтобы схватить видимое поле, необходимо прожить его. Философ поясняет этот момент через восприятие фильма, смысл каждой сцены которого, зависит от других, и само существо фильма раскрывается только из-за временной структуры фильма. Пространственная артикуляция — у картины. Если же визуальный опыт разбивается на отдельные объекты, то мы уходим от собственно восприятия

к его анализу; вместе с этим теряется и фигура воспринимающего.

Мерло-Понти спорит с классической психологией и картезианской философией, которые считали зрительные образы результатом совместной работы зрения и мышления. Он отвергает нейтральность чувственных восприятий и наличие широкого спектра их интерпретаций. Видение необходимо понимать двояко: во-первых, как «мышление зрения», во-вторых, как акт видения. Первое, поскольку оно занимает в системе французского феноменолога особое место, так как это процесс осознания себя в мире, и других, выходящих из этого факта категорий. Второе является ключом к пониманию природы видения и видимого. Кроме того, Мерло-Понти отказывается от троякой структуры видения: вещь — рисунок (как калька вещи) — образ (как ментальный рисунок, пребывающий в памяти). Сообразно такой структуре существует как бы два мира вещей: один наличный, другой персональный, а актом видения устанавливается двойная связь между вещами первого и образами второго, с их синхронизацией в самом акте. Зрение уже род мышления, первое неотделимо от второго. В рамках восприятия (видения) мы никогда не мыслим объект, как и не мыслим себя мыслящими этот объект. Мы всегда находимся в тесном переплетении с видимым посредством нашего тела.

В этом заключается еще одна важная мысль, получившая развитие в современных визуальных исследованиях — уход от парадигмы толкования знаков к восприятию присутствия объекта. Этот тезис будет развит Китом Мокси как соотношение презентации и репрезентации — двум полярным подходам работы изображений, то есть семиотический и несемиотический концепции образа и изображения [6, р. 52]. В работах Ханса-Ульриха Гумбрехта практике толкования — «практике опознавания и/или присвоения значений» — противопоставляется «производство присутствия как “эффекта осязаемости”», создаваемое средствами коммуникации, зависящее от пространственных движений большей или меньшей близости и большей или меньшей интенсивности [7, с. 15–19].

Мерло-Понти также подтверждает, что такая позиция в анализе визуального опыта должна быть подвергнута критике. Он отдает предпочтение «теории формы», согласно которой знак не отделяется от значения, увиденное не отделяется от результата его анализа. В его примере с неодинаково освещенными тарелками, которые мы восприни-

маем одинаково белыми, на первый план выходит не работа интеллекта, позволяющая сделать вывод о цвете предметов, а полнота визуальной картины, в которую заключены не только анализируемые предметы, но и источники их освещения. Или известный пример с кубом. По мнению Декарта, невидимые грани куба достраиваются нашим интеллектом и в результате мы получаем именно эту фигуру. Согласно феноменологической мысли — куб всегда нам дан в своей очевидности. Все предметы, даже не видимые здесь и сейчас, мы обнаруживаем не посредством памяти или каких-либо суждений, но в их присутствии [8]. Здесь обнаруживается одна из фундаментальных способностей зрения: конституировать мир, приводя его в согласованную систему. Благодаря этому, например, покой и движение воспринимаются также не согласно объективному порядку вещей мира, а согласно тому месту, которое мы занимаем телом и фиксируем его глазами. Мы как бы зацепляем объект своим взором, разворачивая в нашей с ним связи остальное пространство.

Видимое всегда находится от видящего на некоторой дистанции. Это пространство является еще одним конститутивом видения, средством коммуникации. Это обусловлено тем, что и тело, и мир имеют свою толщину, посредством ее мы «превращаем себя в мир, а вещи — в плоть». Тело объединяет нас с вещами. Сложно провести границу между миром и телом.

Анализ живописи

Все, что было сказано выше, относится скорее к онтологии Мерло-Понти. Кроме аналитики бытия-в-мире, опыт видимости был найден философом в художественном творчестве. Как и многие современные исследователи визуального мира, например, Джеймс Элкинс или Томас Митчелл, Мерло-Понти в понимании природы видения обращается к современной ему живописи — преимущественно к импрессионизму и постимпрессионизму, и к фигуре художника как носителю особого типа взгляда на мир. Точнее сказать, взгляд художника обнаруживает конститутивные особенности зрения, в отличие от обычного человека, у которого эти последние скрыты. Художник оттачивает свое мастерство владения зрением, видит в мире то, что не видит обычный человек. Зрение художника имеет особенность — посредством живописи он собирает вещи из отдельных феноменов: света, тени, цвета. В расположении на двумерном пространстве холста цветовых пятен (именно они являются главными инстру-

ментами импрессионистов) как неопределенных сгустков пространства, в отличие от фигур и форм классической живописи, раскрывается секрет мгновенного собирания объекта, генезиса целого в нашем взгляде.

Мерло-Понти, озвучивает слова художника Андре Маршана: «В лесу у меня часто возникало чувство, что это не я смотрю на лес, на деревья. Я ощущал в определенные дни, что это деревья меня разглядывают и говорят, обращаясь ко мне» [9, с. 22]. Это ощущения художника, имеющего настолько нежное, восприимчивое к внешнему зрению, показывает, что мир — не застывшее поле вещей, а активное, вторгающееся в наш взор зрелище. Следом философ разбирает понятие вдохновения, которое является (в)дыханием Бытия. Для художника это непрерывное рождение его самости — он «отдает свое тело бытию» для того, чтобы последнее раскрылось посредством творчества. Для понимания сути видения понятие «вдохновение» — это сущностная черта, отражающая активность визуального поля, его действие на видящего.

Этот факт наталкивает нас на сущностную черту процесса видения — тотальность этого акта. Мы видим только тогда, когда погружены в этот процесс, а не в сосредоточенности на видении. Мерло-Понти, рассуждая о процессе видения, говорит, что зрение осуществляется в какой-то гармонии между взглядом и вещами, которые он обнаруживает. И далее: «невозможно сказать, кто всем управляет: взгляд или вещи» [5, с. 193]. Но из установленной выше структуры видимого мира и нашего бытия в нем, из невозможности не ощущать, можно заключить, что видимое владеет взглядом. Мир вещей захватывает глаза точно так же, как мир идей захватывает язык. Процесс видения может осуществиться только в обоюдной открытости двух составляющих, а видимое, то есть наличное, феноменальное бытие, может стать самим собой только посредством видящего: «...вещи выражают во мне свое наличное бытие» [9, с. 16]. Зрение — это мышление в теле, которое побуждается к этому акту каким-либо поводом. В этом насильственность зрения, так как оно отягощено объектом своего действия и может совершаться в данный момент только по поводу него и ничего другого.

Живопись, как и взгляд художника, делает видимым то, что обычному взгляду не дано. Живопись для Мерло-Понти метафизична. Картина открывает нам свои измерения, которые, в свою очередь, проясняют нам процесс видения мира: глубину, цвет, линию.

Глубина бросается в глаза на картине, по сути двухмерной, но легко изображающей перспективу видимого мира. Глубина, во-первых, обеспечивает видимость видимого. Так как по природе своей вещи не располагаются одна позади другой, и этот факт объясняется лишь наличием меня в середине мира. Человек, открывающий глаза — точка отсчета видимого, которое образуется вокруг него подобно сфере. Причем здесь действует одно ограничение, а именно антропологическое. Мы видим лишь узкую полоску видимого, которую могут ухватить наши глаза — однонаправленную перспективу. Видимое всегда имеет вектор, идущий из наших глаз, но мы не можем обозревать целый мир с высоты, подобно богу.

Глубина, обычно именуемая третьим измерением, для Мерло-Понти является первым, обуславливающим первые два. И длина, и ширина, и форма вещи, которую они образуют, создаются только в зависимости от расстояния, на котором от нас находится вещь. Далее, уходя от физикалистских объективных понятий, философ мыслит глубину даже не как измерение пространства, а как некую «глобальную размещенность» [9, с. 41] — систему координат, в котором дано место вещи без абстрактных геометрических понятий.

Но глубину нельзя отождествлять с простой перспективой изображения — это более сложное, экзистенциально-антропологическое понятие. Анализируя живопись Сезанна и используемые художником изобразительные средства, Мерло-Понти приводит пример изображенной посуды на полотнах, которые при четко изображенной перспективе являлись бы эллипсами, но они искажены. Сезанн намеренно вносит деформации, чтобы показать отличие зрения художника, которое является гипертрофированным зрением обычного человека, и зрения фотографического глаза — «в реальности мы видим форму, которая колеблется на грани эллипса, но не есть эллипс» [10].

Цвет — еще одно «измерение», на которое живопись обращает свое пристальное внимание. Цвет понимается как текстура, материальность, представляющая нечто сущее. Цвет — это не просто качество вещей, он соотнесен с самой вещью (синий моря или красный крови). Мерло-Понти приводит пример красного, который не просто красный, а обязательно какой-либо, выраженный в конкретной вещи: от красного платья до знамени 1917 г. Это подводит к мысли, что цвет, как и все бытие, не дан нам голым, безликим, тотальным, как говорит философ — никаким [5, с. 192], но представляет собой совокупность отношений различных видимых горизонтов и объемов. В «Фено-

менологии восприятия» Мерло-Понти анализирует результаты психологических исследований пациентов (преимущественно с поражениями мозжечка и лобных долей мозга) [3, с. 268], которые имели отличное от нормального восприятие цветов.

Цвет для них больше чем цвет, и вместе с этим качеством вещи им сообщаются дополнительные «чувственные свойства»: моторная реакция, слуховой аффект, влияние на общее состояние исследуемого. На данном примере Мерло-Понти высказывает гипотезу, которая пройдет связующей нитью сквозь все его работы, что субъект ощущения не «мыслитель», который постоянно анализирует воспринимаемую им информацию, а находящийся в особенном отношении со средой. В объектах (которые, собственно, и не объекты, как нечто отделенное) воспринимающий находит принцип своего актуального существования.

Следующий элемент живописи — линия. Для философа важны исчезновение линии в импрессионизме, и ее появление и переосмысление в работах художников авангарда и постимпрессионизма.

Линия, которая была неотъемлемой частью произведений классической живописи, в импрессионизме исчезает. Художники изображают вещь лишь цветовым пятном. На стыке таких вещей-пятен мы видим границу, которая артикулирована уже не линией, как чем-то привнесенным и строго определенным извне, не имеющимся в реальности контуром предмета, а соположенностью изображаемых предметов. «Импрессионизм желал ухватить в живописи самый способ, каким предметы поражают наше зрение и атакуют наши чувства. Он запечатлял их в атмосфере, где они открыты мгновенному восприятию, без законченных контуров, связанными друг с другом светом и воздухом» [10]. Импрессионисты сосредоточили свое внимание на отсутствии линии в реальности, на отсутствии контура вещи, заполняемой ее же сущностью. Линия не является наличным бытием. Такое развитие событий в живописи и ее рефлексии сместили внимание в художественном изображении с изображения предмета на собственно предмет.

Новое значение линии Мерло-Понти открывает в творчестве излюбленных художников — Поля Сезанна, Пауля Клее и Анри Матисса, которые не хотели отказываться от импрессионистской эстетики, берущей за образец природу, но искали путь к объекту, который импрессионизм утратил. Эту концепцию линии философ прослеживает еще от Леонардо да Винчи. Она представляет собой уход от линии как «вещи в себе», которая обозначает лишь контур, границу объекта. Теперь линия освобождается, становится видна ее конститутивная

сила в «нарушении равновесия, внесенное в безразличие белой бумаги» [9, с. 48]. Такая линия не прекращается, а образует пространственность на живописном полотне. «Начало прочерченной черты устанавливает определенный способ быть или делаться линией, “линиться”» [9, с. 46]. Линия стала сжатием, расслоением, модуляцией пространственности [9, с. 48].

Важно еще отметить, что линия, как контур, возникает только благодаря человеческому глазу, на границе вещей, по ту сторону вещи, выделенной на фоне всего остального. Мерло-Понти сравнивает открытие такой линии с открытием изображения движения в неклассической живописи. В отличие от старых художников, современные изображают не застывший момент какого-либо движения, а парадоксальное положение тела, которое мы никогда не увидим в реальности, но вместе с тем которое презентует нам временность движения.

Стоит упомянуть еще один факт: почему и у Мерло-Понти, и у современных авторов в анализе визуального опыта предметы искусства занимают столь важную позицию. Природа смотрения на произведения искусства иная. Картина представляет собой видимое второго порядка или икону первого. Зритель не видит картину как вещь.

Итак, что сделал для визуальных исследований Мерло-Понти. Во-первых, он определяет видимость — фундаментальную характеристику мира — не как субъект-объектное взаимодействие, а как специфическую характеристику материи (тела и мира), которая обуславливает возможность видеть и возможность быть видимым.

Визуальная культура инициирует размышления о слепоте, невидимом, незамеченном [11, р. 170] — практически все современные авторы обращают на это свое внимание. Мерло-Понти также интересуется опытом невидимого — того, что не доступно опыту глаза.

Оно — ключ к неметафизической трактовке человеческого опыта, а она — к структуре, «плоти» мира. Этот тезис получил развитие у исследователей визуального и у медиафилософов — для того чтобы создать несемiotическое понимание образа, необходимо принять во внимание его носитель. Особенно ярко это выражено в теории коммуникации Маршалла Маклюэна фразой «средство коммуникации есть сообщение» [12, с. 10].

Все вышесказанное становится еще более осмысленным в контексте визуального поворота — методологического и философско-научного сдвига, смены парадигмы в гуманитарных науках, который показал исчерпание лингвистическим

поворотом самого себя, несоответствие практике основных гносеологических принципов, используемых учеными в анализе артефактов культуры. Эти принципы соответствуют текстуальной, семиотической парадигме. Если же ставить своей целью дальнейшее погружение в сущность визуальной культуры, то необходим новый метод, который может быть найден в феноменологии.

Список литературы

1. Баль М. Визуальный эссенциализм и объект визуальных исследований // Логос. 2012. № 1(85). С. 212–249.
2. Инишев И.Н. Феноменология как теория образа // Логос. 2010. № 5(78). С. 196–204.
3. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Наука, 1999. 312 с.
4. Петровская Е. Теория образа. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2010. 283 с.
5. Мерло-Понти М. Видимое и невидимое. Минск, 2005. 400 с.
6. Moxey K. Visual Studies and the Iconic Turn // Journal of Visual Culture. 2008. Vol. 7, iss.2. P. 131–146. DOI: 10.1177/1470412908091934.
7. Гумбрехт Х.-У. Производство присутствия: Чего не может передать значение. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 184 с.
8. Мерло-Понти М. Кино и новая психология восприятия. URL: <http://www.psychology.ru/library/00038.shtml> (дата обращения: 09.12.2016).
9. Мерло-Понти М. Око и дух. М.: Искусство, 1992. 63 с.
10. Мерло-Понти М. Сомнение Сезанна. URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/7647-cezanne> (дата обращения: 09.12.2016).
11. Mitchell W.J.T. Showing seeing: a critique of visual culture // Journal of Visual Culture. 2002. Vol. 1, iss. 2. P. 165–181. DOI: 10.1177/147041290200100202.
12. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.: Жуковский, 2003. 464 с.

Получено 17.02.2017

References

1. Bal' M. *Vizual'niy essentsializm i ob'ekt vizual'nyh issledovaniy* [Visual essentialism and the object of visual culture]. *Logos* [Logos]. 2012, no. 1(85), pp. 212–249. (In Russian).
2. Inishev I.N. *Fenomenologiya kak teoriya obraza* [Phenomenology as a Theory of Image]. *Logos* [Logos]. 2010, no. 5(78), pp. 196–204. (In Russian).
3. Merleau-Ponty M. *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of Perception]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1999, 312 p. (In Russian).

4. Petrovskaya E. *Teoriya obraza* [Theory of Image]. Moscow, RSUH Publ., 2010, 283 p. (In Russian).
5. Merleau-Ponty M. *Vidimoe i nevidimoe* [The Visible and the Invisible]. Minsk, 2005, 400 p. (In Russian).
6. Moxey K. Visual Studies and the Iconic Turn. *Journal of Visual Culture*. 2008, vol. 7, iss. 2, pp. 131–146. DOI: 10.1177/1470412908091934. (In English).
7. Gumbrecht H.-U. *Proizvodstvo prisutstviya: Chego ne mozhets peredat' znachenie* [Production of Presence: what meaning cannot convey]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2006, 184 p. (In Russian).
8. Merleau-Ponty M. *Kino i novaya psikhologiya vospriyatiya* [Cinema and the New Psychology]. Available at: <http://www.psychology.ru/library/00038.shtml> (accessed 09.12.2016). (In Russian).
9. Merleau-Ponty M. *Oko i dukh* [Eye and Mind]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1992, 63 p. (In Russian).
10. Merleau-Ponty M. *Somnenie Sezanna* [Cézanne's Doubt]. Available at: <http://theoryandpractice.ru/posts/7647-cezanne> (accessed: 09.12.2016). (In Russian).
11. Mitchell W.J.T. Showing seeing: a critique of visual culture. *Journal of Visual Culture*. 2002, vol. 1, iss. 2, pp. 165–181. DOI: 10.1177/147041290200100202. (In English).
12. Maklyuen G.M. *Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. Moscow, Zhukovskiy Publ., 2003, 464 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 17.02.2017

Об авторе

Реутов Антон Сергеевич

аспирант кафедры философии
и общественных наук

Нижегородский государственный педагогический
университет им. Козьмы Минина,
603950, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1;
e-mail: anton.s.reutov@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5283-1082

About the author

Reutov Anton Sergeevich

Ph.D. Student of the Department of Philosophy
and Social Sciences

Kozma Minin Nizhny Novgorod
State Pedagogical University,
1, Ulyanov str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia;
e-mail: anton.s.reutov@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5283-1082

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Реутов А.С. Визуальная феноменология М. Мерло-Понти // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 520–527. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-520-527

Please cite this article in English as:

Reutov A.S. Visual phenomenology of M. Merleau-Ponty // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 4. P. 520–527. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-520-527

УДК 008:[111.1 + 165]

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-528-536

ГЛОБАЛЬНЫЕ КАТАСТРОФИЧЕСКИЕ РИСКИ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ ЕДИНОГО ЗАКОНОМЕРНОГО МИРОВОГО ПРОЦЕССА. ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Внутских Александр Юрьевич

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермский национальный исследовательский политехнический университет*

Статья посвящена сопоставлению онтологических и эпистемологических принципов концепции глобальных катастрофических рисков и концепции единого закономерного мирового процесса. Показано, что концепция глобальных катастрофических рисков является важной современной трансдисциплинарной концепцией, имеющей существенное влияние как в экспертном сообществе, так и в массовом сознании. Реконструированы три онтологических и три гносеологических принципа данной концепции. Онтологические принципы сфокусированы на идее случайного и непредсказуемого характера любых процессов в мире, в том числе процессов, приводящих к глобальным катастрофам в силу равновероятности этих процессов и «равноправия» всех возможностей. Эпистемологические принципы сфокусированы на идее автономности субъективной стороны познания и его ограниченности вследствие конечности сферы человеческого опыта, проистекающей из когнитивных искажений и эффектов наблюдательной селекции. Однако с учетом содержания системы фактов современных частных наук, а также с позиций концепции единого закономерного мирового процесса философские (в первую очередь онтологические) принципы концепции глобальных катастрофических рисков выглядят недостаточно обоснованными. Показано, что идея иерархии возможностей и феномен «квантовой запутанности» в свете концепции единого закономерного мирового процесса позволяет совместить представления о закономерном в целом характере развития (интегральном прогрессе) с представлениями о случайных процессах (включая случайности глобальных катастроф). Кроме того, идея связи бесконечного и конечного в человеческом опыте на фоне онтологии «связанного», а не хаотичного мира позволяет говорить о репрезентативном характере нашего опыта в отношении мира в целом.

Ключевые слова: глобальные катастрофы, единый закономерный мировой процесс, когнитивные искажения, эффект наблюдательной селекции.

GLOBAL CATASTROPHIC RISKS IN THE LIGHT OF UNIFIED OBJECTIVELY DETERMINED UNIVERSAL PROCESS CONCEPT. PART 2

Alexander Yu. Vnutskih

*Perm State University,
Perm National Research Polytechnical University*

The article deals with the comparison of ontological and epistemological principles of the global catastrophic risks concept and the concept of unified objectively determined universal process. The author suggests that the concept of global catastrophic risks is an important contemporary trans-disciplinary concept, which has a significant influence both in the expert community and in the mass consciousness. Three ontological and three epistemological principles of the concept have been reconstructed in the article. Ontological principles are focused on the idea of casual and unpredictable character of any processes in the world, including processes leading to global catastrophes. It follows from equal probability of these processes and the «equality» of all possibilities. Epistemological principles are focused on the idea of autonomy of the subjective side in cognition and its limitations. These limitations are interpreted as results of finiteness of the human experience's sphere, due to cognitive biases and observation selection effects. However, the system of sciences and humanities

facts, which can be interpreted in the light of the concept of unified objectively determined universal process, evidences that the philosophical principles (first of all, ontological ones) of the concept of global catastrophic risks are insufficiently substantiated. The author believes, that the idea of a hierarchy of possibilities and «quantum entanglement's» phenomenon in the light of the concept unified objectively determined universal process suffer to combine the idea of determined integral progress with the idea of casual processes (including the chances of global catastrophes). Also, the link between the world's infinity and human experience's sphere in the light of the un-chaotic world's concept allows to speak about the representative character of our experience with respect to the world as a whole.

Keywords: global catastrophic risks, unified objectively determined universal process, cognitive biases, observation selection effects.

(Окончание. Начало в предыдущем выпуске)

Анализ онтологических принципов концепции ГКР

Итак, онтологическими принципами концепции глобальных катастрофических рисков (ГКР) являются [1]:

1.1. Принцип несвязанности прошлого и будущего, приводящей к неопределенному и непредсказуемому характеру развития.

1.2. Принцип «равноправия» возможностей («в равной степени возможно все») и случайности, как определяющей характер процессов в наблюдаемой Вселенной.

1.3. Принцип конечности человека и ограниченности прогрессивного развития материи.

Применительно к изложенным выше принципам переформулируем принципы концепции единого закономерного мирового процесса (ЕЗМП) [2] для более удобного их сопоставления с онтологическими принципами концепции ГКР.

2.1. ЕЗМП имеет характер необходимого и в общем смысле предсказуемого интегрального прогресса. Он реализуется как восхождение мира в целом от более простых состояний к более сложным благодаря его структурированию на три связанных направления развития: магистральное (его результат — необходимая последовательность основных форм материи) и два обуславливающих его подчиненных — включенного низшего (результат — теневые системы) и невключенного низшего (результат — комплексные формы материи).

2.2. Интегральный характер прогресса подразумевает определенную связанность единичных возможностей ЕЗМП и случайных событий, происходящих в его ходе (принцип всеобщей связи); возможности представляют собой не ничто, а определенные тенденции, объективно существующие в действительности, в свою очередь случайное выступает как проявление и дополнение необходимого, помогающее ему реализоваться.

2.3. Человек, являясь необходимым результатом ЕЗМП, обладает уникальными способностями к труду и мышлению; поэтому земное человечество имеет реальную возможность (хотя реализация ее не гарантирована) бесконечного развития посредством преобразования–доразвития природы.

Первый онтологический принцип концепции ГКР с позиций современной формы научной философии адекватен в том смысле, что развитие действительно есть не «тавтология», не преформистское «развертывание» того, что уже существует в скрытом виде, а появление существенно нового, в каких-то чертах невыводимого (непредсказуемого) из «системы отсчета» предшествующих этапов эволюции. Неустранимой чертой развития является «приращение сложности», обсуждающееся в современной материалистической диалектике в связи с формулировкой и решением проблемы (парадокса) развития: «откуда берется дополнительная сложность?» Считается, что высшее представляет собой интеграцию более простого (низшего) и более сложного (собственно высшего) — дополнительной сложности, рождающейся в ходе самого процесса развития. Нетождественность материи самой себе, ее способность в качестве *causa sui* порождать все более сложные состояния рассматривается здесь в качестве атрибута [1].

Вместе с тем в системе представлений сторонников концепции ГКР этот принцип означает и недооценку объективно существующей связи прошлого и будущего, отрицание признаков будущего (возможностей будущего) в прошлом, с одной стороны, и момента преемственности, аккумуляции в ходе развития — с другой. В действительности прошлое и будущее по необходимости связаны — прошлое как более простое, во-первых, содержит основу, частично включающуюся в виде теневой системы в более сложное при его появлении; во-вторых, прошлое содержит многообразные «зародыши», «маркеры» будущего, присутствующего в прошлом в виде возмож-

ностей. На выявлении и анализе этих возможностей и основано научное прогнозирование.

Также в концепции ГКР игнорируется то обстоятельство, что в ходе ЕЗМП с необходимостью реализуется интегральный прогресс, и в целом будущие состояния мира *всегда* (и в этом смысле — предсказуемо) оказываются сложнее предыдущих, поскольку в нем, при массовом сохранении одних объектов простыми и не менее распространенной деградации других объектов на подчиненных направлениях развития включенного и невключенного низшего, создаются условия, благодаря которым на магистрали ЕЗМП *с необходимостью появляются все более сложные вещи* — т.е. в целом растет «диапазон» их сложности. В этой связи в отношении к миру в целом приобретает смысл «отождествление собственно высшего... с реально возможным», подчинение через сферу возможного включенного и невключенного низшего высшему; о конкретных механизмах этого подчинения подробнее будет сказано ниже в связи со вторым онтологическим принципом.

Второй онтологический принцип концепции ГКР верен в том смысле, что в глобальной эволюции действительно есть «уровень тихогенеза», на котором она предстает как хаос случайных реализаций единичных возможностей (единичных объектов-флуктуаций), большинство из которых содержательно неразличимы в отношении более сложного будущего, в этом смысле «избыточны» и действительно постоянно элиминируются неблагоприятными (в том числе катастрофическими) факторами. Однако факт устойчивого прогрессивного развития наблюдаемой Вселенной в концепции ЕЗМП интерпретируется более глубоко, нежели в концепции ГКР. Согласно первой концепции в эволюции, помимо «кипящего слоя» объективно существующих случайных процессов есть и «уровень номогенеза», на котором она предстает как необходимая последовательность реализаций ряда общих возможностей, которые и репрезентируются возможностями единичными. Таким образом, перед нами возникает картина иерархии возможностей ЕЗМП, различающихся по степени общности, в которой случайное по форме «овеществление» и «развеществление» единичных возможностей содержательно означает необходимую реализацию всего ряда общих возможностей. В итоге реализуются те единичные возможности, реализация которых не противоречит, а способствует «выходу в реальность» посредством единичных событий следующей общей возможности, т.е. способствует продолжению ЕЗМП как интегрального прогресса. Таким обра-

зом, возможности эволюции отнюдь не равноправны — они имеют разное значение в свете структуры ЕЗМП и их собственной иерархической соподчиненности [3, с. 79–84].

Важно подчеркнуть, что реализации единичных возможностей (в т.ч. и возможностей конкретных глобальных катастроф в терминологии концепции ГКР), будучи объективно случайными, в свете факта устойчивого интегрального прогресса должны быть определенным образом скоррелированы. Закономерный, а не случайный характер мирового процесса в целом подразумевает существование какого-то *мгновенного «дальнегодействия»*. По-видимому, это «действие через сферу *возможного*, которая не имеет пространственно оформленных и разделенных компонентов... Каждое близкодействие... вычерпывает из нее свой результат, мгновенно меняя источник, из которого черпают остальные близкодействия» [3, с. 68].

Всеобщая связь, из наличия которой исходит современная форма материализма и диалектики, включает все многообразие связей — как непосредственных, так и опосредованных. Именно поэтому мир не представляет собой систему, а тот смертоносный хаос, из картины которого исходит концепция ГКР. Автор отнюдь не исходит из позиций физикализма. Однако на современном уровне развития науки необходимо найти некую «конкретно-научную проекцию» философского принципа всеобщей связи в свете установленной ограниченности скорости физических взаимодействий (скорости света). Без такой фактически обоснованной «проекции» наблюдаемая Вселенная (Метагалактика) при ее диаметре не менее 20 млрд. световых лет не может рассматриваться в качестве полноценной системы, элементы которой взаимодействуют в режиме «реального времени». Такого рода «проекцией», вероятно, могут являться представления об *отсутствии независимости квантовых событий* («квантовой запутанности»). В 1935 г. Эйнштейн, Подольский и Розен предложили знаменитый «ЭПР-парадокс». Пусть рожденные в одной точке частицы А и В разлетаются в стороны, так что ни у одной из них не заданы координата и импульс, но в силу закона сохранения импульса сумма их импульсов и сумма координат равна нулю. Теперь, если измерить координату частицы А, то ее волновая функция «схлопнется» в соответствующей точке. Но тогда одновременно «схлопнется» и волновая функция частицы В, поскольку ее координата после такого измерения тоже станет известной — частица В мгновенно «узнает» о том, какие показания дала приборам частица А вне зависимости от расстояния между ни-

ми, хотя никакого связанного с передачей вещества и энергии близкодействия при этом нет. «ЭПР-парадокс» разрабатывался как доказательство от противного — как мысленный эксперимент, призванный опровергнуть в ходе дискуссии А. Эйнштейна и Н. Бора «копенгагенскую интерпретацию» квантовой механики. Последняя описывает физическую систему путем *определения вероятности и средних значений* характеризующих ее величин с помощью волновой функции. Эйнштейну эта концепция представлялась ошибочной. Однако многократно воспроизведенные физические эксперименты позволяют говорить о наличии *объективно существующего коррелированного состояния квантовых частиц* — например фотонов (А. Цайлингер, 1997) и в-мезонов (А. Го, 2003) [4]. Выяснилось, что каждая «классическая проекция» квантовой структуры сопровождается мгновенной перестройкой вероятностей (возможностей) изменений характеризующих ее величин. При этом следует помнить, что представления о корпускулярно-волновом дуализме в современной физике универсальны в том смысле, что любой известный материальный объект включает в себя уровень элементарных частиц; соответственно законы макромира не могут нарушить законы микромира, хотя и не сводятся к ним.

Благодаря такой «несиловой», не связанной непосредственно с передачей вещества и энергии корреляции единичных событий, в ходе ЕЗМП может увеличиваться степень вероятности реализации одних возможностей и уменьшаться вероятность наступления других. Нельзя исключать, что одно из проявлений такой «несиловой» корреляции — по крайней мере некоторые из синхронизмов, которые обнаруживаются как значимые связи между единичными событиями, между которыми нет видимой причинной зависимости. Надежной фактической базы в отношении синхронизмов в науке пока нет, однако показательно, что такие авторитетные ученые как К. Юнг и В. Паули изучали их серьезно [5]. Правы мы в нашем предположении относительно синхронизмов или нет, но ясно одно: без наличия каких-то корреляционных механизмов реализацию принципа всеобщей связи в отношении единичных (в том числе катастрофических) событий даже в масштабах Метагалактики, не говоря уже о мире в целом, сложно себе представить. Без них любой фрагмент мира выглядел бы как абсолютный хаос. Но несмотря на объективное существование случайностей, такая всеобъемлющая хаотичность конечно не наблюдается.

В свете этих рассуждений и соответствующих фактов обрыв интегрального прогресса в целом по «чисто случайным» катастрофическим причинам, никак не связанным друг с другом и с состоянием дел на магистрали ЕЗМП, оказывается событием столь маловероятным, что оно может характеризоваться как практически невозможное. Возьмем, например, гипотетически возможный случай удара астероида с диаметром 100 км. (таких астероидов в Солнечной системе известно около 200), вероятно, способный отбросить эволюцию земной биосферы на сотни миллионов лет назад в силу высоко вероятного уничтожения всех сложных форм жизни на планете. Для сторонников концепции ГКР отсутствие остатков кратера от столкновения со стокилометровым астероидом на Земле означает не более чем *редкий*, причем *субъективно ненаблюдаемый*, характер таких катастроф и их последствий — поскольку если бы такое случайное событие все-таки имело место, то разумных наблюдателей на Земле в настоящее время просто не существовало бы. Однако с позиций концепции ЕЗМП, обогащенной представлениями о корреляции единичных событий, отсутствие следов такого импакта означает не только редкость и ненаблюдаемость, но *может* означать (хотя и не обязательно означает в данном конкретном случае) и *объективную невозможность такой катастрофы*, поскольку она исключила бы реализацию ряда последующих общих возможностей ЕЗМП. В качестве конкретного природного механизма, обеспечивающего снижение вероятности катастрофических космических ударов по планетам земного типа, можно рассматривать действие гравитационных полей газовых планет-гигантов Юпитера и Сатурна, которые дестабилизируют орбиты космических тел в поясе астероидов, заставляя их дробиться на более мелкие фрагменты и уменьшают общее количество этих потенциально опасных тел, выбрасывая их на периферию Солнечной системы [6].

Если же крупный (например, диаметром около 10 км, а таких тел в Солнечной системе известно около 10000) астероид все-таки достигает Земли — как это, возможно, случилось около 65 млн. лет назад, — то это происходит, может быть, когда реализация следующей общей возможности развития (например, возможности гоминизации млекопитающих) блокируется тем обстоятельством, что все экологические ниши наземных экосистем заняты специализированными рептилиями.

Таким образом подлинно *глобальная* катастрофа в философском смысле — в смысле останки ЕЗМП в масштабах мира в целом — невоз-

можно. Но это отнюдь не означает, что собственно *земное* человечество, особенно на данном, антагонистическом в социальном смысле этапе его развития, гарантированно избежит экзистенциальных угроз в смысле концепции ГКР. Определенные объективные природные и социальные предпосылки к развитию самых тяжелых из возможных катастрофических сценариев на нашей планете существуют, о чем будет сказано ниже. Здесь же, упомянув о ненулевой вероятности гибели земного человечества, хотелось бы особо подчеркнуть, что рассуждения о возможных механизмах, обеспечивающих необходимую реализацию основных этапов ЕЗМП, не имеют ничего общего с телеологией. Целей в человеческом смысле в природе конечно нет, но в свете системы фактов частных наук было бы опрометчиво рассматривать объективную реальность как бессистемный хаос, лишенный закономерностей и внутренних регулирующих механизмов.

В связи с уже сказанным и третий онтологический принцип концепции ГКР может быть принят лишь с существенными оговорками. Во-первых, ограниченность развития социальных существ космическими факторами в наблюдаемой Вселенной еще нужно обосновать в свете наличия у этих существ потенциальной способности к познанию и преобразованию любых элементов объективной реальности. Во-вторых, вне зависимости от судьбы социальных существ на Земле или в наблюдаемой Вселенной (Метагалактике), суждение о завершении в силу ее необратимого расширения и остывания прогрессивно направленного ЕЗМП нуждается в серьезной корректировке, поскольку многообразие типов вакуума, существование которого допускают и астрономы-исследователи катастрофических рисков космического генезиса [7, р. 43], может быть связано с представлениями о Мультиверсе (множественности различающихся по параметрам физических вселенных) [8]. В случае принятия этой гипотезы — а многие авторитетные космологи относятся к ней серьезно — масштабы применимости концепции прогрессивно направленного ЕЗМП будут существенно более широкими.

Теперь проанализируем эпистемологические принципы концепции ГКР с соответствующей аргументацией, изложенной в первой части нашей работы [1]:

1.1. Принцип разделения субъективных и объективных рисков, с выделением первых как основы для принятия решений.

1.2. Когнитивные искажения, характерные для человеческого познания и мышления, препятствуют адекватной оценке ГКР.

1.3. Эффекты наблюдательной селекции деформируют представления о месте человека в мире и препятствуют адекватной оценке ГКР.

В интересах сопоставления с этими принципами попробуем переформулировать известные принципы материалистической теории познания.

2.1. Человеческое сознание может быть определено как субъективный образ объективного мира; адекватность человеческих решений, в том числе оценка рисков, определяется в конечном счете степенью объективности данных образов.

2.2. Активность субъективной формы сознания может иметь как положительные, так и отрицательные следствия для познавательного процесса в смысле его адекватности реальности; в целом же неустранимая субъективная составляющая и специфичность чувственной сферы человека и человеческой психики, определяемые историей формирования вида *Homo sapiens* и исторически развивающимися социальными условиями, в рамках критического научного мышления не препятствуют объективному отражению действительности в силу репрезентативного в отношении к бесконечному миру характера сферы человеческого опыта и интеллекта — в том числе не препятствуют объективной оценке ГКР.

2.3. Важным случаем неустранимой субъективной составляющей человеческого познания являются эффекты наблюдательной селекции; однако при критическом научном подходе они не оказывают существенно деформирующего воздействия на адекватную оценку ГКР в силу репрезентативного характера человеческого познания как в отношении явлений, непосредственно входящих в сферу человеческого опыта, так и в отношении явлений, которые, находясь в «антропной тени», в эту сферу непосредственно не входят.

Относительно первого эпистемологического принципа концепции ГКР можно сказать, что в такой общей формулировке он в целом адекватен. Субъективное и объективное в нашем познании действительно могут быть в известной степени разделены и даже противопоставлены друг другу. Весь вопрос, однако, в том, признается ли и каким конкретно образом интерпретируется *связь субъективного и объективного*. Таким образом, основной «водораздел» концепций ЕЗМП и ГКР в эпистемологическом аспекте намечается в связи со вторым и третьим эпистемологическими принципами.

Наличие когнитивных искажений — это факт, установленный психологией. Когнитивными психологами было выявлено, что люди, особенно в условиях ограниченности информации и/или при необходимости быстрого принятия решений, мыслят далеко не рационально; они «используют методы мышления, называемые эвристиками, быстро дающими хорошие приблизительные ответы в большинстве случаев, но также приводящими к появлению системных ошибок — когнитивным искажениям» [9, р. 92]. К примеру, экспериментально было показано, что испытуемые в большинстве случаев предпочитают не рассуждать логически, сопоставляя математическую вероятность альтернативных вариантов решения задачи, а судят об ответе на основании наиболее легкодоступной информации (например — лучше запоминающейся либо позитивно воспринимаемой) или предпочитают судить об ответе на основании того, что в данном случае представляется им наиболее типичным, подменяя суждением о типичности в предложенной выборке суждение о достоверности. И, наконец, испытуемые, руководствуясь т.н. «мотивированным», а не «критическим» мышлением, всегда пытались подтвердить, а не опровергнуть свои гипотезы — даже ценной рационализации («правдализации») очевидных ошибок. В итоге Е. Юдковски приходит к выводу, что «мышление о глобальных рисках подвержено всем тем видам ошибочности, что и мышление вообще. Но ставки в этом случае... гораздо выше» [9, р. 36].

Впрочем, в известном смысле «все новое — это хорошо забытое старое». По крайней мере, некоторые ключевые проявления указанных когнитивных искажений были известны еще в XVII в. Ф. Бэкону: представляется, что их вполне можно рассматривать как проявления бэконовских «идолов», т.е. препятствий к познанию — «идола рода» и «идола пещеры». Например, Бэкон отмечал, что «человек скорее верит в истинность того, что предпочитает. Он отвергает трудное — потому что нет терпения продолжать исследование... то, что возбуждает чувства, предпочитается тому, что сразу чувств не возбуждает, хотя бы это последнее и было лучше». Как известно, Бэкон считал «идол рода» находящим свое основание в самой природе человека, и в этом смысле полагал его неустранимым. Вместе с тем он считал, что «построение понятий и аксиом через истинную индукцию есть, несомненно, подлинное средство для того, чтобы подавить... идолы». В таком случае власти человека над природой идолы угрожать не смогут [10].

До известной степени формирование у человека «идолов рода» может быть объяснено с позиций современной эволюционной эпистемологии — как закономерный результат естественного отбора, действовавшего на предков *Homo sapiens*. Например, можно предположить, что в условиях борьбы за существование, скажем, в формате отношений «хищник — жертва», быстрые решения на основании эвристик чаще (в масштабах популяции) спасали жизнь, нежели приводили к ее потере. Главный тезис эволюционной эпистемологии в том и состоит, что человеческое знание «апостериорно» филогенетически, т. к. органы чувств, центральная нервная система и их функции сложились в ходе биологической эволюции. Так, один из лидеров этого направления Г. Фоллмер отмечает, что «человеческая способность восприятия является таким же результатом естественного отбора, как и любой другой признак организма... селекция благоприятствовала лучшему познанию объективных черт того окружающего мира, в котором жили наши дочеловеческие предки» [11, с. 73]. Таким образом, эвристики были и во многом остаются практически полезными механизмами, определяющими успешность повседневных человеческих решений.

Вместе с тем можно согласиться с когнитивными психологами в том смысле, что эвристики, сформированные в ходе развития *популяций гоминоид*, эволюционировавших в африканской саванне сотни тысяч лет назад, не всегда адекватны в случае оценки риска *современным индивидом*, принимающим решения в XXI в.: эвристики действительно могут приводить к когнитивным искажениям. Однако дело не в том, кто прав в каждом конкретном случае — когнитивные психологи или эволюционные эпистемологи. Дело в общей для обоих этих направлений методологии. И те, и другие действуют с позиций *редукционизма*, делая акцент на биологической специфичности *вида Homo sapiens* — и потому говорят главным образом об *ограниченности* его познавательных способностей. А это существенная ошибка.

Не следует забывать об интегральной *социальной* сущности человека. Являясь закономерным результатом бесконечного и интегрированного всеобщей связью ЕЗМП, человек сам связан с бесконечным миром более фундаментальным образом, нежели «один из» приспособившихся к своей локальной среде биологических видов. Только человек из известных нам существ способен непосредственно осознавать всеобщее, репрезентированное во множестве единичных событий, и применять это знание на практике. Поэтому об-

ласть человеческого опыта не только конечна, но и в известном смысле бесконечна. Для познавательных способностей такого существа, живущего в мире, пронизанном всеобщей связью, когнитивные искажения не могут иметь рокового значения. Впрочем, важное рациональное зерно подхода когнитивной психологии состоит в акценте на борьбе с догматическим стилем мышления с помощью принципов и практик автономного критического мышления — в исследовательской работе всегда следует помнить предостережение Е. Юдковски относительно того, что «мы меняем свои убеждения гораздо реже, нежели нам кажется» [9, р. 101]. Именно в случае применения критического научного подхода когнитивные искажения могут быть успешно скорректированы, и показательно, что сам Е. Юдковски в названии своей статьи называет когнитивные искажения лишь *потенциально* способными влиять на суждения о глобальных рисках.

Осознавая всеобщее, человек познает и то, что непосредственно в сфере его опыта не входит. Поэтому третий эпистемологический принцип концепции ГКР также можно принять лишь с существенными оговорками. Для концепции ГКР характерен фактический отказ от обсуждения сильной интерпретации антропного космологического принципа, как и от возможных онтологических оснований этой интерпретации. Однако если мир — это система, интегрированная механизмами «мгновенного дальнего действия», то в «антропной тени», которая действительно существует, не может скрываться ничего такого, что никак не проявляет себя в сфере человеческого опыта. Судить об антропном принципе и об антропной селекции необходимо не только с позиций эпистемологии, но и с позиций онтологических — нужно учитывать, *в каком мире* осуществляется действительно всегда избирательный и в чем-то ограниченный процесс познания.

Таким образом, эпистемологические принципы концепции ГКР справедливо указывают на ценность автономного критического мышления и на необходимость осознания препятствий к его реализации, заложенных в самой природе человеческой психики. Можно согласиться и с тем, что эффекты наблюдательной селекции следует выявлять и тщательно учитывать в любой деятельности, включая оценки катастрофических рисков. Вместе с тем следует помнить, что эти гносеологические принципы, выполняющие также и определенные методологические функции, имеют подчиненное, служебное значение для выявления объективной истины в отношении оценки ГКР.

Абсолютизация этих принципов может легко привести к субъективизму, что особенно опасно в сфере оценки глобальных катастрофических рисков — сфере, которая ориентирует человеческую деятельность главным образом на превентивные меры, успешность которой сложно оценить как посредством верификации, так и фальсификации.

Разумеется, все сказанное об изъянах онтологических и эпистемологических принципов концепции ГКР не означает, что конкретной цивилизации на конкретном этапе ее развития (земному человечеству) в принципе не могут угрожать катастрофические события экзистенциального характера. Концепция ЕЗМП отнюдь не предполагает, что земное человечество является целью эволюционного процесса и ему гарантировано бесконечное развитие: это было бы телеологической ошибкой. Если предположить, что в мире в котором мы живем, существует не одна цивилизация — а в силу прогрессивной направленности развития и масштабов Метагалактики, не говоря уже о возможности существования мультиверса вселенных, такое предположение кажется небезосновательным (хотя в настоящее время оно не доказано), — то мы будем вынуждены заключить, что судьба различных цивилизаций подобна судьбе прочих реализованных возможностей ЕЗМП, находящихся на не самом глубоком уровне возможностной иерархии. Судьба эта будет определяться тем, способствует ли данная цивилизация продолжению реализации общих возможностей ЕЗМП, способствует ли она продолжению его магистрали.

Очевидно, что вероятность наступления глобальных катастроф будет различной для цивилизации, преодолевшей по крайней мере наиболее острые социальные антагонизмы, научившейся относительно гармонично сосуществовать с природой и эффективно осваивающей космическое пространство, и для цивилизации, которая, оставаясь внутренне разобщенной, во все возрастающем масштабе разрушает свою биосферу и тратит ресурсы не на освоение космоса, а на производство все более смертоносного оружия. Тем самым она препятствует собственному устойчивому развитию на магистрали эволюционного процесса, провоцируя «срыв» соответствующей области объективной реальности с магистрали на направление невключенного низшего. Образно выражаясь, в мире, в котором объективно существуют случайности и многообразие реальных возможностей, мы все рискуем — но некоторые рискуют неоправданно много, причем постоянно идут «ва-банк», постоянно повышая вероятность катастрофических со-

бытий для себя и освобождая других «игроков» от опасности реализации «их» катастрофических возможностей. В свете этих соображений концепция ГКР, в силу ее влиятельности — как на экспертное сообщество, так и на массовое сознание — будучи интерпретированной с учетом принципов концепции ЕЗМП, может внести серьезный вклад в осознание соответствующих угроз и стабилизацию эволюционной траектории земного человечества.

Заключение

Итак, можно сделать следующие выводы:

1. Концепция ГКР исходит из позитивистских и постпозитивистских принципов, которые в смысле эпистемологическом акцентируют внимание на абсолютизации автономности субъективного в познании, а также на принципиальной ограниченности познавательных способностей человека в силу конечности сферы его опыта и доступности ему лишь незначительной части единичных явлений (проистекающей в том числе из когнитивных искажений и эффектов наблюдательной селекции).

2. Онтологический аспект концепции ГКР глубоко не разработан; однако подразумевается, что характер процессов в мире в силу «равноправия» возможностей («возможно все») в целом случаен, непредсказуем и не может характеризоваться как закономерный интегральный прогресс.

3. В сопоставлении с концепцией ЕЗМП эти принципы представляются недостаточно обоснованными: идея иерархии возможностей позволяет совместить представления о закономерном характере прогрессивно направленного развития с представлениями о случайных процессах (включая случайности глобальных катастроф), а идея связи бесконечного и конечного в человеческом опыте позволяет говорить о репрезентативном характере последнего в отношении мира в целом.

4. Вместе с тем и сторонники концепции ЕЗМП для того, чтобы в условиях современной познавательной ситуации успешно справляться с новыми теоретическими вызовами, должны воспринять идею мгновенного дальнего действия, которое одно может объяснить интегративный характер бесконечного мирового процесса, а также практики критического мышления, которые позволят еще более усилить позиции данной концепции.

5. Две рассмотренные концепции можно рассматривать как частично совместимые в том смысле, что концепция ГКР, проинтерпретированная и скорректированная в свете развивающейся концепции ЕЗМП, может внести важный вклад в превенцию глобальных катастроф и фор-

мирование устойчивой траектории развития человеческой цивилизации.

Список литературы

1. *Внутских А.Ю.* Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса. Часть первая // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. № 3. С. 328–334. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-328-334.
2. *Орлов В.В.* История человеческого интеллекта. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1999. Ч. 3. 184 с.
3. *Барг О.А.* Живое в едином мировом процессе. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993. 227 с.
4. *Барашенков В.* Эффект телепортации // Знание — сила. 2004. № 1. С. 33–41.
5. *Стерледев Р.К., Стерледева Т.Д.* Синхроничность как предмет повышенной опасности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. Вып. 3, ч. 2. С. 171–174.
6. *Soja R.* Dynamics of the Solar System Meteoroid Population. A thesis submitted in partial fulfilment of the requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in Physics at the University of Canterbury. 2010. Department of Physics and Astronomy University of Canterbury. URL: https://ir.canterbury.ac.nz/bitstream/handle/10092/4305/thesis_fulltext.pdf;jsessionid=FF1B3ADC1EA5E27541720CA6DB52A510?sequence=1 (accessed: 30.07.2017).
7. *Adams F.* Long-term astrophysical processes // Global Catastrophic Risks. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 33–47.
8. *Виленкин А.* Мир многих миров: физики в поисках иных вселенных. М.: Астрель, 2009. 303 с.
9. *Yudkowsky E.* Cognitive biases potentially affecting judgment of global risks // Global Catastrophic Risks. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 91–119.
10. *Бэкон Ф.* Новый Органон. URL: http://www.lib.ru/FILOSOF/BEKON/nauka2.txt_with-big-pictures.html#2 (дата обращения: 30.07.2017).
11. *Фоллмер Г.* Эволюционная теория познания: врожденные структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки. М.: Русский Двор, 1998. 256 с.

Получено 01.08.2017

References

1. *Vnutskikh A.Yu.* *Global'nye katastroficheskie riski v svete kontseptsii edinogo zakonomernogo mirovogo protsesssa. Chast' pervaya* [Global Cata-

- strophic Risks in the light of Unified Objectively Determined Universal Process Concept. Part 1]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. 2017, iss. 3, pp. 328–334. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-328-334. (In Russian).
2. Orlov V.V. *Istoriya chelovecheskogo intellekta* [The history of human intellect]. Perm, PSU Publ., 1999, part 3, 184 p. (In Russian).
 3. Barg O.A. *Zhivoe v edinom mirovom protsesse* [Living in United World Process]. Perm, PSU Publ., 1993, 227 p. (In Russian).
 4. Barashenkov V. *Effekt teleportatsii* [Effect of Teleportation]. *Znanie — sila* [Knowledge is Power]. 2004, no. 1, pp. 33–41. (In Russian).
 5. Sterledev R.K., Sterledeva T.D. *Sinkhronistichnost' kak predmet povyshennoy opasnosti* [Synchronicity as a subject of increased danger]. *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskustvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice]. 2017, iss. 3, part 2, pp. 171–174. (In Russian).
 6. Soja R. *Dynamics of the Solar System Meteoroid Population*. A thesis submitted in partial fulfilment of the requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in Physics at the University of Canterbury. 2010. Department of Physics and Astronomy University of Canterbury. Available at: https://ir.canterbury.ac.nz/bitstream/handle/10092/4305/thesis_fulltext.pdf;jsessionid=FF1B3ADC1EA5E27541720CA6DB52A510?sequence=1 (accessed 30.07.2017). (In English).
 7. Adams F. Long-term astrophysical processes. *Global Catastrophic Risks*. Oxford, Oxford University Press, 2012, pp. 33–47. (In English).
 8. Vilenkin A. *Mir mnogih mirov: fiziki v poiskah inyh vseennyh* [Many Worlds in One: The Search for Other Universes]. Moscow, Astrel' Publ., 2009, 303 p. (In Russian).
 9. Yudkowsky E. Cognitive biases potentially affecting judgment of global risks. *Global Catastrophic Risks*. Oxford, Oxford University Press, 2012, pp. 91–119. (In English).
 10. *Bekon F. Noviy Organon* [New Method]. Available at: http://www.lib.ru/FILOSOF/BEKON/nauka2.txt_with-big-pictures.html#2 (accessed 30.07.2017). (In Russian).
 11. Follmer G. *Evoljucionnaya teoriya poznaniya: vrozhdennye struktury poznaniya v kontekste biologii, psikhologii, lingvistiki, filosofii i teorii nauki* [Evolutionary epistemology]. Moscow, Russkij Dvor Publ., 1998, 256 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 01.08.2017

Об авторе

Внутских Александр Юрьевич
доктор философских наук, доцент

профессор кафедры философии,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;

профессор кафедры философии и права,
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;

e-mail: avnut@inbox.ru
ORCID: 0000-0003-4162-1033

About the author

Vnutskih Alexander Yur'evich
Doctor of Philosophy, Docent

Professor of the Department of Philosophy,
Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;

Professor of the Department of Philosophy and Law,
Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;

e-mail: avnut@inbox.ru
ORCID: 0000-0003-4162-1033

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса. Часть вторая // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-528-536

Please cite this article in English as:

Vnutskih A.Yu. Global catastrophic risks in the light of unified objectively determined universal process concept. Part 2 // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 4. P. 528–536. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-528-536

УДК 111.6:616.89

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-537-546

ПОТЕНЦИАЛ ПСИХОТЕРАПИИ КАК ГУМАНИТАРНОЙ ПРАКТИКИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Динабург Светлана Роальдовна

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Необходимость философского исследования психотерапии как актуальной антропологической практики обосновывается с привлечением критической философии М. Фуко и современных форм материалистической философии. На протяжении всей своей истории психотерапия декларировала ценностную нейтральность и дистанцировалась от участия в разрешении актуальных социальных проблем. Однако в наши дни это положение, вытекающее из необходимости соблюдения профессиональных требований, вошло в противоречие и с реальным положением вещей, и с задачами развития самой психотерапии. С одной стороны, рождение и становление психотерапии происходило в эпоху разрушения культурных ценностей и кризиса философии, поэтому она с необходимостью наследовала мировоззренческую, духовно-этическую и праксеологическую миссию предшествующих социальных институций. С другой стороны, ей не удалось избежать влияния индивидуалистических установок и ценностей консьюмеризма, а также определенной социальной ангажированности. Психотерапия и транслируемые ею ценности играют важную роль в современной, особенно западной, культуре, хотя это влияние зачастую носит латентный характер. На кейсе концепции устойчивого развития показано, что необходимым условием решения актуальных социальных проблем является готовность преодолевать стереотипность мышления и прежние ценностные установки, преодолевать сопротивление изменениям и сопутствующий им дискомфорт. Не отрицая определяющей «в конечном счете» роли объективных производственных факторов для общественных трансформаций, ведущих к устойчивому развитию, автор полагает, что антропологические практики могут этим трансформациям существенно способствовать.

Ключевые слова: «антропологические практики», зрелость, психотерапия, сложность, трансдисциплинарность, устойчивое развитие, этика потребления.

POTENTIAL OF PSYCHOTHERAPY AS HUMANITARIAN PRACTICE: PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Svetlana R. Dinaburg

Perm National Research Polytechnical University

The paper substantiates the necessity of philosophical research on psychotherapy as a current anthropological practice, which is done based on the critical philosophy of M. Foucault and modern forms of materialistic philosophy. Throughout its history, psychotherapy has declared its axiological neutrality and distanced itself from participation in resolving urgent social problems. However, nowadays this concept, stemming from the need to comply with professional requirements, has come into conflict with the real state of things, and with the tasks of the development of psychotherapy itself. On the one hand, the birth and formation of psychotherapy occurred in the era of the destruction of cultural values and the crisis of philosophy, so it necessarily inherited the ideological, spiritual and ethical, as well as praxeological mission of previous social institutions. On the other hand, it has failed to avoid the influence of individualistic attitudes and values of consumerism, as well as certain social engagement. Psychotherapy and its values play an important role in modern culture, especially Western, although this influence is often latent in nature. On the case of the sustainable development concept, the author of the article shows that the necessary condition for solving urgent social problems is the willingness to overcome stereotyped thinking and values, overcome resistance to change and the accompany-

ing discomfort. The author is not denying the defining role of the objective economic factors for social transformations that lead to the sustainable development, nevertheless believes that anthropological practices can significantly contribute to these transformations.

Keywords: «anthropological practices», complexity, ethics of consumption, maturity, psychotherapy, transdisciplinarity, sustainable development.

В условиях многоаспектного кризиса современной человеческой цивилизации, который можно интерпретировать как следствие комплекса глобальных проблем человечества, психотерапия прочно вошла в число наиболее востребованных современностью гуманитарных, или как их еще называют, «антропологических» практик. Непосредственное тому подтверждение — «реальность систематической встречи “практикующих”» [1, с. 78]. Под такого рода практиками мы понимаем различные формы намеренной, направленной трансформации себя, имеющие в основе некую «идею о человеке» (В.М. Розин), что позволяет в какой-то мере преодолевать детерминирующую деятельность и мышление каждого из нас «культурную и социальную обусловленность» [2]. Едва ли нужно доказывать, что эти «человекотворческие» практики, подобные психотерапии, остро нуждаются в компетентной философской рефлексии — в том числе со стороны онтологии. Проблема, однако, состоит в том, что философское осмысление этого феномена вообще значительно отстает от уровня экспансии психотерапии. Пока в отечественной литературе можно найти лишь единичные работы, в какой-то степени посвященные такому осмыслению [3–5].

Основной целью данной работы является попытка выявить общее направление поиска онтологических оснований возможной философской концепции психотерапии, продемонстрировав одновременно, что выбор этих оснований тесно связан с определенной социально-философской и праксеологической концепцией.

Что же такое психотерапия, как возможно ее философское определение? Попытки определить психотерапию через существенную связь или атрибут, например, как «влияние на психику» или *talking cure* («лечение разговором»), столь же архаичны и принципиально недостаточны, как известные дефиниции «существо без перьев», «политическое животное» — в отношении человека. Поэтому, следуя за потенциалом исторически и теоретически доказавшего свою продуктивность принципа, что *сущность* человека — это *ансамбль* всех общественных отношений (знаменитый «шестой тезис о Фейербахе» К. Маркса), необходимо иметь в виду, что и онтология психо-

терапии не может быть выстроена и понята вне рассмотрения ее в системе социальных связей.

Проблематичность *осуществления* указанного подхода в отношении любого феномена связана не только со многими аспектами сложности самого объекта исследования. Очевидно, что социальные явления, будь то отдельный факт или событие, не говоря о любых формах деятельности: 1) не могут быть просты в своей структуре и связях с другими социальными объектами; 2) обладают исторической и культурной динамикой, на которую влияет активность субъектов, 3) вовлечены к тому же в неоднозначные процессы коммуникации и интерпретации. Трудность иного порядка заключается в том, что построение основательной системы — не исчерпывающей, но раскрывающей ключевые аспекты любого социального феномена — неизбежно обусловлено определенным теоретическим пониманием *сложности, развития, субъекта* (и его активности), а также роли *интерпретации*, т.е. сопряжена с ключевыми проблемами современной онтологии.

Трезвая оценка своих возможностей вынуждает многих современных исследователей к методологической неконсистентности (неоднородности): они стремятся некоторым образом фиксировать границы систематического анализа (изложения), чтобы затем в соответствии с требованиями проблемно-ориентированного и трансдисциплинарного знания постнеклассической науки покинуть их, определяя свой предмет, например, «в широком метафизическом смысле, далеком от строгих коннотаций» [6, с. 1], или исследуя его «в рамках гетерогенного набора практик» [7, с. 6]. Вероятно, такой «практико-ориентированный» подход к определению, реализующий философствование, не отождествляемое исключительно с философской теорией, имеет право на существование — по крайней мере, в случае необходимости определения новых феноменов, не имеющих (а возможно, и в будущем неспособных обрести) «четких», «определенных» в смысле *классической* рациональности контуров. Более того, право на теоретическую «недоопределенность» при исследовании практик обосновано в подходе, получившем название «теория практик», предлагающем детальное описание специфики исследования

практик. Сама теория практик представляет собой не систему теоретических положений, а «определенный вид практики или сгусток практик», она не «объясняет, а интерпретирует» — дает не знание причинно-следственных связей, а новое понимание ситуации [8, с. 31–33].

Как показывает анализ литературы, современная методология успешно решает задачу определения сложных социальных феноменов в общем виде, выстраивая определенную топологию социального пространства и определяя место этого явления на этой своего рода карте социальной реальности. Интересно, что экспликация принципов такого определения становится возможной именно тогда, когда мы видим разные способы его реализации, в которых можно уловить «априорную» общность и «эволюционную» преемственность. Итак, локализация социального феномена, во-первых, ставит вопрос о его демаркации с другими объектами (с одной стороны, проводя различия, с другой — выделяя общие признаки), а во-вторых, пытается определить положение феномена относительно фундаментальных ориентиров. Заметим, что таксономическая задача подведения под более общее понятие, например, «психотерапия — это лечение методами психологического воздействия» или «психотерапия — это деятельность по избавлению от проблем», может рассматриваться как самая простая реализация указанного подхода, но именно этот путь способен породить фактически неограниченное количество слабосвязанных формулировок. Такой «клубок» дефиниций зачастую создает впечатление непостижимой сложности явления, и для проблемы определения психотерапии это справедливо в полной мере.

Появление уровня, на котором и возможно появление организованного пространства для описания социальной реальности, обусловлено тем, что *сложность* феномена понимается как система взаимосвязанных аспектов. Одним из фундаментальных столпов, к которому можно «привязать» практически любой социальный феномен, является «деятельность». Этот концепт в свою очередь традиционно раскрывается через связь аспектов: «теория» (система знания) — «практика» (социальная функция); «профессия» (место в общественном разделении труда) — «социальный институт» (организация, правила); «смысл» (базовое, существенное отношение) — «инструмент» (совокупность методов, приемов, образцов, техник). Таким образом, на этом методологическом уровне логично обосновывать, что психотерапия *тоже* наука и *тоже* профессия [4]. А также то,

что психотерапия отличается от медицины, педагогики и права, поскольку она реконструирует дисциплинарное отношение «власть – знание» (по М. Фуко) и потому не находится «в сговоре», как означенные сферы, с институциями, желающим получить «хорошего» (послушного) члена общества, служа непосредственно человеку [3].

Относительная ограниченность возможностей этого уровня описания проявляется в том, что подобная формально обобщенная структура, с одной стороны, образует сложную многомерную конструкцию (слабоинтегрированное перечисление ряда аспектов, ракурсов или контекстов), а с другой — не позволяет учесть влияние эффектов, которые вполне очевидны или подразумеваются, но остаются вне пределов рассмотрения. Таким образом, представленная картина теряет целостность и реалистичность. Для иллюстрации можно привести следующее определение, отнюдь не исчерпывающее все грани возможного и которое не может раскрыть *диалектику столкновения* — те реальные «встречные» движения в поле социальных сил, благодаря которым феномен вообще существует и развивается: «с историко-культурной точки зрения психотерапия предстает как (1) новейшая форма практики себя; с точки зрения ее парадигмальной специфики — как (2) гуманитарная дискурсивная практика; в социальном аспекте она является (3) институтом производства субъективности постсовременного типа, в корне отличным от нововременных антропологических практик тем, что в основе ее целевой программы заложен регулятивный принцип самопонимания обратившегося к ней человека; (4) от них ее отличает а) диалогическая коммуникативная структура, б) наличие этического измерения и в) непосредственный онтологический эффект; ее методологическим основанием является (5) феноменологическая герменевтика; в опоре на аристотелевское трехчленное деление глобальных сфер человеческой жизнедеятельности (*episteme – phronesis – techne*) — в противовес новоевропейскому двучленному делению (наука – практика) (6) телос психотерапии может категоризоваться как фронезис — “практическая мудрость” или “нравственная разумность”» [2, с. 194].

Поэтому следующий по сложности уровень представления социальных феноменов должен учитывать тот факт, что любая система знания производит также и незнание, социальные институты при исполнении прямых функций порождают теневые процессы, формы общественного сознания сближаются с практиками (например, для философии просматривается эмпирический уро-

вень, для науки — обыденный и идеологический, а традиционно понимаемые практики предполагают экзистенциально-мировоззренческий). Иначе говоря, сложные социальные феномены имеет смысл рассматривать как *системы духовно-практической деятельности*, структурная организация которых инвариантна — и философия в этом смысле аналогична искусству, религии, частным наукам и т.д. [9, с. 6]. На этом уровне сложность понимается в духе идеи «самоподобия сложных структур, масштабной инвариантности, фрактальности», где «малый фрагмент структуры... подобен другому, более крупному фрагменту или даже структуре в целом» [10, с. 740].

При этом способе рассмотрения психотерапия структурно подобна другим «теоретически осведомленным практикам», «интегральным формам опыта» [11] — не только медицине, педагогике и юриспруденции, но также архитектуре, агрономии и др. Все они представляют не только проблемно-ориентированный полидисциплинарный комплекс знания, за пределами узкого дисциплинарного деления, подобно тому, как психотерапия базируется не только на психологической науке, а исторически и теоретически сложилась как взаимодействие философии, наук о человеке и гуманитарной методологии [3, 4]. Но также структура этого интегрального опыта является одновременно теорией (научным знанием), практикой (сферой его общественно востребованного применения), искусством (воспроизведением общего в единичном и в широком смысле творческим синтезом разума и интуиции), практической мудростью (системой адекватных и ответственных решений) и ценностно-нормативной моделью (основой смысложизненного проекта) [12, с. 40].

Обоснованная таким подходом *интегральная форма опыта* представляет собой не формальную схему, а вполне жизненную территорию, описание которой можно интерпретировать как карту и специфицировать по мере практической необходимости. Однако один из центральных вопросов здесь — это вопрос именно «широкого метафизического смысла», вопрос об особом идеале культурной жизни, воплощаемом феноменом психотерапии. Поэтому для такого уровня определения феномена необходимо дополнительное измерение сложности, приводящее к пониманию интегрального опыта как социокультурного феномена — как «социального в культурном разнообразии» [9, с. 3]. При таком подходе культура рассматривается как конкретно-исторический вариант развития общества, а общество — как ансамбль взаимодей-

ствующих культур. От территории опыта-практики мы переходим к *культурному ландшафту*, базирующемуся на многообразии форм социокультурной материальности. Это физическое пространство и среда обитания, «но теперь мы видим на них печать былого отвоевания и защиты, освоения и преобразования». Культурный ландшафт «выступает местом рождения человека и его последнего покоя», здесь открывается важность его «поэтического, религиозного, метафизического осмысления» [13, с. 141], а экологическая проблематика стимулирует в связи с этим ландшафтом формирование новой этики.

С онтологической точки зрения психотерапия не является деятельностью по устранению проблем, если их понимать в аспекте фундаментального проявления реальности. Однако она устраняет их невыносимость для человека, выступая «ускоренным образовательным процессом», направленным на достижение задержавшейся зрелости «из-за попыток жить с детским отношением к жизни» (по Д. Бьюдженталу). Определение ее через лечение корректно при двух обязательных условиях. Во-первых, по Ю. Хабермасу, это прежде всего «подлинная деонтология», понимающая «нарушение специфически человеческого способа существования» — утерю свободы и самообман, «самоутаивание страдания» как основание и причину психического расстройства. Здоровье в таком случае выражается не через индикаторы нормальности, а через признаки «ненарушенного самобытия» [14, с. 10]. Во-вторых, это лечение как «практика себя» — психотерапия снимает с человека «невольный статус объекта» и «вводит его в действие в качестве автора своей собственной жизни» (Ш. Ференци).

Послание психотерапии человеку парадоксально: «стать тем, кто я есть, стать (самим) собой». Это послание транслируется через многообразные формы «неосязаемой материальности» [13], пронизывает собой все аспекты феномена и циркулирует в различных сферах культуры. Для адекватного восприятия такого послания, для реализации саморефлексивной антропологической «практики себя» необходим субъект особого рода. И он, как показано [5], появляется на определенном этапе социально-исторического развития, в результате глобальной и локальной социальной динамики и становления необходимых технологий.

Можно указать на два ключевых и взаимосвязанных качества антропологических практик, истоки которых М. Фуко обнаруживает еще в Античности, однако содержание их затем «переот-

крывается» и технологизируется в профессиональной психотерапевтической деятельности. Первое необходимое качество связано с практикой устойчивого, направленного, длительного внимания в процессе осмысленной деятельности для преодоления неизбежной инерции и сопротивления, встречающих любые попытки изменения. Таким образом, становление изменений в своей глубинной основе — это не столько процесс интеллектуального узнавания или «влияния на психику», сколько *перестройка связей на всех уровнях* — от новых нейронных путей до социальных отношений. Для того чтобы этот процесс мог состояться, необходимы также «технологии для установления доверительных личных отношений людей друг с другом и со сферой трансцендентного» [13, с. 143]. Особо подчеркнем, что под «трансцендентным» здесь может пониматься вполне интерпретируемый с позиции научного подхода опыт — например, трансперсональные переживания индивидом, связанные с его объективной причастностью ко всеобщему [15].

Анализируя социокультурный контекст, в котором реализуются психотерапевтические практики в наши дни, следует признать, что отщепление «практик себя» от сферы так понимаемого трансцендентного, интерпретация своей «самости» (self) в индивидуалистическом и эгоцентрическом ключе, в духе само-озабоченности и самоочарованности стало одним из наиболее важных изменений в культуре за последние десятилетия. Это культура потребительского общества. Вульгаризированное саморазвитие «свелось к потреблению и приобретению впечатлений, переживаний, культурных и материальных продуктов, приобретению привлекательности и харизмы» [16, с. 98]. Экономической основой этого общества является частная собственность, которая, по-видимому, действительно способствует высокому уровню отчуждения людей друг от друга и от самих себя в современном социуме. Неслучайно, как отмечает О.В. Хлебникова, в таком обществе «окружающий людей ландшафт по определению состоит не из других людей и вещей, а исключительно из объектов потребления ... и основным сущностным содержанием гештальта потребления выступает внутреннее переживание человеком бытия мира в качестве акта его *присвоения* (выделено мной. — С.Д.)» [6, с. 2–3]. Если же учесть, что психотерапевтическая практика имеет существенную материальную основу (это суровая реальность психофизиологии, психосоматики, вполне конкретных социальных условий и ресурсов), то ответ на во-

прос о вкладе психотерапии в процесс воспроизводства и развития «общественной психологии», общественного сознания, с одной стороны, по-видимому, может быть принципиально обоснован с *материалистических позиций*.

Однако, с другой стороны, «сильное» материалистическое обоснование этого ответа пока затруднено рядом обстоятельств. Одно из них связано не только с недостаточно развитыми средствами анализа неэкономических факторов, но и со сложившимся теоретическим скепсисом в отношении материалистического подхода к решению проблемы социального развития. Хотя материалистическое понимание истории возникло как открытая научная система, все же, как отмечал С.Э. Крапивенский, поскольку оно «формировалось в противостоянии с социологическим идеализмом, главное внимание ее творцами обращалось на обоснование экономической стороны в качестве материальной основы жизни общества, и в то же время не всегда хватало времени, сил и поводов для выявления активной роли внеэкономических факторов — духовно-психологических, технико-технологических, географических, биодемографических и т.д.» [17, с. 21]. В итоге «дело дошло до прямой конфронтации с неэкономическими парадигмами общественного развития», которые нередко подвергались «“зряшной”, все отметающей критике» [там же]. Поэтому известный еще основоположникам марксизма закон активного обратного воздействия общественного сознания на общественное бытие у их последователей не получил достаточной разработки с позиций материализма на огромном и чрезвычайно интересном материале XX – начала XXI в., причем именно такой разработки, которая позволила бы с материалистических позиций интегрировать социальные («натуралистические») и гуманитарные («культурцентристские») концепции «среднего» уровня. Отметим впрочем, что в русле неомарксизма попытки такой разработки в последние десятилетия делались [7].

Другим обстоятельством, затрудняющим оценку вклада «общественной психологии» в социальные изменения, является сам объективный закон отсутствия «жесткой связи», однозначной детерминации между общественным бытием и общественным сознанием. Закон этот проявляется в способности общественного сознания как опережать общественное бытие (теоретический профетизм), так и отставать от него, затягивая рефлексию значимых тенденций («слепое пятно» в рецепции). Признание на этом фоне положения

современной теории сложности о том, что реальность «безжалостно нелинейна» — а значит, наступление экстремальных, маловероятных событий «скорее норма, чем исключение для сложного мира, в котором мы живем», выводит на повестку дня новую логику обоснования. Обоснования не только «сущего», но и «должного», не только объяснения «мира сложности», но и «управления сложностью», не столько обоснования закономерности его механизмов (они, конечно, закономерны и эту закономерность можно и нужно интерпретировать с позиций материализма), сколько конструирования «желаемого, наиболее благоприятного и вместе с тем достижимого будущего» [18, с. 82–83].

Разработка проектов в рамках этой амбициозной программы, как и развитие конкретно-всеобщего уровня философской рефлексии о роли различных интегральных форм опыта в формировании культурного ландшафта — это, по-видимому, грандиозная задача будущих коллективных усилий, своего рода «объективированный заказ» для научных трансдисциплинарных коллабораций. Мы же понимаем основную задачу нашего исследования как гораздо более скромную — способствовать такой постановке вопроса о социальной значимости феномена психотерапии, которая позволила бы благодаря учету социальной перспективы продвинуться к подходящей для интерпретации этого феномена онтологии. В качестве предварительного обоснования в этой связи можно сослаться на интересную мысль К.С. Пигрова о том, что «социальное — это даже не предмет, а один из фундаментальных *методов* постижения всеобщего», и тогда территория социальной философии — это метатеория, необходимая для погружения на уровень «всеобщего, постигаемого через изучение социума» [19, с. 64–67].

Во всяком случае очевидно, что всеобщий уровень феномена психотерапии может быть понят не в узком смысле, как изменение сознания, поведения, а в широком, через понимание философии как *практики*, например, в форме *философии поступка*, по М.М. Бахтину. Философия поступка — это онтология не столько «сознания», сколько переживания и действия, философия особенного-для-единичного: «факт действительного признания своей причастности к единому бытию-событию, факт, не могущий быть адекватно выраженным в теоретических терминах, а лишь описан и участно пережит»; «Я занимаю в единственном бытии единственное, неповторимое, незаместимое и непроницаемое для другого ме-

сто... <и> ...это признание единственности моего участия в бытии есть действительная и действенная основа моей жизни и поступка» [цит. по: 20].

Сделав эти замечания относительно онтологических, социально-философских и праксиологических аспектов и перспектив исследования феномена психотерапии, завершим статью обращением к кейсу крупных социальных проблем, поиск решения которых, по-видимому, будет серьезно затруднен вне контекста антропологических практик. Речь идет о глобальных проблемах человечества и направленной на их решение стратегии устойчивого развития (УР). Как известно, парадоксальность ситуации состоит в том, что принятая на международном уровне и не имеющая серьезной научной контраргументации концепция УР на протяжении без малого пятидесяти лет конкретными странами была реализована в очень малой степени.

Однако можно показать, что вектор современной «устойчивости» проявляется не только по отношению к динамике событий, в смысле «sustainable-to» (resilience), но и по отношению к области проявлений в самой повседневности, в смысле «sustainable-in» (lifestyle). Концепция «устойчивого стиля жизни» не только *провозглашалась* (в 1992 г. на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро) как путь экологизации и производства, и потребления. Она не только активно *обсуждалась* в последние десятилетия как *новая этика потребления*, продиктованная последствиями влияния привычного образа жизни на окружающую среду. Сегодня она *реализуется* — и именно как *практическая народная философия* в родственных друг другу формах энвайронментализма, эссенциализма, минимализма, движений SimpleLife («простая жизнь») или SlowMovement («медленное изменение») и т.п. «Происходящая сегодня переориентация поведения людей в сторону учета экологического фактора в повседневной жизни рассматривается исследователями как результат перемены ценностных ориентаций» [13].

С одной стороны, существуют серьезные аргументы «против», делающие реализацию принципов этой философской практики труднодостижимым на уровне больших групп людей и глобальных изменений. Очевидно, что на фоне «океана» глобального потребительского общества, фундированного экономически, отдельные личности и небольшие сообщества вполне могут построить отдельно взятые «экологические оазисы», это даже может стать трендом, как, например, движение

ZeroWaste («нуль отходов»), но этой стратегии, основанной главным образом на отказе от того, что предлагает уже запущенный механизм производства/потребления, может быть недостаточно для того, что переломить общую ситуацию.

Вместе с тем нужно понимать, что любой процесс, направленный, например, на снижение материалоемкости услуг, происходит не только в поле производственных отношений. Это также и этический процесс, и философия практического разума, которая может быть основана не только на облагораживании диктата объективных обстоятельств, не только на категорическом моральном императиве «отказа», но и на признании необходимости самоограничений и способности их осуществлять в практическом русле. Способность же к самоограничениям — это достояние зрелости: индивидуальной и коллективной, личной, социальной, экономической, политической и т.д. И думается, что антропологические практики могут внести существенный вклад в столь необходимое в современных условиях «повзреление» человечества, в формирование готовности преодолевать стереотипность мышления и устаревшие ценностные установки, преодолевать сопротивление изменениям и сопутствующий им дискомфорт. Да, новейшие антропологические практики это, как правило, «всего лишь» слово, «всего лишь» диалог. Однако, как замечал в этой связи известный теоретик и практик революционного движения, «вульгарный революционаризм не понимает того, что слово тоже есть дело; это положение бесспорное для приложения к истории вообще или к тем эпохам истории, когда открытого политического выступления масс нет...» [22, с. 59]. И фактически Д. Медоуз — один из главных инициаторов разработки идей устойчивого развития, спустя несколько десятилетий, размышляя о причинах препятствующих этому движению, «перекрывает» роль субъективных факторов при осуществлении объективно обусловленных процессов социального развития. Он формулирует это в контексте реалий нашего времени: нужно выключить компьютеры и отложить в сторону статистические данные и сценарии, чтобы обсудить выводы, «основанные не только на научном анализе, но и на наших внутренних ощущениях и интуиции», поскольку «это вопрос лидерства, этики, умения видеть и смелости... свойства не компьютерных моделей, а человеческого сердца и души» [23, с. 60]. Д. Медоуз упоминает в этой связи «умение видеть, создание групп единомышленников, правдивость, обучение и любовь»

[23, с. 61]. Нетрудно заметить, что эти «мягкие средства» — не что иное, как две взаимосвязанные стороны психотерапевтической деятельности: ценностно-смысловой и организационно-инструментальной.

Таким образом, психотерапия как антропологическая практика, предлагая человеку «стать самим собой», исходит из того, что освободиться от симптомов «нарушенного самобытия» он может только при условии, если сам — не только благодаря, объективным обстоятельствам своей жизни, но и вопреки некоторым из них — захочет занять подлинное место в мире. В свою очередь психотерапия может остаться востребованной лишь культивируя трансцендентное измерение своей практики, преодолевая узкоутилитарный контекст повседневности — только в этом случае она может уйти от опасности сведения ее до элемента сферы рыночных услуг. Обе задачи, как свидетельствует успешный опыт психотерапевтической практики, могут быть решены в едином процессе — встрече практикующих. Подчеркнем, что в современной культуре подобные интегративные процессы весьма распространены: скажем, в движении через границы традиционных философских и научных дисциплин практика и этос преодолевают прежнее жесткое деление на «метафизику» и «опытную» науку. В этом смысле актуальность изучения антропологических практик в их социальном измерении весьма велика. Причем сам способ их рассмотрения как форм интегрального опыта предполагает возможность иначе увидеть и пережить знакомый, давно изучающийся специализированными методами предмет, например, глобальные проблемы современности и возможные пути их решения, увидеть и пережить по-новому.

Список литературы

1. Михайлова Е.Л. Напряжение в сети нормальное (некоторые аспекты психотерапии как социокультурной практики) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3, № 1. С. 77–81.
2. Розин В.М. Понятие и типы антропопрактик // ЧЕЛОВЕК.RU. 2017. № 12. С. 13–33.
3. Воробьева Л.И. Психотерапия в истории психологии: культурно-исторический анализ: дис. ... канд. психол. наук. М., 2016. 224 с.
4. Ромек Е.А. Психотерапия: рождение науки и профессии. Ростов н/Д: Мини Тайп, 2005. 392 с.
5. Щитцова Т.В. Индивидуальная терапия как социальная практика и как интерсубъективный опыт // Философия и психотерапия: сб. науч. статей и рабочих матер. к докл. участников II

- Международ. конф. / под ред. С.М. Бабина, В.В. Андриюшина, И.Г. Глухой. СПб: Анатолия, 2014. URL: <http://hpsy.ru/public/x6366.htm> (дата обращения: 27.09.2017).
6. *Хлебникова О.В.* Потребление как гештальт // *Философия и культура*. 2017. № 9. С. 1–9. DOI: 10.7256/2454-0757.2017.9.24046.
 7. *Мочник Р.* Субъект, предположительно верящий, и нация как нулевой институт // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2014. № 1(17). С. 6–16.
 8. *Волков В.В., Хархордин О.В.* Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с.
 9. *Тюгашев Е.А.* Философия как социокультурный феномен // *Философская мысль*. 2017. № 10. С. 1–8. DOI: 10.25136/2409-8728.2017.10.24144.
 10. *Князева Е.Н.* Атомизм и холизм в современной теории сложности // *Философия и культура*. 2013. № 6. С. 736–745. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.6.8319.
 11. *Сатохина Н.И.* Юриспруденція як фронтетичний досвід: постановка проблеми // *Проблеми законності: зб. наук. пр. Харків*, 2016. № 133. С. 241–248. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/yurisprudentsiya-kak-froneticheskiy-opyt-postanovka-problemy> (дата обращения: 27.09.2017). DOI: 10.21564/2414-990x.133.70912.
 12. *Левяш И.Я., Левяш С.Е.* Гуманитарно-культурологическая модель образования для всех. СПб.: Эйдос, 2011. 292 с.
 13. *Круткин В.Л.* «Материальный поворот» в социальных исследованиях и «неосязаемое культурное наследие» // *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. 2017. № 2. С. 141–149.
 14. *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы / пер. с нем. М.: Весь Мир, 2002. 144 с.
 15. *Барг О.А.* Феномен смысла жизни, природа сознания и научная философия // *Новые идеи в философии: сб. науч. ст. Пермь: Изд-во Перм. ун-та*, 2000. Вып. 9. С. 132–137.
 16. *Колтакова М.Ю.* Эволюция психотерапии // *Культурно-историческая психология*. 2009. № 3. С. 91–100.
 17. *Крапивенский С.Э., Косицына Ф.П.* Современное обществознание: необходимость методологического синтеза // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии*. 2006. № 5. С. 21–27.
 18. *Князева Е.Н.* Как возможно мышление о сложном и управление сложностью? // *Вопросы философии*. 2010. № 10. С. 81–83.
 19. *Пигров К.С.* Еще раз о предмете социальной философии // *Личность. Культура. Общество*. 2003. Вып. 1–2. С. 57–68.
 20. *Черненко В.А.* Этнос «невозможного» как парадигма гуманитарного знания XXI века // *Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. Серія: Теорія культури і філософія науки*. 2014. Т. 1092, № 50. С. 99–103. URL: <http://periodicals.karazin.ua/thcphs/article/download/2177/1922> (дата обращения: 20.09.2017).
 21. *Киреева Е.Е., Шехова Н.В.* Устойчивое развитие и новая этика потребления // *Региональное развитие*. 2014. № 1. С. 69–73.
 22. *Ленин В.И.* Две тактики социал-демократии в демократической революции // *Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М.: Политиздат*, 1960. Т. 11. 589 с.
 23. *Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д.* Пределы роста. 30 лет спустя / пер. с англ. М.: Академкнига, 2007. 342 с.

Получено 03.10.2017

References

1. Mikhailova E.L. *Napryazhenie v seti normal'noe (nekotorye aspekty psikhoterapii kak sotsiokul'turnoy praktiki)* [The Voltage in the Network is Normal (Some Aspects of Psychotherapy as a Socio-Cultural Practice)]. *Psihologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. 2006, vol. 3, no. 1, pp. 77–81. (In Russian).
2. Rozin V.M. *Ponyatie i tipy antropopraktik* [Concept and types of anthropo-practices]. CHELOVEK.RU [HUMAN.RU]. 2017, no. 12, pp. 13–33. (In Russian).
3. Vorob'eva L.I. *Psikhoterapiya v istorii psihologii: kul'turno-istoricheskiy analiz: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychotherapy in the history of psychology: cultural and historical analysis: dissertation for the degree of Candidate of Psychology]. Moscow, 2016. 224 p. (In Russian).
4. Romek E.A. *Psikhoterapiya: rozhdenie nauki i professii* [Psychotherapy: the birth of science and profession]. Rostov-on-Don, Mini Taip LLC Publ., 2005, 392 p. (In Russian).
5. Shchitsova T.V. *Individual'naya terapiya kak social'naya praktika i kak intersub'ektivniy opyt* [Individual therapy as social practice and as intersubjective experience]. *Filosofiya i psikhoterapiya: sb. nauch. statey* [Philosophy and psychotherapy: col. of scient. articles]. Available at: <http://hpsy.ru/public/x6366.htm> (accessed 27.09.2017). (In Russian).

6. Hlebnikova O.V. *Potreblenie kak geshtal't* [Consumption as Gestalt]. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture]. 2017, no. 9, pp. 1–9. DOI: 10.7256/2454-0757.2017.9.24046. (In Russian).
7. Mochnik R. *Sub'ekt, predpolozhitel'no veryashchiy, i naciya kak nulevoy institut* [Subject supposed to believe, and the nation as a zero institution]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. 2014, no. 1(17), pp. 6–16. (In Russian).
8. Volkov V.V., Harhordin O.V. *Teoriya praktik* [The theory of practices]. Saint Petersburg, European University Publ., 2008, 298 p. (In Russian).
9. Tyugashev E.A. *Filosofiya kak sotsiokul'turniy fenomen* [Philosophy as a sociocultural phenomenon]. *Filosofskaya mysl'* [Philosophical thought]. 2017, no. 10, pp. 1–8. DOI: 10.25136/2409-8728.2017.10.24144 (In Russian).
10. Knyazeva E.N. *Atomizm i holizm v sovremennoy teorii slozhnosti* [Atomism and holism in modern complexity theory]. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture]. 2013, no. 6. pp. 736–745. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.6.8319. (In Russian).
11. Satokhina N.I. *Yurisprudentsiya kak froneticheskiy opyt: postanovka problemy* [Jurisprudence as a phronetic experience: formulation of the problem]. *Problemy zakonnosti: sb. nauch. statey* [Problems of legality: col. of scient. articles]. Kharkov, 2016, no. 133, pp. 241–248. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/yurisprudentsiya-kak-froneticheskiy-opyt-postanovka-problemy> (accessed 27.09.2017). DOI: 10.21564/2414-990x.133.70912. (In Ukrainian).
12. Levyash I.Ja., Levyash S.E. *Gumanitarno-kul'turologicheskaya model' obrazovaniya dlya vseh* [Humanitarian-cultural model of education for all]. Saint Petersburg, Eidos Publ., 2011, 292 p. (In Russian).
13. Krutkin V.L. «Material'niy povorot» v sotsial'nyh issledovaniyah i «neosyazaemoe kul'turnoe nasledie» [«Material turn» in social studies and «intangible heritage» of culture]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political science. International relations]. 2017, no. 2, pp. 141–149. (In Russian).
14. Habermas J. *Budushchee chelovecheskoy prirody* [The future of human nature]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2002, 144 p. (In Russian).
15. Barg O.A. *Fenomen smysla zhizni, priroda soznaniya i nauchnaya filosofiya* [Phenomenon of the meaning of life, nature of consciousness and scientific philosophy]. *Novye idei v filosofii*. [New ideas in philosophy]. Perm, PSU Publ., 2000, iss. 9. pp. 132–137. (In Russian).
16. Kolpakova M.Yu. *Evolyutsiya psikhoterapii* [Evolution of psychotherapy]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology]. 2009, no. 3, pp. 91–100. (In Russian).
17. Krapivenskiy S.E., Kositsyna F.P. *Sovremennoe obshchestvo: neobhodimost' metodologicheskogo sinteza* [Contemporary social science: the need for methodological synthesis]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'niye tekhnologii* [The Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies]. 2006, no. 5, pp. 21–27. (In Russian).
18. Knyazeva E.N. *Kak vozmozhno myshlenie o slozhnom i upravlenie slozhnost'yu?* [How is it possible to think about complexity and complexity management?] *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy]. 2010, no. 10, pp. 81–83. (In Russian).
19. Pigrov K.S. *Eshche raz o predmete sotsial'noy filosofii* [Again about the subject of social philosophy]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. [Personality. Culture. Society]. 2003, iss. 1–2, pp. 57–68. (In Russian).
20. Chernenko V.A. *Etos «nevozmozhnogo» kak paradigma gumanitarnogo znaniya XXI veka* [Ethos of the «impossible» as the paradigm of humanitarian knowledge of the 21st century]. *Vestnik Khar'kovskogo natsional'nogo universiteta im. V.N. Karazina. Seriya: Teoriya kul'tury i filosofiya nauki* [Bulletin of V.N. Karazin Kharkiv National University. Series: Theory of Culture and Philosophy of Science]. 2014, vol. 1092, no. 50, pp. 99–103. Available at: <http://periodicals.karazin.ua/thcphs/article/download/2177/1922> (accessed 20.09.2017). (In Russian).
21. Kireeva E.E., Shekhova N.V. *Ustoychivoe razvitie i novaya etika potrebleniya* [Sustainable Development and the New Ethics of Consumption]. *Regional'noe razvitie* [Regional development]. 2014, no. 1, pp. 69–73. (In Russian).
22. Lenin V.I. *Dve taktiki sotsial-demokratii v demokraticheskoy revolyutsii* [Two tactics of Social-Democracy in the Democratic Revolution]. *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Collected works: in 55 vols.]. Moscow, Politizdat Publ., 1960, vol. 11, 589 p. (In Russian).
23. Meadows D., Randers J., Meadows D. *Predely rosta. 30 let spustya* [The Limits of Growth: The 30-Year Update]. Moscow, Akademkniga Publ., 2007, 342 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 03.10.2017

Об авторе

Динабург Светлана Роальдовна
аспирант, старший преподаватель кафедры
философии и права

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: svetlana.dinaburg@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0654-4167

About the author

Dinaburg Svetlana Roaldovna
Ph.D. Student, Senior Lecturer of the Department
of Philosophy and Law

Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: svetlana.dinaburg@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0654-4167

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Динабург С.Р. Потенциал психотерапии как гуманитарной практики: философский анализ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 537–546.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-537-546

Please cite this article in English as:

Dinaburg S.R. Potential of psychotherapy as humanitarian practice: philosophical analysis // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 4. P. 537–546. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-537-546

УДК 111.7

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-547-554

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ СОЗНАТЕЛЬНОГО И БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В НАУЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

Костарева Анастасия Александровна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Анализируется соотношение сознательного и бессознательного через определение их диалектического единства. Диалектика сознательного и бессознательного пронизывает все сферы человеческой деятельности, однако вопрос о соотношении сознательного и бессознательного остается до сих пор недостаточно разработанным. Диалектика сознательного и бессознательного в содержании субъективной реальности важна для понимания многих феноменов общественного и индивидуального сознания, таких как формирование стереотипов, социальных установок, предрасположений, особенностей мифологического мышления, которое характерно не только для прошедших эпох, но и для современности. Сознательное и бессознательное как выражения единства противоположных сторон субъективной реальности различаются характером реализации, конкретными формами существования и проявления. Главными дифференцирующими признаками сознательного и бессознательного являются отрефлексированность / неотрефлексированность, представленность / непредставленность в поле актуального внимания, вербальная / невербальная форма выражения, преобладание понятийного или образного, формализуемость / неформализуемость и другие. Обсуждается понятие общественного бессознательного, отличное от коллективного бессознательного. Общественное бессознательное можно рассматривать как продукт трансформации индивидуально-психического бессознательного. Оно представляет собой уже не только психологический феномен, а имеет ярко выраженную социально-историческую окраску. В проблеме общественного бессознательного индивид рассматривается как личность, т.е. как комплекс потребностей, интересов, установок, целей, социальных по содержанию.

Ключевые слова: сознательное, бессознательное, диалектическое единство, общественное сознание, индивидуальное сознание.

PROBLEM OF THE RELATION OF THE CONSCIOUS AND THE UNCONSCIOUS IN SCIENTIFIC PHILOSOPHY

Anastasia A. Kostareva

Perm State University

The author analyzes relation of the conscious and the unconscious through definition of their dialectic unity. The dialectics of the conscious and the unconscious penetrates all spheres of human activity, however academic issue of relation between the conscious and the unconscious remains not deeply developed. The dialectics of the conscious and the unconscious in the content of subjective reality is important for understanding of many phenomena of public and individual consciousness, such as formation of stereotypes, social installations, prejudices, features of mythological thinking; this understanding is characteristic not only to the past epochs, but also to a modern person. The Conscious and the unconscious as expression of unity of the opposite sides of subjective reality, differ with the nature of their realization, real forms of existence and manifestation. The main differentiating signs of the conscious and the unconscious are reflected/not reflected, representation/lack of representation in the field of relevant attention, verbal/nonverbal form of expression, prevalence of conceptual or figurative, formalizability/not formalizability and others. The author reflects on the concept of public the unconscious, that differs from collective the unconscious. Public the unconscious is possible to consider as a product of transformation of individual and mental the unconscious. It represents not only a psychological phenomenon, but acquires a distinguishable sociohistorical connotation. In public the unconscious the individ-

ual is always considered as the proprium, as a complex of requirements, interests, determinations, that are social by nature.

Keywords: the conscious, the unconscious, dialectical unity, public and individual consciousness.

Актуальность исследования бессознательного очевидна, это подтверждает, в частности, применение механизма манипулирования массовым сознанием, суть которого состоит «...в изучении и эксплуатации коллективных эмоций, настроений, инстинктов, образов и символов» [1, с. 98]. Вместе с тем определение содержания бессознательного позволяет избежать внутренних психологических противоречий, которые оказывают влияние на взаимосвязи социальных общностей, помогают развиваться процессу самосознания, что, как результат, служит залогом для формирования гармоничных отношений в социуме.

В различных значениях и смыслах проблема бессознательного ставилась и разрабатывалась в философии и психологии на протяжении всей их истории. Намеки на наличие такой проблемы содержались еще в ранних формах фольклора, мифологии, религии. В европейской рациональной традиции идея о бессознательном психическом восходит к эпохе создания философии (к учению Сократа и Платона о знании как припоминании, учению Аристотеля о разных частях души и др.). Первым исследователем, придавшим проблематике бессознательного фундаментальное научное значение, стал К. Лейбниц. В его классификации к бессознательному относятся малые неосознаваемые восприятия в противовес осознанному восприятию (апперцепции). В немецкой философии XIX в. большое внимание данной проблеме уделяли такие философы, как И.Г. Фихте и Ф. Шеллинг. В их трактовке сфера бессознательного противопоставляется понятию «трансцендентальная субъективность» (у Фихте — «Я», у Шеллинга — «Абсолютное»). Они понимают бессознательную деятельность трансцендентального субъекта исключительно как «действие ради действия», однако связывают этот процесс с понятием практического разума либо с категорией интеллектуальной интуиции. А. Шопенгауэр, рассуждая о «действии ради действия», делает вывод о наличии абсолютно бессознательной воли, которая «не хочет ничего другого, как только хотеть». Согласно его выводам, сознание есть лишь «явление, сущность, являющаяся в нем, есть абсолютная бессознательность, “неразумие” воли». Продолжает развивать этот подход Э. фон Гартман, в учении которого бессоз-

нательное синтезирует функции волюнтаризма Шопенгауэра и панлогизма Гегеля.

Во второй половине XIX в. трактовка понятия «бессознательное» существенно меняется после появления психоанализа. Принципиально важные результаты были получены Зигмундом Фрейдом, предложившим корректное психологическое определение бессознательного, соответствующий категориально-понятийный аппарат и методы познания. Фрейд установил некоторые элементы содержания, функционирования и регуляции бессознательного. Последователи психоанализа уже не противопоставляют бессознательное и сознательное, а обнаруживают его внутри структуры общественного сознания [2, с. 25].

В XX в. большой вклад в изучение вопроса соотношения сознательного и бессознательного внесит Мишель Фуко. По его мнению, в ключе современных воззрений противопоставляются историзм и аналитика человеческого бытия. Процесс познания, по Фуко, включен в жизнь и общество, в язык, в историю, находит отражение в других формах общественной жизни, общественных типах и значениях бытия. Представления Фуко сводятся к тому, что соотношение когнитивного и исторического имплицитно включает проблему значимости бессознательного для сущности человека. Бессознательное в этом случае выступает двойником (тенью) сознательного. При этом сознательное идет рука об руку с бессознательным, развиваясь параллельно. По мнению Фуко, осознание бессознательного кроется в основании любой политики и этики в качестве личностно-человеческой и коллективно-человеческой деятельности.

Адепты франкфуртской школы переводят проблему бессознательного из метафизической и психологической области в сферу социальной философии. Так, в ранних работах Адорно в основные характеристики социума включено понятие «тотальность». В свою очередь, тотальность связана с рецепциями бессознательного в марксизме и коллективным бессознательным юнговской школы. Еще К.Г. Юнг, изучая бессознательное, обнаружил в его структурах так называемые архетипы. Если «комплексы» переживаний, по Фрейдю, есть результат индивидуальной жизни человека и представляют собой продукт вытеснения, то архетипы связаны с коллективной жизнью

людей [3, с. 169]. Ю. Хабермас, исследуя этот вопрос, анализирует аспекты сочетания ценностей с так называемыми детерминантами бессознательности, характерными для идеологии. Комментируя подход З. Фрейда к концепции бессознательного, Ю. Хабермас стремится расширить его: и сознательные, и бессознательные мотивы можно представить как интерпретируемые потребности. В случае если такие потребности приводятся в символическом смысле, они имеют герменевтическое значение. «Бессознательное обозначает скорее класс всех мотивационных принуждений, происхождение которых необходимо интерпретировать как социально несанкционированное и которые являются основанием причинных связей в ситуациях негативных и аномальных моделей поведения» [3, с. 80]. При этом бессознательные мотивы не характерны для действующего субъекта. Если такие действия обусловлены бессознательным и имеют объективную значимость, так как они интерпретируются, то в этом случае они обладают статусом причины, потому что в сознании субъекта им выделена доминирующая роль. Таким образом, если исследователь установит связь между бессознательным и сознательным, этот процесс будет определяться как анализ, а исследователь получит статус аналитика.

В русской философской школе проблема бессознательного начала исследоваться в начале XX в. Это касается в первую очередь представителей «нового религиозного сознания» (Н. Бердяев, В. Розанов, Д. Мережковский и их последователи). В этот период концепт бессознательного реализуется преимущественно в рамках метафизической традиции в противоположность психологическому или социологическому подходам. Русские философы рассматривали бессознательное в рамках вопроса о начале мира как хаоса.

В.В. Розанов рассуждает о «бессознательных инстинктах», лежащих в основе различных человеческих проявлений, причем не только примитивных, но и достаточно сложных. Так, он полагает, что любовь к своей земле и некоторое априорное отрицание всех иных земель и языков до знакомства с ними также коренится в инстинктах человека. «Только при позднейшей встрече с тем или иным фактом чужой жизни возникает отношение, основывающееся на разумности» [4, с. 380].

В советский период в области изучения бессознательного отечественная философия придерживается диалектико-материалистического направления, представленного такими отечественными

мыслителями, как П.С. Автономова, А.Г. Асмолов, Ф.В. Бассин, Т.И. Бармашова И.Т. Бжалава, А.П. Бойко, Г.П. Велиев, Ф.Х. Гаджиев, П.Я. Гальперин, П.С. Гуревич, А.И. Дмитриев, Д.И. Дубровский, П.В. Симонов, А.Е. Шерозия, Л.С. Выготский, Д.Н. Узнадзе и др.

Бессознательное с позиций диалектического материализма, современную форму которого автор рассматривает как научную философию, исследуется на основе представлений об отражении. Бессознательное — это совокупность психических состояний и процессов, которые осуществляются без прямого осознания [5, с. 95]. Выделяются два уровня бессознательного: психический и физиологический. По сути, с материалистических позиций о физиологических основах бессознательного писали еще И.М. Сеченов и И.П. Павлов

Так, И.М. Сеченов рассматривает бессознательное через темные, или смутные, ощущения. Ученый понимает их как ощущения, лишь частично или вовсе неосознаваемые. Он предвидел наличие «предощущений», ставших в более поздний период предметом специального экспериментального анализа. В своей работе «Кому и как разрабатывать психологию» он подчеркивал: «В прежние времена “психическим” было только сознательное, т.е. от цельного натурального процесса отрывалось начало, которое относилось учеными к элементарным психическим формам в область физиологии» [6, с. 208]. Далее Сеченов пишет, что переработка сырых впечатлений происходит в тайниках памяти, вне сознания, следовательно, без всякого участия ума и воли [7, с. 392]. Ученый утверждает, что отсюда вытекает научная и философская неправомерность сведения психического только к сознательному.

И.П. Павлов отмечал, что «мы отлично знаем, до какой степени душевная, психическая жизнь пестро складывается из сознательного и бессознательного» [8, с. 105]. Явление бессознательного ученый связывал с работой тех участков мозга, которые обладают минимальной возбудимостью. Всякое познание рождается на основе тесного взаимодействия двух зон психики: сознания и бессознательного [9, с. 200]. По Павлову, сознание связано с участком коры головного мозга, который обладает повышенной возбудимостью, бессознательное — с пониженной.

По мнению Л.С. Выготского, в психическом уровне бессознательного правомерно выделять 3 подуровня: 1. Неосознанный психический контроль человека за жизнью своего тела, координа-

цией функций, удовлетворением простейших потребностей. 2. Более высокий уровень бессознательного — это процессы и состояния, которые могут реализоваться в пределах сознания, но могут перемещаться и в сферу бессознательного и происходить автоматически и т.д. 3. Высший уровень бессознательного проявляется в художественной, научной, философской мысли, играющей важную роль в процессах творчества. Бессознательное на этом уровне тесно переплетено с сознанием, с творческой энергией чувств и разума человека [10, с. 300].

Бессознательное в подавляющем большинстве случаев выступает как индивидуально-психическое. Однако в философии существует и понятие общественного бессознательного. Многими исследователями подчеркивается актуальность специального изучения бессознательного в общественно-социальных процессах [3, с. 199]. Первым попытку описать общественное бессознательное предпринимает Э. Фромм. Он пишет, что бессознательное в принципе детерминировано обществом, причем происходит это двояким образом: общество подвергает своих членов иррациональным потрясениям и одновременно снабжает их различными фикциями, с помощью которых истина деформируется и оказывается в плену у мнимой рациональности. Фромм показывает, как общество влияет на бессознательное и формирует у человека ложные ценности и представления [11, с. 120].

Следует заметить, что проблематика общественного бессознательного нередко не рефлексирована учеными. Одной из причин игнорирования понятия бессознательного в общественной жизни является отождествление его с понятием стихийного. Не исключено, что такое представление связано с высказыванием В.И. Ленина: «...инстинктивность и есть “бессознательность” (стихийность), которой должны прийти на помощь социалисты...» [12, с. 44]. Однако в дальнейшем, в результате разработки теории стихийности, данное противоречие было снято. Так, И.И. Камынин писал, что сознательное и стихийное следует рассматривать как понятия, обозначающие явления, которые лежат в различных плоскостях. Исходя из этого, данные понятия не могут выступать сопряженными категориями, но они диалектически сочетаются с понятиями бессознательного и сознательного. Организованное образует диалектическое единство со стихийным, в свою очередь, бессознательное — с сознатель-

ным, являясь по сути противоположными сторонами субъективной реальности и выражая ее принципиально разные «срезы» [13, с. 50]. Это говорит в пользу реальности бессознательного в общественной жизни и о необходимости его рассмотрения как отдельной проблемы. Советская философия наряду с индивидуальным сознанием утверждала наличие общественного сознания. Индивидуальное бессознательное по такому же принципу можно соотнести с бессознательным общественным. Однако же если процесс признания индивидуального бессознательного сопровождается игнорированием общественного среза, то в этом случае исследователь фактически отступает от принципа диалектического единства противоположностей. Результатом оказывается отрицание целостности субъективной реальности в единстве ее противоположных сторон — сознательного и бессознательного [13, с. 125].

Из сказанного выше следует, что общественное бессознательное можно рассматривать как продукт трансформации индивидуально-психического бессознательного. Общественное бессознательное представляет собой уже не только психологический феномен, но имеет ярко выраженную социально-историческую окраску. Оно включает не индивидуальные содержания, а коллективные, т.е. такие, которые присущи не одному индивиду, а целой группе индивидов, более того, целому народу и даже человечеству [13, с. 150].

С позиции общественного бессознательного индивид — это личность, которая рассматривается сквозь призму культурно-исторического опыта, социокультурной детерминированности. Социально ориентированная личность является субъектом бессознательного в общественной сфере опосредованно. Носителями общественного бессознательного выступают социальные общности — нации, этнические общности, партии и т.п.

Общественное бессознательное в историческом процессе можно рассматривать как фактор, обеспечивающий активность субъекта, которая выражена в произвольной и прямой реакции на воздействие социальной действительности, в ряде случаев проявляющийся как недостаточная степень осознанности этого влияния на основные характеристики социума: функциональные, содержательные и поведенческие [13, с. 35]. В зависимости от субъектов социальной активности и в соответствии с определенным уровнем общественного сознания Т.И. Бармашова выделяет следующие случаи соотношения осознанности и

неосознанности: 1) неосознанность преобладает на обыденном уровне, проявляется в теоретическом отражении формальной действительности; 2) осознанность фиксируется на уровне обыденного сознания, а неосознанность актуализируется на теоретическом уровне; 3) неосознанность отмечается на уровне обыденного сознания, осознанность проявляется на теоретическом уровне; 4) осознанность на уровне обыденного и теоретического сознания [13, с. 37].

Бессознательное проявляется во многих сферах человеческой деятельности. Большое значение имеет бессознательное в научном творчестве, проявляясь в первую очередь в интеллектуальной интуиции, благодаря которой были сделаны значимые научные открытия. Исследование этого вида бессознательного позволяет лучше организовать интеллектуальную деятельность, расширить возможности человеческого мышления, максимально использовать резервы человеческого мозга [13, с. 37].

В искусстве опорной точкой для изучения бессознательного становятся художественные произведения. Роль бессознательного в творчестве наиболее четко актуализирована в определении искусства как социального допущения бессознательного. Л.С. Выготский отмечает значимость этого явления как в процессе создания художественного произведения, так и в ходе его восприятия.

Проблема бессознательного в прикладном аспекте проявляется в сфере уголовно-правовых отношений. Общеизвестно, что в основе преступлений, которые совершаются в состоянии аффекта (эмоционального перевозбуждения), лежит неосознанная психическая установка. Учет бессознательного в уголовно-правовом деле, криминалистике способствует не только борьбе с преступностью, но и в значительной степени предупреждению, профилактике правонарушений [14, с. 34].

Исследование проблем осмысления бессознательного, а также его диалектического единства с сознательным актуально в первую очередь для изучения многообразных явлений психической и социальной действительности, а также для философии. Помимо других задач эта требует более тщательного анализа общей теории сознания [13, с. 100].

Философское определение бессознательного как совокупности психических состояний и процессов, которые происходят без прямого участия

осознания, позволяет характеризовать его как составную часть субъективной реальности, как сторону диалектического единства с сознательным.

Сложность проблемы бессознательного состоит в отсутствии общепринятого представления об исследуемом объекте. Бессознательное представляют как уровень психической деятельности или как один из способов существования сознания. Однако на самом деле изучать бессознательное можно только через сопоставление с его противоположностью — сознанием. Целесообразно говорить о единой диалектической системе отношений «сознание – бессознательное» в содержании субъективной реальности [13, с. 86]. Сознание, едва возникнув, уже предполагало бессознательное как неизменного спутника.

Можно привести пример с «детьми джунглей», лишенными в раннем детстве в силу каких-то обстоятельств человеческого общества и выросшими среди животных. У них не реализовалась способность к мышлению, потому что только социализация позволяет раскрыться как сознательному, так и бессознательному.

Если рассматривать бессознательное в целом, то следует признать его принадлежность как к низшим уровням психического отражения человека, так и к ее высшей форме — сознанию. Сознание отличает специфический человеческий способ отражения действительности; предстает как идеальное, включающее в себя не только рефлексивные формы. Рассматривая бессознательное в данном контексте, можно выявить не только его различия с сознанием, но и согласованность их функционирования. В связи с этим бессознательное выступает «философской категорией и раскрывается в трех моментах: природе, общественном явлении и мышлении» [13, с. 167].

Субъективная реальность структурно проходит через все ипостаси психического и представляет собой диалектическое единство сознательного и бессознательного, которые, в свою очередь, являются ее противоположными сторонами.

По отношению к сознанию бессознательное выполняет функцию физиологической защиты сознания от перегрузок [13, с. 76]. Выражаться она может в двух формах: 1) инстинкт; 2) социально значимая защита, направленная на сохранение душевного равновесия. Впрочем, защитные функции различных форм бессознательного нельзя рассматривать как только физиологические, биологические или социально ориентированные. Они неразрывно связаны между собой,

хотя сознательное, по-видимому, играет в этой интеграции определяющую роль. Рассмотрим эти две функции на примерах из художественной литературы.

В романе Дж. Лондона «Мартин Иден» показано, как защитная функция инстинкта обращается против героя и оказывает ему «медвежью услугу». Однако в этом случае в итоге разум одержал страшную победу над природной бессознательностью.

«А он все плыл и плыл, словно хотел доплыть до ближайшего берега, который был за сотни миль отсюда. Это был бессознательный инстинкт жизни. Мартин перестал плыть, но, как только вода стала заливать рот, он снова заработал руками. “Воля к жизни”, — подумал он и презрительно усмехнулся. Да, у него есть воля, и воля достаточно твердая, чтобы последним усилием пресечь свое бытие. ...Погрузившись, он начал вдыхать воду, как больной вдыхает наркотическое средство, чтобы скорей забыться. Но когда вода хлынула в горло и стала душить его, он непроизвольно, инстинктивным усилием вынырнул на поверхность и снова увидел над собой яркие звезды. ...Это был последний удар, который наносила ему жизнь» [15, с. 77].

В случае, когда герой романа Л.Н. Толстого «Воскресение» Нехлюдов пытается помочь Катьше Масловой, в судьбе которой в свое время сыграл неблагоприятную роль, ему искренне кажется, что он делает это исключительно ради нее. В действительности он делал это преимущественно для себя: для него эта помощь была средством спасения своей личности, самоочищения, искупления вины, духовного воскресения. В известной степени здесь присутствует и неподдельное участие в судьбе Масловой, но складывается впечатление, что неосознанные побуждения героя имеют в основном эгоцентрическую направленность. Не столько Нехлюдов должен был сыграть роль помощника для Масловой, сколько она для него. Эти истинные мотивы, скорее всего, не осознаются героем, в качестве объяснительных мотивов он выдвигает те, которые возвышают его личность в собственных глазах, сглаживают конфликт между реальным и предполагаемым «Я» [16, с. 359].

Диалектическому взаимодействию сознательного и бессознательного подвержены все структурные элементы: мировоззрение, самосознание, система ценностных ориентаций, моральных, эстетических норм и многие другие. Так, в моральной сфере характер выбора предпочтительных

нравственных ценностей не всегда осознается их носителем, по крайней мере, до конца, что и было продемонстрировано на примере произведения Л.Н. Толстого.

Имея единую функциональную заданность, но будучи противоположными взаимопредполагающими сторонами субъективной реальности, сознательное и бессознательное отличаются как характером функционирования, так и конкретными формами существования и проявления, а значит, и наиболее существенными признаками. Среди них формализуемость / неформализуемость, отрефлексированность / неотрефлексированность, вербальная / невербальная форма выражения [13, с. 70]. При этом в диалектике отношений сознательного и бессознательного есть взаимопереходы. Взаимодействие сознательного и бессознательного может быть разнообразным, оно может носить характер вытеснения, но также и быть в состоянии гармонии.

В заключение можно сделать следующие выводы:

- Сознательное и бессознательное представляют собой диалектическое единство противоположных сторон субъективной реальности как единого, хотя и противоречивого целого.
- С позиции научной философии идеалистические и дуалистические направления одномерно интерпретируют субъективную реальность, понимая бессознательное как обособленную сущность. Отчуждая чувственное, они интерпретируют разум как источник трансцендентальной реальности. В такой трактовке бессознательное предстает как темная сторона человеческой природы, как непознаваемое, не подлежащее научной репрезентации.
- С позиций идеалистических и дуалистических концепций бессознательное имеет лишь одностороннюю функциональную заданность, которая заключается в защите сознания от перегрузок; с позиции научной философии это односторонний подход, который не учитывает все функции бессознательного.
- Сознательное и бессознательное как выражения диалектического единства противоположных сторон субъективной реальности различаются характером реализации, конкретными формами существования и проявления.
- Бессознательное обеспечивает формирование широкого поля возможностей для творческой реализации человеческой личности.

- Сознание, «питая» и в значительной степени формируя бессознательное, в какой-то мере способно его контролировать, а также определять общую стратегию человеческого мышления и человеческой деятельности, т.е. с позиций научной философии проявления бессознательного, будучи вписанными в жизнь человека как материального социального существа, не имеют совершенно автономного характера.

Список литературы

1. Кукаркин А.В. Буржуазная массовая культура. М.: Политиздат, 1985. 399 с.
2. Fromm E. *Discovery of the social unconscious*. Oxford: Oxford University Press, 2010. 500 p.
3. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: учебник. М.: Проспект, 2009. 608 с.
4. Розанов В.В. Темный лик. Метафизика христианства // Религия и культура. М.: Правда, 1990. С. 372–582.
5. Бассин Ф.В. Проблема бессознательного. М.: Либроком, 2000. 469 с.
6. Сеченов И.М. Избранные произведения. Т. I: Физиология и психология. М.: АН СССР, 1952. 774 с.
7. Сеченов И.М. Элементы мысли. СПб.: Питер, 2001. 416 с.
8. Павлов И.П. Полное собрание сочинений. М.: АН СССР, 1951. Т. 3, кн. 1. 394 с.
9. Павлов И.П. Лекции о работе больших полушарий головного мозга. М.: АН СССР, 1949. 476 с.
10. Выготский Л.С. Психика, сознание, бессознательное. М.: АСТ, 2009. 416 с.
11. Фромм Э. Иметь или быть. М.: АСТ, 2012. 126 с.
12. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. М.: Эксмо, 2009. Т. 18. 525 с.
13. Бармашова Т.И. Проблема бессознательного в основных системах философского теоретизирования: дис. ... д-ра филос. наук. Красноярск, 2006. 378 с.
14. Овчаренко В.И. Осознание бессознательного // Вопросы философии. 2000. № 10. С. 33–36.
15. Лондон Д. Мартин Иден. М.: АСТ, 2003. 364 с.
16. Розанов В.В. Л.Н. Толстой и Русская Церковь // Религия и культура. М.: Правда, 1990. С. 355–368.

Получено 07.11.2016

References

1. Kukarkin A.V. *Burzhnaznaya massovaya kul'tura*. [Bourgeois mass culture]. Moscow, Politizdat Publ., 1985, 399 p. (In Russian).

2. Fromm E. *Discovery of the social unconscious*. Oxford: Oxford University Press, 2010, 500 p. (In English).
3. Alekseev P.V., Panin A.V. *Filosofiya: uchebnik*. [Philosophy: textbook]. Moscow, Prospect Publ., 2009, 608 p. (In Russian).
4. Rozanov V.V. *Temnyy lik. Metafizika khristianstva* [Dark face. Christianity metaphysics]. *Religiya i kul'tura* [Religion and culture]. Moscow, Pravda Publ., 1990, pp. 372–582. (In Russian).
5. Bassin F.V. *Problema bessoznatel'nogo*. [Problem of the unconscious]. Moscow, Librokom Publ., 2000, 469 p. (In Russian).
6. Sechenov I.M. *Izbrannyye proizvedeniya. T. I: Fiziologiya i psikhologiya* [Selected works. Vol. 1: Physiology and Psychology]. Moscow, RAS USSR Publ., 1952. 774 p. (In Russian).
7. Sechenov I.M. *Elementy mysli* [Elements of thought]. Saint Petersburg, Piter, 2001, 416 p. (In Russian).
8. Pavlov I.P. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. Moscow, RAS USSR Publ., 1951, vol. 3, book 1, 394 p. (In Russian).
9. Pavlov I.P. *Lektsii o rabote bol'shikh polushariy golovnoy mozga* [Lectures on the work of big cerebral hemispheres]. Moscow, RAS USSR Publ., 1949. 476 p. (In Russian).
10. Vygotsky L.S. *Psikhika, soznanie, bessoznatel'noe*. [Mentality, consciousness, the unconscious]. Moscow, AST Publ., 2009. 416 p. (In Russian).
11. Fromm E. *Imet' ili byt'* [To have or to be]. Moscow, AST Publ., 2012, 126 p. (In Russian).
12. Lenin V.I. *Materializm i empiriokrititsizm* [Materialism and Empirio-criticism]. *Polnoe sobranie sochineniy* [Collected works]. Moscow, Eksmo Publ., 2009, vol. 18, 525 p. (In Russian).
13. Barmashova T.I. *Problema bessoznatel'nogo v osnovnykh sistemah filosofskogo teoretizirovaniya: dis. ... d-ra filos. nauk* [Problem of «the unconscious» in the main systems of philosophy theorification: dissertation for the degree of Doctor of Philosophy]. Krasnoyarsk, 2006, 378 p. (In Russian).
14. Ovcharenko V.I. *Osoznanie bessoznatel'nogo* [Understanding the unconscious]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy]. 2000, no. 10, pp. 33–36. (In Russian).
15. London D. *Martin Iden* [Martin Eden]. Moscow, AST Publ., 2003, 364 p. (In Russian).
16. Rozanov V.V. *Tolstoy i Russkaya Tserkov'* [Tolstoy and Russian Church]. *Religiya i kul'tura* [Religion and Culture]. Moscow, Pravda Publ., 1990, pp. 355–368. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 07.11.2016

Об авторе

Костарева Анастасия Александровна
аспирант, ассистент кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: nas92tena@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9324-9934

About the author

Kostareva Anastasia Alexandrovna
Ph.D. Student, Assistant Lecturer
of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: nas92tena@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9324-9934

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Костарева А.А. Проблема соотношения сознательного и бессознательного в научной философии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 547–554.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-547-554

Please cite this article in English as:

Kostareva A.A. Problem of the relation of the conscious and the unconscious in scientific philosophy // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 4. P. 547–554. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-547-554

УДК 165.9:141.33

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-555-562

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ СУБЪЕКТА ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ В ПОСТМОДЕРНИЗМЕ

Боровкова Ольга Владимировна

Рубцовский институт (филиал) Алтайского государственного университета

В статье рассматривается вопрос об изменении представлений о субъекте исторического познания в постмодернизме. Данные изменения связаны с пересмотром оснований исторической науки, повлекшим за собой ее трансформацию в область гуманитарного и даже вненаучного знания, а также — к сомнению в существовании исторической реальности и к призывам изъять ее из научного оборота. В сложившейся ситуации неизбежной стала ревизия субъекта исторического познания.

В постмодернизме в качестве единственно мыслимой реальности выступает текст, а субъект полагается не предшествующим тексту, а рождающимся вместе с ним, занимающим все его пространство. В сфере исторического познания субъект становится создателем и конструктором исторической реальности: «пленник прошлого» превращается в его владыку. Эти представления, с одной стороны, влекут за собой сближение и даже слияние субъекта познания с субъектом истории. С другой — субъект становится зависим от своего времени, т.е. от настоящего и его инстанций. «Новая» несвобода выражается в потере субъектом целостности, автономности, постоянства и осознанности.

Соответственно роли и содержанию субъекта пересматриваются и модернистские понятия «автор», «читатель», «интерпретатор» либо заменяются другими, более соответствующими новому пониманию. В работе рассматриваются различия субъекта-скриптора и субъекта-нарратора, «героя» и нарратора, «агента» и «пациента». Показан и иной аспект проблемы исторического познания, который состоит в том, что историк должен сочетать в себе качества как ученого, так и литератора.

Ключевые слова: субъект, субъект исторического познания, автор, читатель, скриптор, нарратор, герой, текст, нарратив, постмодернизм.

SOME ASPECTS OF THE PROBLEM OF THE HISTORICAL COGNITION SUBJECT IN POSTMODERNISM

Olga V. Borovkova

Rubtsovsk Institute, branch of Altay State University

The article deals with the changing perceptions of the historical cognition subject in Postmodernism. The present changes are connected with the reconsideration of the grounds of historical science, which has led to the transformation in the field of humanities and even non-scientific knowledge. This has also caused the doubt in the existence of historical reality and the appeals for excluding it from scientific circulation. In this situation, the revision of the historical cognition subject has become inevitable.

In Postmodernism, text appears to be the only cogitable reality and the subject does not precede the text, but emerges with the text taking the whole of its space. In the field of historical cognition, the subject becomes the creator and the designer of historical reality: «the prisoner of the past» turns into its sovereign. On the one hand, this concept entails the approach and even the confluence of the cognition subject and the history subject. On the other hand, the subject becomes dependent on its time, i.e. on the present and its instances. «New» non-freedom is expressed in the subject's loss of oneness, separateness, constancy and awareness.

The role and the content of the subject are reconsidered, and modernistic concepts of the «author», «reader», «interpreter» are replaced by the more appropriate ones according to the new understanding. The article considers the differences between the subject-scripter and the subject-narrator, «the hero» and «the narrator»,

«the agent» and «the patient». The author of the article shows another aspect of the problem of historical cognition stating that a historian should combine qualities both of a scientist and of a literary critic.

Keywords: subject, historical cognition subject, author, reader, scripiter, narrator, hero, text, narrative, Postmodernism.

Введение

Проблемы субъекта, долгое время находящиеся в тени проблем объекта познания, становятся центральными в постмодернизме. Это связано с изменением представления об объекте, вызванным его пошатнувшейся незыблемостью и постоянством. Особенно остро это проявилось в области исторической науки, «утратившей» реальность, переживающей ревизию и пересмотр своих оснований и вынужденной опираться лишь на реальность субъективных конструкций. В сложившейся ситуации интересы исторической науки перемещаются из сферы исследования объективных социальных явлений в сферу исследования субъективности. Исследования субъекта исторического познания сопровождаются дискуссиями, а онтологический и эпистемологический статусы субъекта окончательно не определены, хотя уже имеется множество разработок, идей, гипотез. На наш взгляд, возникла необходимость рассмотрения изменения представлений о субъекте исторического познания, выявления основных тенденций в его исследовании в русле постмодернистской традиции. Это и является целью данной работы.

Реализация этой цели исключает возможность применения какого-либо одного доминирующего подхода, определяющего теоретико-методологические основания исследования. Методологическая база складывается из разных подходов. Прежде всего — это метод сравнительного анализа, который нацелен на выявление общего и особенного в представлениях о субъекте исторического познания, а также исторический подход, который позволит выявить и сопоставить уровни в развитии представлений о субъекте. Представляется необходимым и включение элементов системного метода, предполагающего рассмотрение представлений о субъекте исторического познания в постмодернизме в комплексе, в качестве целостного образования, где в качестве элементов выступают концепции философов, так или иначе принадлежащих данному направлению.

Особенности постмодернистских представлений, предполагающих сосуществование концепций, построенных на различных основаниях и не связанных между собой каузально, допускают применение метода пространственной организации мышления. Этот метод позволит учесть все прояв-

ления феномена во взаимодействии с той средой, в которой он пребывает, и выявить место сосредоточения смыслов.

Данная проблема осложняется неоднозначностью определения постмодернизма. Это связано, во-первых, с «расплывчатостью» его временных границ: считается, что постмодернизм возник в конце 70-х гг. XX в., хотя его основные идеи были высказаны ранее. Во-вторых, с отсутствием четкого парадигматического определения, в-третьих, с тем, что причастность тех или иных исследователей к традиции постмодернизма до конца так и не определена. Некоторые из них, бесспорно, входят в круг представителей постмодернизма, другие являются «пограничными» фигурами, оказавшими существенное влияние на его становление и развитие. Идеи тех и других могут быть весьма ценными для рассмотрения заявленной проблемы, а критерием отбора может выступать критика и ревизия модернистских представлений.

Историческая наука в постмодернизме — смена статуса и содержания

Необходимо заметить, что уже в модернизме наметился «сдвиг» исторической науки к границе между социально-гуманитарными науками и вне-научным знанием, и это было предопределено прежде всего тем, что сомнению подверглось само понятие «историческая реальность», а единственно мыслимой реальностью стал полагаться текст, его написание, чтение, интерпретация. История в этой ситуации рассказывается или пишется с позиции активного социального субъекта, который не может находиться за пределами текста. Именно от характеристик субъекта зависит процесс производства исторических научных дискурсов. Научный дискурс в таком понимании рассматривается «лишь как разновидность в семье нарративных культур» [1, с. 69–70].

Текст как дескрипция и как нарратив

Тексты в исторической науке выступают в двух основных видах — как дескриптивные (описательные), так и нарративные (повествовательные). В качестве реальности или, по словам Р. Барта, гиперреальности (мир собственного субъективного восприятия) они противостоят друг другу. Описательные тексты предполагают изложение статических состояний, описание признаков каких-либо

предметов и явлений: например, изображение исторического пространства, описание социальных институтов, традиций, а также выявление типологических и видовых черт тех или иных явлений и др. Кроме этого, как пишет А. Данто, «историческое исследование включает установление того факта, что некоторое событие произошло» [2, с. 137]. Историк, например, устанавливает дату события, приводит доказательства, но не стремится рассказать историю, т.е. изложить полное содержание события.

Дескриптивный текст малоподвижен: однажды созданный, он изменяется минимально. Более существенные изменения влекут за собой создание нового текста. Такой текст — это устойчивая структура. Информация в нем преподносится как объективная и нейтральная.

Понятие «нарратив», как известно, преимущественно употребляется в философии постмодернизма. В отличие от дескриптивного текста он имеет темпоральную структуру, выступает как постоянное изменение, процесс, а также предполагает присутствие опосредующей инстанции — повествователя, рассказчика, нарратора, через которую передаются эти изменения. Для нарратива описательный текст может служить своего рода «топливом»: повествование при своем разворачивании использует его фрагменты, которые «сгорают» в «пламени» нарратива, так как уже исполнили свою роль и больше не нужны для данного повествования.

Нарратив — это рассказ, который всегда можно изложить по-другому, и каждый рассказчик выстраивает свою иерархию событий, по-своему связывает их с контекстом и расставляет акценты. Произвольно построенная структура, таким образом, — это один из признаков нарратива.

Текст как нарратив, утверждает Р. Барт, это «эхокамера», которая возвращает субъекту смысл, внесенный им самим. Повествование осуществляется «ради самого рассказа, — отмечает философ, — а не ради прямого воздействия на действительность» [3, с. 384]. Так как смысл событий в нарративе не зависит от «внешнего» исторического процесса, то и наличие исходного, первоначального смысла, с точки зрения представителей постмодернизма, не важно. М. Постер полагает, что смысл рассказа возникает в самом процессе наррации, «в акте сугубо субъективного усилия», и мыслится он «как лишенный какого бы то ни было онтологического обеспечения» [4]. Другими словами, нарратив самодостаточен, и его ценность определяется собственным содержанием.

Таким образом, нарратив преимущественно является субъективным, а не объективным повествованием в отличие от дескрипции. Данто пишет, что «само использование повествовательной организации логически предполагает *непреодолимый* субъективный фактор». Смысл нарратива определяется «насутными интересами того или иного человека» [2, с. 137–138]

Как видим, нарратив — это прежде всего (что соответствует и переводу с английского и французского) рассказ, но в контексте нашей темы все-таки необходимо «развести» эти понятия. Любой рассказ является способом получения и передачи фактической информации, но нарратив предполагает включение неких иных элементов, которые призваны раскрыть смысл того, о чем повествуется. Можно выделить художественные или публицистические повествования, которые содержат эмоции и оценки нарратора, и научные тексты (в том числе исторические), в которых предполагается довольно четкая структура, выделение причинно-следственных связей, логических цепочек и др. Данто полагал, что исторические нарративы наряду с сообщением содержат объяснение [2, с. 138].

Изменения представлений о субъекте исторического познания в постмодернизме

Казалось бы, в этой ситуации субъект исторического познания приобретает свободу, конструируя реальность, являясь ее основной предпосылкой и заполняя все пространство знания. От его качеств зависит содержание исторического знания, так как прошлое, доступное как набор фрагментов, приобретает полноценное существование именно в повествовании и предстает таким, каким его видит субъект. Субъект исторического познания, выступающий в модернизме как «пленник» непредсказуемого, противостоящего, диктующего содержание знания прошлого, становится его «господином». Субъект теперь не изолирован от мира как объекта познания, а находится внутри него, присутствует в акте познания.

Но «господство» субъекта над прошлым имеет и другую сторону: роль «конструктора» и предпосылки исторической реальности приводит к потере автономности, целостности, постоянства и осознанности. Как отмечает Г.М. Ипполитов, субъект познания становится «пленником своего времени» [5, с. 56], т.е. настоящего, и формирующих его систем. А.Н. Ильин в качестве таких систем или инстанций выделяет различные организации, такие как партия «Единая Россия» или «КПРФ», авторитеты (например, учительница начальных классов) и др. Формировать субъект, полагает он, может

также какое-либо «общественное табу или целая система запретов, армейская дисциплина и т.д. и т.п.» [6]. Человек заимствует у формирующей его инстанции, каждой из которых соответствует определенная система ценностно-смыслового отношения к действительности, ее «язык», вид «письма» и др. Об этом, как известно, писал Фуко, утверждая, что субъект-автор является идеологической фигурой, «с помощью которой маркируется способ распространения смысла» [7], т.е. зависит от идеологии, царящей в обществе.

Ж. Лакан, рассуждая о потере субъектом познания автономии, самостоятельности, объясняет это тем, что он дважды детерминирован. Во-первых, он определен языковыми шаблонами правящей идеологии, во-вторых, бессознательным (иррациональным) словотворчеством. Субъект, по Лакану, — обитатель лингвистического, речевого мира, за пределами которого его не существует. [цит. по: 8]. Это напрямую относится к исторической науке, так как историки могут создавать лишь языковую реальность, — история не может существовать иначе. Другими словами, человек как субъект познания, приобретя статус создателя реальности, сам превращается в конструкт языка.

Модернистская парадигма предполагала противостояние субъекта и объекта как двух целостностей с различными смыслами. В ситуации же постмодернизма субъект, с одной стороны, определяет все, но с другой — приобретает такое специфическое свойство, как «расщепленность».

Расщепленность прежде всего в двусмысленности положения субъекта, связанной с признанием его «включенности» в объект. Субъект выступает и как познаваемый объект, и как познающий субъект [9, с. 333]. Кроме того, субъект в новой парадигме не единичен, он является совокупностью идентичностей, сосредотачивает в себе множество пониманий, многообразие ролей, которые выполняет. Также постмодернистами история представляется как набор различных локальных «рассказов», часто противоположных по форме изложения событий, по их оценке, интерпретации и др. Будучи различными и даже противоположными, они не могут быть опровергнуты, так как все являются проводниками истины субъекта. Это отчасти связано с изменением представлений об историческом пространстве, которое в постмодернизме выступает как локально организованное, связанное с географическим пространством.

Являясь совокупностью разнообразных идентичностей, субъект не является чем-то фиксированным, постоянным. Более того, он даже противопоставлен индивидуальной фиксированности, он

номадичен и состоит из произвольных неличностных и доиндивидуальных единичностей — сингулярностей [10, с. 250]. Американский философ К. Уилбер причиной непостоянства субъекта новой парадигмы считает то, что он (субъект) представляет мир, опираясь на свою собственную «историю», которая выступает как история постоянно развивающихся мировоззрений, изменения которых, в свою очередь, преобразуют и характеристики мира [11, с. 105]. М. Бланшо, описывая процесс создания некоего произведения, замечает, что между проектом, планом книги и окончанным трудом, разница такая же, «как между желанием тепла и теплом от печки, греющей меня» [12]. Это относится как к литературному, так и к историческому нарративу. В нарративе изменения связаны не только с изменением мировоззрения, но и с появлением новых исторических фактов. Уже готовое произведение также находится в состоянии становления, но не само в себе, а через Другого, через читателя, который дает «конкретную направленность» содержащимся в нем интенциям [13, с. 5].

Изъятие из оборота понятия «историческая реальность», утверждение представления о слиянии субъекта познания с объектом истории, метаморфозы характеристик субъекта (зависимость, расщепленность, номадичность) предопределили противоречивый облик субъекта и неизбежно привели к изменению представлений о статусе, роли субъекта и о содержании субъективности.

Пересмотр роли, статуса, содержания субъекта исторического познания

Прежде всего пересмотр роли и статуса субъекта связан с провозглашением Р. Бартом «смерти автора». Для обозначения субъекта он вводит понятие «скриптор» — (пишущий). Скриптор, по Барту, существенно отличается от модернистского автора, который «вынашивает» книгу и предшествует ей. Скриптор же «рождается одновременно с текстом». Он не существует «до и вне письма», а «всякий текст вечно пишется здесь и сейчас» [3, р. 387].

М. Бланшо, не изменяя термина «автор» (хотя довольно часто употребляет термин «писатель»), тем не менее изменяет его содержание. Анализируя деятельность писателя, философ замечает, что он «находит и реализует себя только в процессе своего труда; в преддверии труда он не только не знает, кто он есть, но и он есть ничто» [12]. Таким образом, субъект уже не является предпосылкой текста, не опережает его, а сам «рождается» текстом. Субъект в постмодернизме представляется деперсонализированным и это еще в большей ме-

ре, чем в литературных произведениях, проявляется в исторической науке.

«Порождением текста» представляется и читатель (или интерпретатор): он также не свободен и является, по мнению М. Грессе, лишь выражением системы фундаментальных конвенций, которые диктуются данной культурной традицией [14, р. 7]. Его роль состоит, по Бланшо, в «достраивании» текста, так как без работы по деконструкции его не существует. Интерес к произведению (эмоциональный либо рациональный) изменяет сделанное автором и «превращает в нечто иное, где он не узнает первоначального совершенства» [12]. Читатель, как полагает американский литературовед и философ Дж.Х. Миллер, — это источник смысла. Он «овладевает произведением... и налагает на него определенную схему смысла» [15, р. 12].

Таким образом, как скриптор (писатель), так и читатель являются производителями текста. Различие между ними заключается в том, что первый участвует в процессе письма, а второй — в процессе чтения. Но это различие не исключает их взаимосвязи. Как субъекты исторического познания, они сменяют друг друга. По выражению Бланшо, «каждый из авторов-субъектов опирается на другого, тогда как другой, в свою очередь, опирается еще на кого-нибудь» [13, с. 139]. Читатель (интерпретатор), воспроизводя по-своему текст, становится автором для другого читателя. Читатель оценивает написанное либо рассказанное, пытается проникнуть в мысли автора и разгадать причины действий героя для того, чтобы понять, почему автор создал именно такую ситуацию и такого героя. Но существует и обратная связь: создавая описание, автор пишет для читателя (каждый автор надеется на прочтение) и пытается понять, как написанное будет восприниматься читателем. Но внедрить читателя в контекст, предвидеть характер его восприятия удается не всегда.

Как известно, в постмодернизме одним из ключевых понятий является понятие «нарратор» — повествователь, рассказчик. В. Кайзер, немецкий литературовед, назвал нарратора «ролью, придуманной и принятой автором». Он утверждал, что «в искусстве рассказа нарратор никогда не является автором» [16, S. 91]. Относительно исторической науки можно добавить, что и исследователь также может выполнять эту роль. Таким образом, роль нарратора носит формальный характер и противопоставляется понятиям «конкретный» автор или исследователь.

В отличие от скриптора, который описывает последовательность событий — путь к финалу, нарратор является носителем знания о тенденции

развития событий, представлений о завершении, финале истории (нарратива), он «объясняет» путь к финалу. Но так как история все-таки опирается на некие установленные факты, то историк-нарратор вынужден с этим считаться. Финал какой-либо истории один, но каждый нарратор может привести к нему по-разному. Скриптор и нарратор занимают различные позиции относительно текста: скриптор движется параллельно событиям и претендует на объективность, на взгляд со стороны, тогда как нарратор помещается внутрь «потока».

Конструируя событие или ситуацию, автор или нарратор помещают в них героя с его мировоззренческими установками, «заставляя» его понять смысл события или ситуации. Герой — это участник исторического процесса. В качестве героя может выступать и сам нарратор, т.е. участвовать в повествуемой истории. Хотя герой и пребывает в центре событий, он не обладает знанием о финале как нарратор. В историческом нарративе нарратор и герой находятся в разных «временах». По отношению ко времени, предполагаемому в рассказе, герой пребывает в самом времени, а нарратор — в метавремени, над временем. Создавая «героя» в литературном произведении, нарратор ограничен сюжетной линией, жанром и др. (хотя эти ограничения можно признать условными). Он не скрывает своей роли «создателя» героя, даже если тот является исторической личностью. Но в историческом нарративе историк не может вводить вымышленного героя, существование которого в прошлом не подтверждено либо историческими источниками, либо исторической традицией.

Необходимо отметить присутствие еще одного субъекта, зафиксированного постмодернистами. Это «нарратор». Как пишет И.П. Ильин, «нарратор — разновидность внутреннего адресата, явного или подразумеваемого собеседника, воспринимающего информацию» [8]. Что касается исторического нарратива, то в нем нарратор присутствует неявно, но в любом случае подразумевается, так как любая история, любое изложенное исследование требуют некоего «слушателя». Присутствие явного адресата свойственно прежде всего художественному произведению.

Иную классификацию субъектов дает Х. Уайт. Он выводит «на сцену» субъектов, сосредоточивших в себе свойства как субъектов истории, так и субъектов исторического познания, в чем в полной мере проявляются традиции постмодернизма (слияние двух этих видов). В качестве субъектов предстают «агенты» и «пациенты». Агент участвует в истории, а пациент в ней «проживает». Пациент,

считает Уайт, может быть «не замечен» историей или «пересмотрен». Он отмечает преимущество позиции агентов и ущербность пациентов, которые играют роль «товара». «Есть неоспоримое преимущество в том, чтобы быть в истории, а не вне ее, — пишет он, — и среди тех народов и групп, которые в истории являются агентами (производителями) истории, а не пациентами или ее товаром» [17]. Роль агента заключается в том, что он дает пациенту координаты, задает правила действия.

Именно действия агентов, полагает А. Мегилл, изучаются историками. Внешняя сторона их действий выступает как подтверждение существования событий, внутренний мир «дан познающему субъекту в воображении», которое «создает исторические конструкции». «Прошлое познается, — пишет он, — в результате “переигрывания” или “воспроизведения” (опыта, мыслей исторического деятеля) в сознании историка» [18, с. 49]. Историк в этом случае зачастую также выступает как агенты, «производя» и «переигрывая» историю.

Еще одним аспектом проблемы субъекта исторического познания является проблема «привлечения» к историческому исследованию не только историков, но и представителей других сфер как научного, так и вненаучного знания. Представления о том, что для исторического исследования недостаточно лишь историков, были свойственны и модернистам. В рамках этой традиции высказывались мнения о том, что для исторического исследования необходимо и присутствие философа. Постмодернисты же убеждены в том, что историк должен быть и ученым, и литератором одновременно, и именно в этом сложность его положения [19].

Нельзя не согласиться с тем, что существует общее в деятельности историка-ученого и литератора, — это не раз отмечалось в работах зарубежных и отечественных исследователей. Например, Х. Уайт полагает, что историограф, выстраивая факты в сюжет, неизбежно (так же, как литератор) включает в него идеологическую позицию, выражая свой собственный взгляд на мир. Как историк, так и литератор, отбирая элементы для конструирования истории, основываются на своих субъективных взглядах, оценочных мерках, идеях, управляющих «созданием» истории, тем самым создавая смысл.

Но сходство деятельности историка и литератора не означает отождествления характера их деятельности. Например, В. Шмид, излагая позицию польского философа Р. Ингардена, обратил внимание на его слова о том, что в историографии историк производит отбор и неотобранное (которое

считается неистинным) навсегда остается вне повествуемой истории, в литературе же читатель может его активизировать [20], так как в ней, по словам М. Бланшо, «обман и мистификация не только неизбежны, но составляют честность писателя, присущую ему долю надежды и истины» [12].

В историческом произведении нарратор-историк ограничен тем, что имеет дело с объективными историческими фактами, установленными путем сложного исследования. Как полагает Х. Уайт, историк должен учитывать те ограничения, которые накладываются существованием какого-либо события, явления или объекта (например Освенцима) [цит. по: 20]. Кроме того, он даже предостерегал историков-ученых от увлечения различными возможностями литературной работы, предупреждая, что они не должны забывать и о «суровости естествознания» [19].

Рикер специфику исторического нарратива видит в том, что историк не только осуществляет отбор фактов, элементов, но и «раскрывает мотивы, по которым он считает какой-то фактор — скорее, нежели некий другой, — достаточной причиной определенного хода событий» [22, с. 216]. На основе этого историком выстраивается и разделяется на главы или эпохи поток непрерывной действительности.

Заключение

Таким образом, в рамках постмодернистской традиции отрицание существования объективной исторической реальности приводит к устранению противостояния субъекта и объекта. Субъект исторического познания становится конструктором «собственной» исторической реальности и ее основным содержанием. Он вносит смысл в исторический нарратив, опираясь при этом на исторические факты, которые сами по себе являются лишь разрозненными фрагментами. Такие представления повлекли за собой сближение и даже слияние субъекта познания с субъектом истории. Граница между ними стирается. Субъект больше не предшествует тексту, он «живет» лишь вместе с произведением и реализует себя в процессе повествования. Деятельность историка и литератора сближается, стирается граница между субъектом истории и субъектом исторического познания. Все это приводит к пересмотру типологии субъектов и содержания их деятельности. Субъект выступает как рассказчик, читатель, созданный нарратором наррататор, герой, агент либо пациент. Он, кроме того, в идеале сочетает в себе качества как ученого, так и литератора.

Появление новых «ролей» субъекта исторического познания приводит к тому, что субъект теперь становится изучаемым, зависимым от самого себя. Он лишается целостности, постоянства, становится «расщепленным», формируясь различными инстанциями: языком, идеологией, законами, условиями существования человека и, по словам М. Фуко, превращается в функцию индивида. Его «господство» оказывается иллюзией — зависимость от прошлого сменяется зависимостью от настоящего.

Список литературы

1. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. СПб., 1998. 160 с.
2. *Данто А.* Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. 292 с.
3. *Барт Р.* Смерть автора // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 384–391.
4. *Poster M.* The Mode of Information. Post-Structuralism & Social Context. Cambridge, 1996. 136 p.
5. *Ипполитов Г.М.* Пленники времени, или как историки, будучи здесь и сейчас, пишут о том, что было там и теперь // Человек в контексте своего времени: опыт историко-психологического осмысления: матер. XX Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 18–19 декабря 2006 г. / под ред. д-ра ист. наук, проф. С.Н. Полторака. СПб., 2006. Ч. I. С. 56–61.
6. *Ильин А.Н.* Субъект в пространстве философии постмодернизма // Знание. Понимание. Умение: Информационный гуманитарный портал. 2010. № 1 – Философия. Политология. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Ilyin_Subject/ (дата обращения: 03.01.2016).
7. *Философский словарь.* URL: <http://slovariki.org/filosofskij-slovar> (дата обращения: 02.03.2017).
8. *Ильин И.П.* Постмодернизм — от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. 258 с.
9. *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: пер. с фр. М.: Касталь, 1996. 448 с. URL: http://lib.ru/CULTURE/FUKO/istoria.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 23.06.2016).
10. *Делез Ж.* Логика смысла М.: Академ. проект, 2011. 472 с.
11. *Уилбер К.* Краткая история всего. М.: АСТ: Астрель, 2006. 476 с.
12. *Блانشо М.* Литература и право на смерть // Бланшо М. От Кафки к Кафке. М.: Логос, 1998. С. 9–56. URL: <http://blansho.narod.ru/blanchot/litera.html> (дата обращения: 06.03.2017).
13. *Блانشо М.* Последний человек. М.: Терра, 1997. 304 с.
14. *Gresset M.* Introduction // Intertextuality in Faulkner / ed. by M. Gresset, N. Polk. N.Y.: University of Mississippi, 1985. P. 3–15.
15. *Miller J.H.* Tradition and difference // Diacritics. 1972. Vol. 2, no 2. P. 9–12.
16. *Kayser W.* Wer erzahlt den Roman? // Die Vortragsreise: Studien zur Legende. Bern, 1958. S. 82–101.
17. *White H.* The Historical Event. URL: http://www.culturahistorica.es/hayden_white/historical_event.pdf (accessed: 01.05.2016).
18. *Мегилл А.* Историческая эпистемология: монография. М.: Канон+: Реабилитация, 2007. 480 с.
19. *White H.* The Burden of History // History and Theory. 1966. Vol 5, no 2. P. 111–134.
20. *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с. URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/shmid-narratology.pdf> (дата обращения: 21.02.2017).
21. *Evans R.J.* The future of history // Prospect Magazine. 1997. Oct. Iss. 23. URL: <http://www.stoa.org.uk/topics/postmodernism/the-future-of-history.pdf> (accessed: 07.05.2016).
22. *Рикер П.* Время и рассказ. Т. 1. СПб.: Университетская книга, 2000. 313 с.

Получено 23.05.2017

References

1. *Liotard J.-F.* *Sostoyanie postmoderna* [The postmodern condition]. Saint Petersburg. Publ., 1998, 160 p. (In Russian).
2. *Danto A.* *Analiticheskaya filosofiya istorii* [Analytical philosophy of history]. Moscow, Idea-Press Publ., 2002, 292 p. (In Russian).
3. *Barthes R.* *Smert' avtora* [The death of the author]. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress Publ., 1989, pp. 384–391. (In Russian).
4. *Poster M.* *The Mode of Information. Post-Structuralism & Social Context*. Cambridge, 1996, 136 p. (In English).
5. *Ippolitov G.M.* *Plenniki vremeni, ili kak istoriki, buduchi zdes' i seychas, pishut o tom, chto bylo tam i teper'* [Prisoners of time, or as historians, being here and writing about what was there and now]. *Chelovek v kontekste svoego vremeni: opyt istoriko-psikhologicheskogo osmysleniya* [Man in the context of his time: the experience of historical-psychological understanding]. Saint Petersburg, 2006, part I, pp. 56–61. (In Russian).
6. *I'in A.N.* *Sub'ekt v prostranstve filosofii postmodernizma* [The subject in the space of the philosophy of postmodernism]. *Znanie. Ponimanie. Umenie: Informatsionnyi gumanitarniy portal. 2010. № 1* –

- Filosofiya. Politologiya* [Knowledge. Understanding. Ability: Information humanitarian portal. 2010. № 1 – Philosophy. Political science]. Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Ilyin_Subject/ (accessed 03. 01. 2016). (In Russian).
7. *Filosofskiy slovar'* [Philosophical dictionary]. Available at: <http://slovariki.org/filosofskij-slovar> (accessed: 02.03.2017). (In Russian).
 8. П'ин А.Н. *Postmodernizm — ot istokov do konca stoletiya: evolyutsiya nauchnogo mifa* [Postmodernism from the beginning to the end of the century: the evolution of the scientific myth]. Moscow, Intrada Publ., 1998, 258 p. (In Russian).
 9. Foucault M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality]. Moscow, Kastal' Publ., 1996. 448 p. Available at: http://lib.ru/CULTURE/FUKO/istoria.txt_with-big-pictures.html (accessed 23.06.2016). (In Russian).
 10. Deleuze G. *Logika smysla* [The logic of sense]. Moscow, Academic Project Publ., 2011. 472 p. (In Russian).
 11. Wilber K. *Kratkaya istoriya vsego* [A brief history of everything]. Moscow, AST, Astrel Publ., 2006, 476 p. (In Russian).
 12. Blanchot M. *Literatura i pravo na smert'* [Literature and right to death]. *Blanchot M. Ot Kafki k Kafke* [From Kafka to Kafka]. Moscow: Logos Publ., 1998, pp. 9–56. Available at: <http://blansho.narod.ru/blanchot/litera.html> (accessed 06.03.2017). (In Russian).
 13. Blanchot M. *Posledniy chelovek* [The last man]. Moscow, Terra Publ., 1997, 304 p. (In Russian).
 14. Gresset M. Introduction. *Intertextuality in Faulkner*. New York, University of Mississippi, 1985, pp. 3–15. (In English).
 15. Miller J.H. Tradition and difference. *Diacritics*. 1972, vol. 2, no 2, pp. 9–12. (In English).
 16. Kayser W. *Wer erzahlt den Roman?* [Who tells the novel?]. *Die Vortragsreise: Studien zur Legende* [The lecture tour: Studies on the legend]. Bern, 1958, pp. 82–101. (In German).
 17. White H. *The Historical Event*. Available at: http://www.culturahistorica.es/hayden_white/historical_event.pdf (accessed 01.05.2016). (In English).
 18. Magill A. *Istoricheskaya epistemologiya: monografiya* [Historical epistemology: monograph] Moscow, Canon+: ROOI «Rehabilitation» Publ., 2007, 480 p. (In Russian).
 19. White H. The Burden of History. *History and Theory*. 1966, vol 5, no 2, pp. 111–134. (In English).
 20. Schmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2003, 312 p. Available at: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/shmid-narratology.pdf> (accessed 21.02.2017). (In Russian).
 21. Evans R.J. The future of history. *Prospect Magazine*. 1997, Oct, iss. 23. Available at: <http://www.stoa.org.uk/topics/postmodernism/the-future-of-history.pdf> (accessed: 07.05.2016). (In English).
 22. Ricoeur P. *Vremya i rasskaz* [Time and narrative]. Saint Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2000, vol. 1, 313 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 23.05.2017

Об авторе

Боровкова Ольга Владимировна

кандидат философских наук, доцент кафедры общественных дисциплин

Рубцовский институт (филиал) Алтайского государственного университета,
658225, Алтайский край, Рубцовск,
пр. Ленина, 200б;
e-mail: o.v.borovkova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7926-185X

About the author

Borovkova Olga Vladimirovna

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor of the Department of Social Sciences

Rubtsovsk Institute, branch of Altay State University,
200b, Lenin av., Rubtsovsk, Altai region,
658225, Russia;
e-mail: o.v.borovkova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7926-185X

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Боровкова О.В. Некоторые аспекты проблемы субъекта исторического познания в постмодернизме // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 555–562.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-555-562

Please cite this article in English as:

Borovkova O.V. Some aspects of the problem of the historical cognition subject in Postmodernism // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 4. P. 555–562. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-555-562

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-563-575

**ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ СФЕРА ЛИЧНОСТИ:
СУЩНОСТЬ, ДЕТЕРМИНАНТЫ, МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ***Почтарева Елена Юрьевна**Уральский государственный педагогический университет*

В статье рассматриваются содержательно-структурные характеристики ценностно-смысловой сферы личности в концептуальном многообразии психологических подходов к определению сущностных явлений ценностно-смысловых феноменов. Автор анализирует гуманистический личностно ориентированный потенциал ценностно-смысловых образований, психологическая природа которых с позиций представленных теоретических и эмпирических исследований понимается как условие развития интегрированной целостной личности в динамической обусловленности личности, социума и культуры.

Обосновывается положение о многомерности детерминационных процессов личностно-смысловых образований, в силу их множественной обусловленности сложными системами отношений, воплощающих различные свойства, планы, основания жизнедеятельности личности в их взаимообусловленности, взаимосвязи и взаимодействии. Подчеркивается, что многообразие отношений, определяющее включенность личности в разнообразные ценностные и смыслообразующие контексты, задает необходимость выделения доминирующих отношений, определяющих динамические характеристики формирования и развития личностных смыслов и ценностей, источников и факторов детерминации ценностно-смысловой сферы личности.

Функционирование ценностно-смысловой сферы определяется как личностно-смысловая регуляция на различных психологических уровнях, таких как самосознание, эмоциональные переживания, познавательные и волевые процессы, поведение, деятельность, социальные отношения. В этом автор видит интегрирующую роль ценностно-смысловой сферы, обуславливающую внутреннюю готовность личности к самоосуществлению как выбору определенных средств, способов реализации и достижения целей жизнедеятельности.

Автор приходит к выводу, что наиболее полно психологическая природа ценностей и смыслов личности может быть раскрыта с позиций экзистенциального анализа в обосновании бытийного опосредования процессов самодетерминации личности, определяющих сформированность и зрелость ценностно-смысловых образований личности, функционирующих совместно как согласованные интегрированные системы личностно-смыслового регулирования в пространстве внешних и внутренних детерминационных процессов личности.

Ключевые слова: личностный смысл, ценности личности, ценностные контексты, смыслообразующие отношения, самодетерминация, смысловая регуляция личности.

**VALUE-MEANING SPHERE OF PERSONALITY:
ESSENCE, DETERMINANTS, MECHANISMS OF DEVELOPMENT***Elena Yu. Pochtaryova**Urals State Pedagogical University*

The paper deals with the content-structural characteristics of the value-meaning sphere of the individual in the conceptual variety of psychological approaches to definition of the essence of value-meaning phenomena. The author analyzes the humanistic personality-oriented potential of value-meaning entities, whose psychological na-

ture in terms of the presented theoretical and empirical studies is understood as a condition for the development of an integrated complete personality in the dynamic conditioning of the individual, society and culture.

The author substantiates the proposition about the multidimensionality of the determinative processes of personality-meaning entities, due to their multiple conditionality by complex systems of relations embodying various properties, plans, foundations of the vital activity of the individual in their interdependence, interconnection and interaction. The study emphasizes that the variety of relationships determining the inclusion of the individual in various value and meaning-creating contexts, determines the need to identify the dominant relationships that determine dynamic characteristics of formation and development of personal meanings and values, sources and factors of determination of the value-meaning sphere of the individual.

Functioning of the value-meaning sphere is defined as personal-meaning regulation at various psychological levels, such as self-awareness, emotional experiences, cognitive and volitional processes, behavior, activity, social relations. In this, the author sees the integrating role of the value-meaning sphere, which determines the inner readiness of the individual to self-realization as a choice of certain means, ways of realizing and achieving the goals of life.

The author comes to the conclusion that the psychological nature of values and meanings of personality can be fully revealed from the standpoint of existential analysis in substantiating the existence of self-determination of personality, determining the formation and maturity of value-meaning entities that function together as coordinated integrated systems of personal-meaning regulation in space of external and internal determinative processes of personality.

Keywords: personal meaning, values of personality, value contexts, meaningful relations, self-determination, meaning regulation of personality.

Ценностно-смысловая сфера как предмет научного исследования в психологии представляет широкий спектр подходов к анализу соотношения ее основных компонентов: смыслов и ценностей. Проблема целостности ценностно-смысловой сферы рассматривается в различных научных школах психологии как одна из ключевых в изучении детерминации становления и развития личности.

В целом подавляющее большинство авторов рассматривают ценности и смыслы как взаимообусловленные личностные динамические образования, психологическая природа которых связана с содержанием целевых ориентиров личности, определяющих внутриличностную согласованность, вариабельность и стабильность личностного функционирования.

Содержательно-динамические характеристики смысловой сферы личности проявляют себя в глобальном историческом контексте, своеобразии которого в настоящее время раскрывается в актуализации ценностей, связанных с индивидуалистической личностно-центрированной «я» — ориентацией. Однако при этом исследователи отмечают парадоксальную совместимость ценностей индивидуализма с тенденцией к коллективистской «мы» — ориентации, осуществляемой в таких характеристиках, как готовность и стремление к сотрудничеству, партнерству, благотворительности, лояльность и доверие к окружающим, важность семейных ценностей, ценностей традиции, веры (Г. Хофстеде, Г. Триандис, Р. Инглхарт, В. Бей-

кер, М. Кеммельмейер, Е. Ямбор, Я. Летнер, Н.М. Лебедева, Н.Г. Лапин, Н.В. Латова и др.).

Более того, содержательно-типологический анализ конструкта «индивидуализм – коллективизм» показывает многостороннюю природу формально-динамических и содержательно-смысловых характеристик, что делает проблематику ценностно-смысловой сферы интересной и актуальной по-новому. Например, Г. Триандис обосновывает взаимосвязь горизонтальных (направленность на равенство) и вертикальных (преобладание иерархии) социальных отношений как комплексных ценностных структур, смысловая природа которых обуславливает сосуществование, а не противопоставление тенденций индивидуализма и коллективизма [1].

Обосновывая положение о многомерности детерминационных процессов личностно-смысловых образований в динамической взаимообусловленности личности, социума, культуры, природного мира, исследователи подчеркивают, что ценности, являясь центральными компонентами глобальных структур социальных представлений, фокусируют смысловые основания жизни личности (С. Московичи, Д. Жодле, Ж.-К. Абрикаи и др.). Так, С. Московичи отмечает, что ценности, разделяемые людьми и формирующиеся в процессах социального взаимодействия, демонстрируют разнообразие соотношений индивидуально и общественного начал, представленность которых в сознании личности делает возможным изучение высших ценностно-мировоззренческих

структур, определяющих процессы адаптации и развития личности [2].

Современная социокультурная ситуация предлагает личности широкий спектр возможностей для осуществления жизненных выборов, реализовать которые как никогда сложно в силу дезинтеграции ценностно-смыслового пространства социальных норм, моделей поведения и деятельности, как на уровне культурных ценностей, так и на уровне ценностей конкретной личности. Подобная трансформация обусловила активизацию ценностно-смысловой динамики, определяющей аксиологический потенциал личности, образующий систему бытийных ориентиров ее жизнедеятельности в субъективном преломлении процессов самореализации и самоактуализации.

Проблема ценностей и смыслов личности находит широкое отражение в теоретических и эмпирических исследованиях, однако мы считаем, что современное состояние психологического знания характеризуется несоответствием между очевидной значимостью в динамично изменяющейся российской культуре и степенью систематичности, комплексности и развернутости исследований в этой области. Таким образом, несмотря на большое количество исследований, можно отметить неоднозначность научных представлений как в целом, так и в части отдельных составляющих ценностно-смысловой сферы.

Терминологическое и контекстуальное многообразие, представленное в теоретико-эмпирических исследованиях, свидетельствует о разнообразии трактовок сущности ценностно-смысловых образований, понимаемых как убеждение, позиция, отношение, мотив, направленность, идеал, переживание, установка, личностный смысл, образ жизни, в зависимости от концептуальных представлений авторов, раскрывающих те или иные стороны ценностно-смысловой феноменологии. По мнению М.С. Яницкого и М.С. Серого, понятийный аппарат ценностно-смысловой проблематики определяется такими категориями исследования, как объект, детерминанты, механизмы, процессы, цель и результат развития, раскрывающий уровень сформированности и зрелости ценностно-смысловой сферы личности [3].

Анализ содержательных и структурно-организационных характеристик ценностей и смыслов представлен многочисленными исследованиями как в отечественной, так и западной психологии.

Так, в западной психологии представлены следующие направления изучения смысла: смысл как объяснительный конструкт в психодинамических

теориях личности (З. Фрейд, К.Г. Юнг, А. Адлер, Э. Эриксон, К. Хорни и др.), смысл как интегративная функциональная основа субъекта (В. Франкл, Дж. Ройс, А. Пауэлл, Ф. Феникс, С. Мадди, Дж. Бьюдженталь, М. Чиксентмихайи и др.), смысл как содержательно-структурный элемент сознания и активности личности (К. Левин, Э. Толмэн, Э. Бош, Ж. Нюттен, Р. Мэй и др.), смысл как репрезентация внутреннего и внешнего мира в сознании личности (Дж. Келли, Д. Магнуссон, Л. Нистедт, Э. Петерфройнд, Ю. Джендлин, Р. Ромметвейт и др.), смысл в социальной обусловленности взаимоотношений субъекта (Р. Харре, Дж. Шоттер, Л. Томас, Ш. Харри-Аугстайн и др.), смысл как рефлексивная детерминанта самоактуализации личности (К. Роджерс, А. Маслоу, Г. Олпорт, С. Джурард, Ш. Бюллер, Ф. Бэррон и др.).

В научной психологии понятие смысла впервые было представлено в психодинамическом направлении в контексте исследования смысловых оснований психики человека. Ученые обосновали двойственную и противоречивую природу индивидуального смысла как субъективного преломления обстоятельств жизни человека, разнообразные проявления которого связаны с реализацией целей в индивидуальной, социальной и духовной сферах жизни (З. Фрейд, А. Адлер, К. Юнг, К. Хорни, Э. Эриксон и др.).

Поиск смысловых объяснений психических особенностей личности в бессознательных и осознаваемых процессах психики привел З. Фрейда к выводам об интегрированной природе смысла, поскольку осознание бессознательного как скрытого истинного смысла приводит к гармоничному и уравновешенному со средой существованию личности. При этом в работах З. Фрейда смысл не имеет самостоятельного научного статуса в силу разнородности интерпретаций смысла в соответствии с различными контекстами изучения психической реальности человека [4].

А. Адлер разработал первую психологическую теорию смысла, основанную на понимании смысла как субъективного преломления личностью обстоятельств жизни, в которой смысловое пространство включает в себя установки, черты и поведение личности, объекты и явления социума, которые одновременно выступают источниками смысла. Обретение смысла как главная жизненная задача образует целеориентированное поведение на основе интеграции представлений о смысле как жизненном стиле личности [5].

В подходе К. Юнга обосновывается фундаментальная ориентация личности на поиск смыс-

ла своей жизни при обоснования понятия архетипа как источника и формы смысла, отражающего жизнь личности в разнообразных ее проявлениях. Смысл не является исключительно субъективным образованием, так как архетип — это не причина смысла, а возможность образования в индивидуальном сознании образа объекта или явления реальности, определяющих социокультурную заданность смысла как реализацию целей личности в культурной и духовной сферах [6].

В русле социально-когнитивного подхода к изучению личности смысловые внутриличностные процессы исследуются в контексте взаимного детерминизма среды, поведения и личностных характеристик, в которых ведущая роль принадлежит социально-когнитивным процессам, определяющим установление внешних и внутренних смысловых связей через саморегуляцию и самоконтроль личности (А. Бандура, Дж. Келли, Дж. Роттер, Л. Фестингер, Ф. Хайдер и др.).

Смысл как феномен сознания, отражающий своеобразную для каждого человека интерпретацию реальности, раскрывается в концепции личностных конструктов Дж. Келли. Личностный смысл, обуславливая параметры категоризации, обобщения и оценки реальности, определяет построение непротиворечивой картины мира, в которой личностные конструкты, воплощая различные способы мировосприятия, непрерывность процессов обогащения, уточнения, иерархизации, выступают необходимым условием осмысленности и осознанности личностью своей жизни [7].

Исследовательский подход к проблеме смысла А. Бандуры основан на утверждении ведущей роли когнитивных образований в становлении внутриличностных норм поведения, определяющих значимость и осмысленность конкретной деятельности, и формируя, таким образом, индивидуальный опыт, который раскрывается в самоэффективности как субъективном восприятии и осознании личностью своих возможностей посредством придания активности новых более сложных ориентиров [8].

В концепции социального научения Дж. Роттера субъективная значимость социально-когнитивных факторов, определяющих поведенческий потенциал личности, рассматривается в аспекте локуса контроля как личностной переменной социального контроля, отражающей смысловую ориентацию в значимых ситуациях. На основе локуса контроля личность определяет ценность деятельности, которая обуславливает целенаправленность

смысловых устремлений, определяющих построение жизненной стратегии личности [9].

Развивая психологический подход в русле позитивной психологии, представители гуманистической традиции рассматривают смысловые основания актуализации потенциала человека, воплощающего интегрирующую роль смыслов и ценностей как источника постоянного динамического становления личности в ее уникальном самоосуществлении (А. Маслоу, К. Роджерс, Ш. Бюлер, Р. Мэй, Ф. Бэррон, Г. Олпорт и др.).

Представление о личности как целостной, открытой и саморазвивающейся системе обосновывается А. Маслоу с позиций понимания смысла жизни как самоактуализации — раскрытия «Я» как самости личности. Ориентация на универсальные ценности, творчество, спонтанность, осмысленность, способность, как к автономному существованию, так и погружению в глубокие межличностные отношения с людьми, рассматривается автором как условие личностного роста, достижения развития личности и общества в целом [10].

Тенденция к самоактуализации в подходе К. Роджерса как направленность личности на сохранение и развитие собственной целостности связана с осознанием собственных смыслов, которые раскрываются в ценностях, интегрирующих чувства, потребности, цели, отношение к себе и окружающей действительности. Самость как система внутриличностных символических, духовных и телесных связей, осознаваемая человеком как собственное «Я», раскрывает себя в достижении конгруэнтности как гармонии с внутренним и внешним миром личности [11].

В исследовании проблемы самоактуализации личности Г. Олпорт по сути отождествляет ценность и личностный смысл: «Ценность в моем понимании — это некий личностный смысл» [12, с. 133]. В становлении личностных смыслов принципиальную роль играет механизм «значения», на основе которого происходит осознание важности социальной ценности, что является условием ее перевода во внутренний мир. Ценности как черты личности более глубокого уровня образуют проприум личности как совокупности наиболее существенных характеристик, определяющих жизненный потенциал личности [12].

Экзистенциальная психология рассматривает категорию смысла как сущностную имплицитно заданную характеристику личности, в понимании которой акцентируется разнообразие проявлений внутреннего мира личности в аспекте взаимоотношений с окружающей реальностью, в эк-

зистенциональной ответственности реализующей собственный выбор в соответствии с существующей глубинной потребностью в смысловой ориентации (Л. Бинсвагер, Дж. Бьюдженталь, С. Мадди, В. Франкл, А. Лэнгле, И. Ялом и др.).

Экзистенциальная персонология С. Мадди определяет смысл как врожденную потребность личности в пространстве ответственности за создание уникального смысла и экзистенциальной тревоги за последствия своего решения. Нахождение баланса между этими тенденциями придает существованию смысл, позволяющий преодолевать неопределенность окружающей действительности через актуализацию психологической сферы потребностей в противоположность смыслоутратам и отчуждению жизненной перспективы личностного развития [13].

В подходе В. Франкла впервые обосновано единство ценностей и смыслов как равнозначных образований. Психологическая сущность смысла интерпретируется как своеобразное интегративное образование, сочетание внешних и внутренних компонентов мира личности: смысл личностно уникален, но не субъективен, смысл локализован в социальной среде и в силу этого определяет базовую устремленность человека к его обнаружению и реализации. Автор оперирует понятием «позитивный смысл», для интерпретации которого вводит понятие ценности, определяющей содержание смысла в трех основных сферах жизни человека — творчества, переживаний, отношений. В. Франкл описывает динамику порождения новых ценностей как процесс сопоставления и выявления противоречий между сложившимися ценностями и изменениями в социальных ситуациях [14].

По этому поводу глубоким исследовательским потенциалом обладает точка зрения А. Лэнгле, постулирующая о том, что внутреннее принятие ценности является свободным, интегрированным и целостным только в единстве компонентов: «я могу», «мне нравится», «я имею право» и «я должен». В противоположном случае, при отсутствии представленности в сознании субъекта какого-либо одного из указанных компонентов ситуация переживается как принуждение, совершаемое под влиянием внешних или внутренних сил [15].

Важное исследовательское значение решения проблемы смысла представляет подход М. Рокича, в котором автор подчеркивает прогностический потенциал ценностей, обосновывая положение о том, что ценности находят свое выражение в ценностных ориентациях, отражающих направленность личности на определенные смыслы, которые

находят свое воплощение в соответствующих способах поведения и деятельности [16].

Работы М. Рокича обусловили масштабный исследовательский интерес к прикладному изучению ценностно-смысловой проблематики, который инициировал разработку эмпирических классификаций ценностей и ценностных ориентаций по разнообразным психолого-методическим основаниям: ценности как биполярные критерии культуры (Г. Хофстеде, Р. Инглхарт, С. Вельцель, В. Бейкер и др.), ценности как универсальные составляющие в содержании и структуре смысловых образований личности (Г. Триандис, Ш. Шварц, В. Билски, Ф. Тромпенаарс, Ч. Хэмпден-Тернер и др.), ценности как иерархическая система в соответствии с возможными классификационными моделями (Д.А. Леонтьев, С.Ф. Анисимов, В. Брожик и др.), ценностные ориентации как центральное личностно-смысловое образование направленности личности (С.С. Бубнова, В.Ф. Глушкова, Е.М. Дубовская, И.В. Дубровина, Б.С. Круглов и др.), модели, дифференцирующие ценности по предмету, содержанию объектов, субъекту отношения (Ф. Патаки, Р.К. Хабибулин, Т.В. Бутковская, Н.И. Лапин и др.), ценностные ориентации как регуляторы социального поведения личности (М.И. Бобнева, Г.Э. Белицкая, А.И. Донцов, В.Л. Оссовский, В.А. Ядов и др.), ценностные ориентации как предметная форма проявления социального отношения (А.С. Залесский, М.Н. Карпенко, В.Ф. Сержантов, В.С. Соловьев и др.).

Таким образом, смысл предстает как центральное жизненное основание личности, осознание которого обусловлено нацеленностью личности на воплощение ценностей, психологическое содержание которых определяется индивидуальным своеобразием психосоциальных и социокультурных детерминант становления личности. Взаимосвязь и взаимовлияние индивидуальных и общественных ценностей порождает обусловленность ценностей личности культурой, социальными институтами, практикой общественной жизни, равно как и психологическую опосредованность всех социокультурных феноменов индивидуально-ценностными характеристиками личности. Вариативность детерминационных процессов, в силу их множественной обусловленности, определяет включенность личности в разнообразные жизненные контексты, что актуализирует важность выделения доминирующих отношений, которые, являясь ценностными и смыслообразующими, находят свое осуществление в ценностно-смысловых образованиях личности.

По мнению Д.А. Леонтьева, смысловая проблематика в отечественной психологии представлена следующими периодами: 1) определение научного аппарата категории «смысл» в психологических исследованиях (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия); 2) конкретизация феноменологического содержания смысла на основе дифференциации понятийного аппарата (А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь, В.К. Вилюнас, В.В. Столин, О.К. Тихомиров и др.); 3) классификация компонентов смысловой сферы на основе интеграции представлений о смысле и ценностях (А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь, Ф.Е. Василюк и др.) [17]. Ряд исследователей, например, И.В. Абакумова, М.Х. Машекуашева, М.А. Лукьяненко обосновывают мысль о том, что с середины 1990 г. начался четвертый период развития смысловой проблематики отечественной психологии, характеризующийся разработкой фундаментальных теоретических работ концепции смысла [18].

Утверждая онтологическую сущность личности, С.Л. Рубинштейн рассматривал ценности как производные «...от соотношения мира и человека, выражая то, что в мире, включая и то, что создает человек в процессе истории, значимо для человека» [19, с. 369]. Категория «мир» обнаруживает свою смысловую сущность как ценностное отношение личности и как преобразованное в целях личности качество бытия — это «мир», который, в свою очередь, по-новому детерминирует личность. Через смысловой анализ деятельности определяется то, «что для человека значимо, как происходит изменение акцентов, переоценка ценностей — всего, что составляет историю духовной жизни человека» [19, с. 211].

Однако в отечественной психологии исследование феномена смысла развернулось преимущественно в традиции деятельностного и культурно-исторического подходов, представляющих ценностно-смысловые образования личности как многокачественные и полифункциональные структуры в универсальной взаимообусловленности «личность – сознание – деятельность». Подобная интерпретация позволила преодолеть противопоставление внутреннего (индивидуального) и внешнего (социального) начал в личностном становлении, определяющем поиск форм и средств осуществления ценностей и смыслов личности, основополагающим механизмом развития которых выступают процессы интериоризации и экстериоризации. В этом случае акцентируется социальная и культурная сущность ценностно-смысловых образований, т.е. личность присва-

ивает социокультурный опыт, включаясь в систему общественных отношений и социальных связей, в которых приобретает самостоятельность, автономность, суверенность жизнедеятельности.

Концептуальными вопросами исследования проблематики ценностно-смысловой сферы личности признается, во-первых, выделение критериев обоснования единиц анализа для концептуализации базовых понятий, во-вторых, изучение механизмов и структур, обуславливающих интегрированность отдельных компонентов в согласованные личностно-смысловые образования, и, в-третьих, методологическое обоснование процессов формирования, развития и изменения ценностно-смысловой сферы личности.

Исследование смысла Л.С. Выготским проведено в русле созданной им системно-динамической концепции культурно-исторического развития личности. Смысл как сложное динамическое образование, регулирующее деятельность, рассматривается в контексте изучения смыслового строения сознания личности в динамической обусловленности связей «ситуация – мысль – смысл – действие», что делает возможным выделение понятий: динамическая смысловая система, смыслообразование и смысловое поле. Включенность в практику конкретной деятельности задает смысловое поле как осознаваемую ситуацию деятельности. Смыслообразование как развитие смысловой структуры сознания определяет движение смысловой сферы как «движение через целый ряд внутренних планов» [20, с. 117]. Динамическая смысловая система, обусловленная интеграцией эмоциональных и интеллектуальных процессов, в которой «во всякой идее содержится в переработанном виде аффективное отношение человека к действительности, представленное в этой идее» [20, с. 114], определяет целостность развития сознания, смысла, деятельности, личности.

А.Н. Леонтьев в русле структурно-динамического анализа деятельности использует понятие личностного смысла для раскрытия психологического содержания сознания как многомерного целостного образования, сущность которого раскрывается во взаимообусловленности «смысл – значение» в фундаментальной характеристике «пристрастности человеческого сознания» [21, с. 15], в котором «Смысл и есть “для меня значение”!» [21, с. 84]. В контексте связи деятельности и сознания личностные смыслы определяются: с одной стороны, в личностно-смысловом аспекте как отношение мотива к цели и, с другой стороны, как единицы сознания, опосредующие и регулирующие

функционирование психических процессов, состояний, явлений личности.

Динамическая смысловая система, по мысли А.Г. Асмолова, представляет собой сложноорганизованное, иерархическое образование личностных смыслов, отношений и установок, психологическая сущность которых раскрывается «как движение от деятельности к индивидуальному сознанию, так и от индивидуального сознания личности к деятельности» [22, с. 290]. Изменение смысловых образований опосредовано динамикой жизненных отношений и деятельности личности, обусловленной личностно-смысловым отношением к жизнедеятельности в отличие от отношений, определяемых социальной желательностью и стереотипами поведения и деятельности.

Подход Б.С. Братуся к пониманию психологической природы смысла связан с определением процесса смыслообразования как одной из важнейших сторон человеческого бытия, формирующей особый высший уровень сознания — уровень функционирования личностных смыслов. Осознанность смыслов не всегда очевидна, в этом ученый видит различие между личностными смыслами и ценностями, которые понимаются как «основные конституирующие (образующие) единицы сознания личности» [23, с. 91]. Высшие уровни личностно-смысловых образований, связанные с универсальными ценностями, определяющими жизненный смысл личности, не просто отражают, а развивают и трансформируют внутреннюю и внешнюю реальность личности.

Ф.Е. Василюк вводит понятие внутренней деятельности личности, в которой переживание обладает системообразующим характером как механизм функционирования ценностей и смыслов. Акцентируется взаимообусловленность развития смысловых и ценностных образований, при этом ценностные образования являются основой для построения системы личностных смыслов. Онтологическое понимание смысла как целостности жизненных отношений личности обуславливает многомерность смыслового пространства, которое раскрывается и реализуется в осознании как созидании, т.е. смыслопорождении [24].

Исследовательский интерес В.В. Столина сосредоточен на проблеме самосознания личности как важнейшим внутренним основанием самосуществования личности. Процессы смыслообразования осуществляются в виде смысла «Я» с позиций самоотношения как автономного психического образования в структуре самосознания. Автор вводит понятие «конфликтный смысл “Я”», в

ходе переживания которого разворачивается процесс самореализации как «...внутреннее движение, внутренняя работа» [25, с. 123].

В концепции диспозиционной регуляции социального поведения личности В.А. Ядов рассматривает социальные ценностные представления, определяемые сложной структурой взаимосвязей личности и социума на макро- и микроуровнях. Диспозиционные образования личности образуют многоплановую и многоуровневую структурную организацию в многообразии диспозиций, включающих аттитюды, установки, ценности, ценностные ориентации, иерархическая дифференциация которых образует систему жизненного плана личности [26].

Психологический анализ ценностно-смысловой сферы, проведенный Д.А. Леонтьевым с методологических позиций самодетерминации личности, определяет переход личности от жизненного смысла к смыслу экзистенциальному — высшему уровню смысловой регуляции (саморегуляции), как «осознанию возможностей и ответственности за принятие или отвержение, за личностный выбор» [27, с. 138].

Д.А. Леонтьев обосновывает принцип «бытийного опосредования» ценностно-смысловой сферы личности, объясняющего системный и многомерный характер всех явлений смысловой реальности как совокупности смысловых отношений, в которых смысл предстает как предмет многоуровневого анализа в ракурсе «жизненного мира» (С.Л. Рубинштейн) в интеграции онтологических, феноменологических и деятельностных координат существования личности. Смысловые процессы на уровне самодетерминации характеризуются незавершенностью, неоднозначностью, смысл переходит в пространство возможного, обусловленного многомерными связями источников и движущих сил развития личности между разными свойствами, уровнями, планами, основаниями, для реализации которых личность преодолевает заданную детерминированность, расширяя тем самым границы потенциального жизненного мира собственного «Я» личности.

В русле психологических представлений о самодетерминации исследования ценностно-смысловой проблематики задают перспективу, связанную с приоритетным значением ценности развития и саморазвития личности, преодолевающей, по мысли К.М. Шелдона, «экзистенциальный вызов» [28, с. 11], определяя исследовательский ракурс от субъективной и индивидуальной трактовки природы ценностей и смыслов, утверждаемой эк-

зистенционально-гуманистической традицией и социально обусловленной интерпретации внутриличностных феноменов культурно-исторической психологии до динамически обусловленной ценностно-смысловой интегрированной целостности в интернализации психологических и социокультурных сущностных оснований бытия личности (Н.С. Шадрин, В.Е. Ключко, Э.В. Галажинский, А.В. Серый, Н.Н. Васягина, Т.Г. Лешкевич и др.).

Так, Н.С. Шадрин рассматривает самодетерминацию личности как детерминацию сознания и поведения на ценностном уровне, определяющем вовлеченность личности в смысловое пространство, интегрирующее многоаспектный образ мира, включающий разноплановые мотивационные значения, такие как групповые стандарты поведения, конвенциональные нормы, общечеловеческие ценности, ценностные значения духовной культуры, обеспечивающие возможность вхождения личности как в культурно-организованное пространство, так и в пространство личностных смыслов [29].

В концепции самоорганизующихся психологических систем В.Е. Ключко человек предстает как психологическая система, в которой «выступает не в противопоставлении объективному миру, а в единстве с ним, в своей продленности в ту часть этого мира, которая им “освоена”, то есть имеет для него значение, смысл, ценность» [30, с. 56]. Смыслы как специфичные сверхчувственные системные свойства предметов и явлений действительности, образующие границы пространства многомерной системы «человек», представляют собой шестое измерение образа мира, обуславливающее поле сознания и самосознания, и, таким образом, делая мир реальным для личности.

В русле идей системной детерминации Э.В. Галажинский рассматривает ценностно-смысловую сферу как основу самопроизвольной творческой самореализации в единстве ситуативной обусловленности совершаемого выбора и трансцендентной природы человека, в которой личность предстает как «открытая психологическая система». Динамика смыслов и ценностей как разрешение противоречий между образом мира и образом жизни, побуждая самоосуществление и обеспечивая тем самым самодвижение как «интенциональное отношение» личности «как в плане выбора жизненных сфер, наиболее адекватных для этого, так и в плане воплощения представлений человека о своих возможностях» [31, с. 125]. Ученый выделяет характеристики, обеспечивающие самореализацию личности, такие как компетент-

ность во времени, гибкость поведения, спонтанность, креативность, эмоциональная устойчивость, сензитивность к себе, ответственность.

Включая в состав структурно-содержательных компонентов личностных смыслов конструкт «актуальные смысловые состояния», А.В. Серый рассматривает временную перспективу развития ценностно-смысловой сферы личности. Интеграция прошлого (актуализация в сознании опыта), настоящего (смысл текущей действительности) и будущего (направленность цели), по мысли автора, осуществляется в результате переживания состояния смыслового отношения к реальности как трансформации личностных смыслов в высший уровень смысложизненного осознанного отношения к жизни и деятельности в целом [32].

Т.Г. Лешкевич и Д.А. Зубова, подчеркивая многомадность отношений личности к миру как многообразии путей развития ценностей и смыслов, в которых личность «...выступает как своеобразный фрактал, т.е. часть бытия, осознающая и репрезентирующая бытие в целом» [33, с. 6], определяют атрибутивные характеристики личности, такие как активность, субъектность, самоосуществление и самодвижение, способность к развитию, интеграции и коммуникации, саморегуляция, самооценка и самоуважение, направленность к созданию сложных систем, детерминированность через сознание.

Н.Н. Васягина акцентирует социокультурный аспект самодетерминации личности, который определяет ее имплицитно заданную включенность в познаваемый мир, обуславливающую факторы внешних, внутренних и межсистемных противоречий, активности, субъектности как источников личностного самоопределения в пространстве взаимовлияния ценностно-смысловых установок социума и ценностно-смысловых образований личности. Подчеркивается единство двух уровней развития личности: личность как субъект деятельности и личность как самоидентичность, что позволяет дифференцировать детерминанты личностного становления, такие как ценностно-смысловая сфера, стержневые качества и самосознание личности [34].

Прикладные исследования, раскрывающие психологические аспекты становления и развития ценностно-смысловой сферы личности, конкретизируют контекст самодетерминации изучением особенностей характеристик ценностно-смысловой регуляции личности как механизма регуляции ее самоосуществления, обуславливающего экзистенциональное осознание, как собственных

ресурсных возможностей, так и ресурсов внешних условий жизнедеятельности.

Так, с позиций позитивной психологии К.Ю. Эвнина обосновывает представленность в структуре ценностно-смысловой сферы личности психических образований, связанных с переживанием состояния субъективного психологического благополучия, удовлетворенности жизнью (или с переживанием стремления к этим состояниям), раскрывая природу ценностно-смысловой сферы личности через характеристики автономии, оптимизма, самоощущенности, жизнестойкости [35]. Утверждая понимание категории поступка как высшего уровня развития ценностно-смысловой сферы личности, многоуровневой и многомерной психологической реальности, Т.Н. Мельников и Л.Т. Потанина выделяют смыслообразующую роль процессов самодетерминации личности, определяющих направленность, действенность, характер, интегрированность, структурную сложность и иерархизированность системы ценностей и смыслов [36]. Смысловая сфера личности, с точки зрения Т.В. Лысенко, образует «субъективный жизненный мир человека с собственными значимыми ценностями» [37, с. 268], содержание которого раскрывается в характеристиках самодетерминации, целеполагания временной перспективы, смысложизненных ориентаций, предприимчивости и лидерства, связывающих основополагающие, по мнению автора, характеристики личности: самооценку, когнитивную картину мира и паттерны поведения. Ценностно-смысловые процессы самодетерминации в исследованиях Э.Ю. Майковой обнаруживают связь с рефлексивным сознанием, автономией, саморегуляцией, самоактуализацией, когнитивной и профессиональной гибкостью, ответственностью, коммуникативной доверительностью и социокультурной толерантностью [38]. Переоценка и уточнение ценностей, с точки зрения Т.М. Буякас, представляет собой смысловую трансформацию как особое переживание личностью собственной целостности, интегрированности, открытию во внутреннем опыте нового и неизведанного, «другого-в-себе» как самообнаружения смысла, актуального настоящему бытию, «исходя из живого настоящего, из повседневной “фактической жизни”» личности [39, с. 108].

Таким образом, психологический анализ ценностно-смысловой сферы личности выявляет ее многостороннюю сущность как сложноорганизованной, иерархической структуры, вбирающей в себя специфические содержательные характеристики осознания личностью внутреннего и окру-

жающего мира, сути собственного «Я», своего прошлого, настоящего и будущего.

Интегрирующая роль ценностно-смысловых образований личности предстает в единстве характеристик субъективности, целостности, осознанности, избирательности, структурированности, иерархичности, динамичности, которые задают индивидуальный контекст развития ценностно-смысловой сферы личности посредством разноуровневых и разнородных по содержанию и структуре механизмов самовосприятия, самооценки, самоотношения, рефлексии, интериоризации, экстериоризации, адаптации, конформизма, самоопределения, саморазвития, социализации, индивидуализации.

При этом ценности и смыслы являются как личностными образованиями, определяющими внутренние ориентиры личности, так и культурными ориентирами социально конструктивного образа жизни, в котором ценностно-смысловая сфера раскрывается в пространстве «желаемое – возможное – должное», в котором, по В. Франклу, «...свобода возвышается, надстроена над любой необходимостью» [14, с. 76].

Становление и развитие ценностно-смысловой сферы личности обусловлено взаимосвязью объективно-содержательных и субъективно-личностных процессов, в результате которых происходит трансформация как личностно-смысловых образований, так и социальных ценностей и смыслов. Механизмы развития ценностно-смысловой сферы личности отражают внутреннее движение к образу жизнедеятельности, перспективам и целям жизни, моделям поведения и деятельности, обеспечивающим как стратегическую, так и ситуативную саморегуляцию смыслового отношения личности к собственной жизни в целом.

Поэтому мы считаем обоснованным рассматривать также ценностно-смысловую сферу как особый внутриличностный процесс, сущность которого заключается в личностно-смысловом определении человеком самого себя в различных контекстах поведения, деятельности, взаимодействия и в интеграции этих представлений в единое ценностно-смысловое пространство жизнедеятельности.

В этом ракурсе ценностно-смысловая сфера предстает как интегративная личностно-психологическая характеристика ориентации человека, которая воплощает его экзистенциальную сущность в устремлении к наиболее полному выявлению и реализации своей личности во всем богатстве и разнообразии жизненных отношений, в которых ценности и смыслы становятся более инте-

грированными, структурированными и содержательными, а личность обретает ценностно-смысловую действенность в своем жизненном функционировании.

Список литературы

1. *Triandis H.C.* Individualism-collectivism and personality // *Journal of Personality*. 2001. Vol. 69, iss. 6. P. 907–924. DOI: 10.1111/1467-6494.696169.
2. *Moscovici S.* Social Representations: Explorations in Social Psychology. Cambridge: Polity Press, 2000. 328 p.
3. *Яницкий М.С., Серый А.В.* Основные методологические подходы к изучению ценностно-смысловой сферы личности // *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2012. № 19. С. 82–97.
4. *Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого «Я». М.: Эксмо-пресс, 2015. 192 с.
5. *Адлер А.* Практика и теория индивидуальной психологии. М.: Академ. проект, 2015. 240 с.
6. *Юнг К.Г.* Символы трансформации. М.: АСТ, 2008. 731 с.
7. *Келли Дж.* Психология личности (Теория личностных конструктов). СПб.: Речь, 2000. 249 с.
8. *Bandura A.* Self-efficacy // *Encyclopedia of human behavior* / ed. by V.S. Ramachaudran. N.Y.: Academic Press, 1994. Vol. 4. P. 71–81.
9. *Фрайджер Р., Фэйдимен Дж.* Джулиан Роттер и теория социального когнитивного научения // *Теория личности и личностный рост*. СПб.: Питер, 2002. С. 570–583.
10. *Маслоу А.* По направлению к психологии бытия. М.: Эксмо-пресс, 2002. 272 с.
11. *Роджерс К.Р.* Гуманистическая психология: Теория и практика. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: МОДЭК, 2013. 456 с.
12. *Олпорт Г.В.* Становление личности. Избранные труды. М.: Смысл, 2002. 930 с.
13. *Maddi S.* Creating Meaning Through Making Decisions // *The Human Search for Meaning* / ed. by P.T.P. Wong, P.S. Fry. Mahwah: Lawrence Erlbaum Publ., 1998. P. 1–25.
14. *Франкл В.* Человек в поисках смысла М.: Прогресс, 1990. 196 с.
15. *Лэнгле А.* Person. Экзистенциально-аналитическая теория личности. М.: Генезис, 2008. 159 с.
16. *Rokeach M.* The nature of human values. N.Y.: Free Press, 1973. 438 p.
17. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007. 511 с.
18. *Машекуашева М.Х., Абакумова И.В., Лукьяненко М.А.* Технологические особенности становления интегральной смысловой ориентации личности в учебном процессе // *Северо-Кавказский психологический вестник*. 2004. № 1. С. 158–172.
19. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2015. 328 с.
20. *Выготский Л.С.* Лекции по психологии. М.: Союз, 2006. 555 с.
21. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; Академия, 2005. 352 с.
22. *Асмолов А.Г.* Психология личности. Культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл; Академия, 2007. 526 с.
23. *Братусь Б.С.* Аномалии развития личности. М.: Мысль, 1988. 301 с.
24. *Васильюк Ф.Е.* Психология переживания. М.: Изд-во МГУ, 1984. 200 с.
25. *Столин В.В.* Самосознание личности. М.: Изд-во МГУ, 1983. 288 с.
26. *Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция*. 2-е изд., доп. / под общ. ред. В.А. Ядова. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.
27. *Леонтьев Д.А.* Новые горизонты проблемы смысла в психологии // *Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла): матер. междунар. конференции*. М.: Смысл, 2005. С. 36–49.
28. *Шелдон К.М.* Введение в теорию самодетерминации и новые подходы к мотивации роста // *Сибирский психологический журнал*. 2016. № 62. С. 7–17. DOI: 10.17223/17267080/62/2.
29. *Шадрин Н.С.* Проблема детерминации (самодетерминации) поведения в культурно-исторической и экзистенциальной психологии // *Культурно-историческая психология*. 2012. № 2. С. 113–122.
30. *Клочко В.Е.* Закономерности движения психологического познания: проблемы ценностей и смысла в призме трансспективного анализа // *Ценностные основания психологической науки и психология ценностей* / под ред. В.В. Знакова, Г.В. Залевского. М.: Ин-т психологии РАН, 2008. С. 41–61.
31. *Галажинский Э.В.* Проблема уровней самореализации человека: ценностно-смысловой контекст // *Ценностные основания психологической науки и психология ценностей* / под ред. В.В. Знакова, Г.В. Залевского. М.: Ин-т психологии РАН, 2008. С. 123–147.
32. *Серый А.В.* Ценностно-смысловая парадигма как основа построения обобщенной теории психологического консультирования // *Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки*. 2011. № 2(18). С. 132–142.

33. Лешкевич Т.Г., Зубова Д.А. Переоткрытие субъектности: точки роста новых ценностей // Научная мысль Кавказа. 2010. № 2(62). С. 5–11.
34. Васягина Н.Н. Человек как субъект социокультурного пространства // Педагогическое образование в России. 2013. № 4. С. 7–15.
35. Эвнина К.Ю. Позитивные феномены в ценностно-смысловой сфере личности // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 2. С. 5–24.
36. Мельников Т.Н., Потанина Л.Т. Поступок как высший уровень развития ценностно-смысловой сферы личности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2017. № 1. С. 21–28. DOI: 10.18384/2310-7219-2017-1-21-28.
37. Лысенко С.В. Современные представления о позитивных ресурсах личности, обеспечивающих преодоление трудных жизненных ситуаций // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 12(128). С. 265–271.
38. Майкова Э.Ю. Автономия: личностные ресурсы и психолого-педагогические стратегии ее поддержки // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2011. № 2. С. 137–145.
39. Буюкас Т.М. Феноменология смысла: смысл как зов души // Консультативная психология и психотерапия. 2009. № 2. С. 94–109.
6. Jung C.G. *Simvolny transformatsii* [Symbols of Transformation]. Moscow, AST Publ., 2008, 731 p. (In Russian).
7. Kelly G. *Psikhologiya lichnosti (Teoriya lichnostnykh konstruktov)* [The Psychology of Personality (The theory of personal constructs)]. Saint Petersburg, Rech' Publ., 2000, 249 p. (In Russian).
8. Bandura A. Self-efficacy. *Entsyklopedia of Human Behavior*. New York, Academic Press, 1994, vol. 4, pp. 71–81. (In English).
9. Freyger R., Feydimen Jzh. *Dzhulian Rotter i teoriya sotsial'nogo kognitivnogo naucheniya* [Julian Rotter and the theory of social cognitive learning]. *Teoriya lichnosti i lichnostniy rost* [Theory of personality and personal growth]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2002, pp. 570–583. (In Russian).
10. Maslow A.H. *Po napravleniyu k psikhologii bytiya* [Toward a Psychology of the Being]. Moscow, Eksmo-Press Publ., 2002, 272 p. (In Russian).
11. Rogers C.R. *Gumanisticheskaya psikhologiya: Teoriya i praktika* [Client-Centered Therapy: Its Current Practice, Implications and Theory]. Moscow, MPSI Publ.; Voronezh, MODEK Publ., 2013, 456 p. (In Russian).
12. Allport G.W. *Stanovlenie lichnosti* [Becoming]. *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. Moscow, Smysl Publ., 2002, 930 p. (In Russian).
13. Maddi S. Creating Meaning Through Making Decisions. *The Human Search for Meaning*. Mahwah, Lawrence Erlbaum Publ., 1998, pp. 1–25. (In English).
14. Frankl V. *Chelovek v poiskah smysla* [Man's Search for Meaning]. Moscow, Progress Publ., 1900, 196 p. (In Russian).
15. Ljengle A. *Person. Ekzistentsional'nno-analiticheskaya teoriya lichnosti* [Person. Existential-analytical Theory of Personality]. Moscow, Genezis Publ., 2008, 159 p. (In Russian).
16. Rokeach M. *The nature of human values*. New York, Free Press, 1973, 438 p. (In English).
17. Leontiev D.A. *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy real'nosti* [Psychology of Meaning: Nature and Dynamics of the Meaning Reality]. Moscow, Smysl Publ., 2007, 484 p. (In Russian).
18. Mashekuasheva M.Kh., Abakumova I.V., Lukyanenko M.A. *Tekhnologicheskie osobennosti stanovleniya integral'noy smyslovoy orientatsii lichnosti v uchebnom protsesse* [Technological Features of Formation of Integrated Meaning Orientation of the Personality in Educational Process]. *Severo-kavkazskiy psikhologicheskii vestnik* [North-Caucasian Psychological Bulletin]. 2004, no. 1, pp. 158–172. (In Russian).
19. Rubinstein S.L. *Bytie i samoznanie* [Being and consciousness]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2015, 328 p. (In Russian).

Получено 24.04.2017

References

1. Triandis H.C. Individualism-collectivism and personality. *Journal of Personality*. 2001, vol. 69, iss. 6, pp. 907–924. DOI: 10.1111/1467-6494.696169. (In English).
2. Moscovici S. *Social Representations: Explorations in Social Psychology*. Cambridge, Polity Press Publ., 2000, 328 p. (In English).
3. Yanitskiy M.S., Seriy A.V. *Osnovnye metodologicheskie podhody k izucheniyu tsennostno-smyslovoy sfery lichnosti* [The Main Methodological Approaches to Study of the Value-Meaning Sphere of Personality]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]. 2012, no. 19, pp. 82–97. (In Russian).
4. Freud S. *Psikhologiya mass i analiz chelovecheskogo «Ya»* [Group Psychology and the Analysis of the Ego]. Moscow, Eksmo Publ., 2015, 191 p. (In Russian).
5. Adler A. *Praktika i teoriya individual'noy psikhologii* [The Practice and Theory of Individual Psychology]. Moscow, Academ. Proect Publ., 2015, 240 p. (In Russian).

20. Vygotskiy L.S. *Leksii po psikhologii* [Lectures on Psychology]. Moscow, Soyuz Publ., 2006, 555 p. (In Russian).
21. Leont'ev A.N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'*. [Activity. Consciousness and Personality]. Moscow, Smysl Publ., Academia Publ., 2005, 352 p. (In Russian).
22. Asmolov A.G. *Psikhologiya lichnosti. Kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka* [Psychology of Personality. Cultural and Historical Understanding of Human Development]. Moscow, Smysl Publ., Akademia Publ., 2007, 526 p. (In Russian).
23. Bratus B.S. *Anomalii razvitiya lichnosti* [Anomalies of Personality Development]. Moscow, Mysl' Publ., 1988, 301 p. (In Russian).
24. Vasilyuk F.E. *Psikhologiya perezhivaniya* [Psychology of Life Experiences]. Moscow, MGU Publ., 1984, 200 p. (In Russian).
25. Stolin V.V. *Samosoznanie lichnosti* [Personal Self-consciousness]. Moscow, MGU Publ., 1983, 288 p. (In Russian).
26. *Samoregulyatsiya i prognozirovaniye social'nogo povedeniya. Dispozitsionnaya kontseptsiya lichnosti. Pod obshch. red. V.A. Yadova* [Self-regulation and Prediction of Social Behavior of Individual: the Dispositional Concept. Ed. by V.A. Yadov]. Moscow, CSFM Publ., 2013, 376 p. (In Russian).
27. Leontiev D.A. *Novye gorizonty problemy smysla v psikhologii* [New Horizons of Problem of Meaning in Psychology]. *Problemy smysla v naukah o cheloveke (k 100-letiyu Viktora Frankla): mater. mezhdunar. konferentsii* [The Problem of Meaning in the Sciences of Human (to the Centenary of Victor Frankl): materials of the International Conference]. Moscow, Smysl Publ., 2005, pp. 36–49. (In Russian).
28. Sheldon K.M. *Vvedenie v teoriyu samodeterminatsii i novye podhody k motivatsii rosta* [Introduction to the Self-determination Theory and New Approaches to Growth Motivation]. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Psychology]. 2016, no. 62, pp. 7–17. DOI: 10.17223/17267080/62/2. (In Russian).
29. Shadrin N.S. *Problema determinatsii (samodeterminatsii) povedeniya v kul'turno-istoricheskoy i ekzistentsional'noy psikhologii* [The Problem of Determination (Self Determination) of Behavior in Cultural Historical and Existential Psychology]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology]. 2015, no. 2, pp. 113–122. (In Russian).
30. Klochko V.E. *Zakonomernosti dvizheniya psikhologicheskogo poznaniya: problemy tsennostey i smysla v prizme transspektivnogo analiza* [Regularities of the movement of psychological cognition: problems of values and meaning in the prism of transselective analysis]. *Tsennostnye osnovaniya psikhologicheskoy nauki i psikhologiya tsennostey* [Value foundations of psychological science and the psychology of values]. Moscow, Institute of Psychology of the RAS Publ., 2008, pp. 41–61. (In Russian).
31. Galazhinsky E.V. *Problema urovney samorealizatsii cheloveka: tsennostno-smyslovoy kontekst* [The Problem of Levels of Human Self-realization: the Value-Meaning Context]. *Tsennostnye osnovaniya psikhologicheskoy nauki i psikhologiya tsennostey* [Value foundations of psychological science and the psychology of values]. Moscow, Institute of Psychology of the RAS Publ., 2008, pp. 123–147. (In Russian).
32. Seriy A.V. *Tsennostno-smyslovaya paradigma kak osnova postroeniya obobshchennoy teorii psikhologicheskogo konsul'tirovaniya* [Value-meaning Paradigm as the Ground for the Foundation of the Generalized Theory of Psychological Consultancy]. *Vestnik KRAUNZ. Gumanitarnye nauki* [Journal Collection of Scientific Works of KRASEC Section «The Humanities»]. 2011, no. 2(18), pp. 132–142. (In Russian).
33. Leshkevich T.G., Zubova D.A. *Pereotkrytie sub'ektivnosti: tochki rosta novykh tsennostey* [Subjectivity Recovering: New Values Growing Point]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza* [Scientific Thought of the Caucasus]. 2010, no. 2(62), pp. 5–11. (In Russian).
34. Vasyagina N.N. *Chelovek kak sub'ekt sotsiokul'turnogo prostranstva* [Person as the Subject of Social and Cultural Space]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical Education in Russia]. 2013, no. 4, pp. 7–15. (In Russian).
35. Evnina K.Y. *Pozitivnye fenomeny v tsennostno-smyslovoy sfere lichnosti* [Positive Phenomena in the Value-sense Personality Sphere]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education]. 2013, no. 2, pp. 5–24. (In Russian).
36. Mel'nikov T.N., Potanina L.T. *Postupok kak vysshiy uroven' razvitiya tsennostno-smyslovoy sfery lichnosti* [Act as the Highest Level of Development of Value-Semantic Sphere of Personality]. *Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Pedagogika* [Bulletin of Moscow State Region University. Series: Pedagogics]. 2017, no. 1, pp. 21–28. DOI: 10.18384/2310-7219-2017-1-21-28. (In Russian).
37. Lysenko S.V. *Sovremennye predstavleniya o pozitivnykh resursakh lichnosti, obespechivayushchih preodolenie trudnykh zhiznennykh situatsiy* [Modern Ideas of Personal Positive Resources Providing Difficult Life Situations Overcoming]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series Humanities].

2013, no. 12(128), pp. 265–271.

(In Russian).

38. Майкова А.А. *Автонoмия: личностные ресурсы и психолого-педагогические стратегии его поддержки* [Autonomy: Personal Resources and Psychological and Pedagogical Strategies for its Support]. *Новое в психолого-педагогических исследованиях* [New in psychological and pedagogical studies]. 2011, no. 2, pp. 137–145. (In Russian).

39. Buyakas T.M. *Fenomenologiya smysla: smysl kak zov dushi* [Phenomenology Meaning: Meaning as Soul Call]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy]. 2009, no. 2, pp. 94–109. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 24.04.2017

Об авторе

Почтарева Елена Юрьевна

аспирант кафедры психологии образования

Уральский государственный педагогический университет,

620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26;

e-mail: sshsa@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9259-6336

About the author

Pochtaryova Elena Yur'evna

Ph.D. Student of the Department of Educational Psychology

Urals State Pedagogical University,

26, Kosmonavtov av., Ekaterinburg, 620017, Russia;

e-mail: sshsa@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9259-6336

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Почтарева Е.Ю. Ценностно-смысловая сфера личности: сущность, детерминанты, механизмы развития // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 563–575.

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-563-575

Please cite this article in English as:

Pochtaryova E.Yu. Value-meaning sphere of personality: essence, determinants, mechanisms of development // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 4. P. 563–575.

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-563-575

УДК 159.923.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-576-583

ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ПРИРОДЕ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Штода Ольга Евгеньевна

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
МБДОУ Детский сад № 16 (Пятигорск)*

Необходимость решения проблемы глобального экологического кризиса обусловила внимание современных исследователей к вопросу психологического анализа взаимодействия человека и природы, формирование основ которого должно быть начато уже на этапе дошкольного детства. Несмотря на теоретическую и методическую разработанность проблемы экологического образования детей, практически не изученным на данный момент остается вопрос об отношении к природе в комплексном процессе формирования экологического сознания ребенка. Целью данного научного исследования является теоретический анализ и эмпирическое изучение личностного отношения к природе в структуре экологического сознания. Выдвинуто предположение о необходимости опоры на эмпатийные переживания ребенка, предложены психологические механизмы идентификации и субъективизации в отношении природных объектов для эффективности психолого-педагогической работы по формированию у старших дошкольников личностного отношения к природе. Представлена диагностическая программа по изучению особенностей развития компонентов отношения к миру природы у детей 5–7 лет, приведены и проанализированы эмпирические результаты ее апробации. Установлено, что большинство старших дошкольников воспринимают природные объекты в качестве равноценных себе субъектов совместной деятельности или общения, но при этом у них практически отсутствуют эмпатийные переживания, не возникает психологическая идентификация по отношению к ним. Полученные результаты являются основой для построения программы психолого-педагогической работы по формированию личностного отношения старших дошкольников к природе, основанной на развитии способности ребенка к проявлению эмпатии к природным объектам, субъектного их восприятия.

Ключевые слова: экологическое сознание, эгоцентрическое сознание, личностное отношение, экологическая установка, субъективизация, эмпатия, значимый взрослый.

PECULIARITIES OF PERSONAL ATTITUDE OF SENIOR PRE-SCHOOL CHILDREN TO NATURE

Olga E. Shtoda

*Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Municipal Public Pre-School Educational Institute Kindergarten № 16 (Pyatigorsk)*

Psychological analysis of the interaction between man and nature is an important issue for modern researches due to the problem of the global ecological crisis. Formation of the basis of this interaction should start in pre-school childhood. Despite the theoretical and the methodological work on the child's ecological education, there is a special need in researching the role of personal relation to nature in a complex process of the development of child's ecological consciousness. The aim of this scientific research is a theoretical analysis and an empirical study of personal relation to nature in the structure of ecological consciousness. The article suggests a notion that we should rely on a child's empathy and psychological mechanisms of identification and subjectification of nature objects, to form pre-school children's relation to nature. The article describes the diagnostic program for examining the features of the components of a child's relation to nature at the age of 5–7. The authors of the article describe and show the empirical results of the research. It was found out that most children perceive nature objects as equal to people subjects of common activities and communication, but they

almost do not have empathy or psychological identification toward them. The results of the research are the basis for constructing the psycho-pedagogical program that will help to develop children's ability to have an empathy toward nature objects, to perceive them as subjects.

Keywords: ecologic consciousness, ecocentric consciousness, personal relation, ecologic disposition, «subjectification», empathy, important adult.

Введение

Проблема глобального экологического кризиса стоит достаточно остро. Господствующее влияние экономической парадигмы развития человечества обусловило технократический характер цивилизации и формирование человеческого сознания в контексте преобразований вещных свойств и отношений окружающего мира для выживания и экономического благополучия человека. Вплоть до XX в. природа оставалась бесправным объектом эксплуатации и потребления ее ресурсов [1].

Социальный заказ на поиск выхода из экологического кризиса обусловил усиление тенденции «экологизации» целого ряда наук. Различные аспекты взаимосвязей в системе «человек – природа» изучаются такими научными дисциплинами, как экология человека, созология, социально-экономическая география, экологическая социология, социальная экология и др. Все большее значение приобретает необходимость психологического анализа взаимосвязей человека и природы, что вызвало обособление самостоятельной междисциплинарной отрасли науки на стыке психологии и социальной экологии — экологической психологии, предметом изучения которой является система «индивид – среда», или более широко — «человек – природа» [2].

Экологическая психология, по мнению С.Д. Дерябо и В.А. Ясвина, на данный момент включает в себя несколько различных направлений исследований, в том числе:

– психологическая экология, предметом изучения которой является влияние экологических факторов на психику человека;

– психология окружающей среды, изучающая отношения человека со средой своего окружения, взаимосвязи между переменными среды и различными психологическими характеристиками человека, его поведением;

– экологический подход в психологии, основанный на концепции Дж. Гибсона об «экологическом мире», включающем только те свойства объектов среды, которые могут восприниматься человеком, оказывать влияние на его жизнедеятельность, создавая «экологическую» среду его обитания [3];

– психология экологического сознания. Данное направление, в отличие от остальных, разрабатывалось в отечественной науке. Поскольку сознание представляет собой единство знания и отношения, то экологическое сознание понимается исследователями как совокупность экологических представлений, отношения к природе, а также соответствующих стратегий взаимодействия с ней [2].

Типы экологического сознания.

Личностное отношение к природе в структуре экологического сознания

Психология экологического сознания с начала 90-х гг. XX в. исходит из того, что экологический кризис невозможно преодолеть без изменения господствующего типа массового экологического сознания, являющегося его «психологической базой». «Парадоксально, но в современном общественном сознании экологический кризис мыслится как нечто внешнее по отношению к человеку. <...> Между тем действительность любых мер, принимаемых по защите природы, в конечном итоге определяется поведением людей, их отношением к природе» [1, с. 80]. Соответственно, актуальными в современной науке становятся вопросы содержания понятия экологического сознания, его структуры и типологии, особенностей и механизмов формирования, а также возможностей и методов изучения.

Взаимоотношения человека и природы в отечественной психологии традиционно рассматривались в логике противопоставления их друг другу как субъекта (человек) и объекта (природа). В рамках такого понимания человек может либо воздействовать на природу (объект), либо принимать воздействие от нее [4]. Именно такой механизм лежит в основе антропоцентрического представления о том, что человек — это высшее звено в развитии природы, которая является только «обезличенной» средой его обитания, предметом манипуляций. Целью взаимодействия с природой является удовлетворение тех или иных прагматических потребностей человека. Этические нормы и правила в этом случае действуют только в мире людей и не распространяются на мир природы. Совокупность таких представлений, отношений и стратегий, господствующих в современном обществе, характеризует антропоцентрический тип экологического со-

знания. В такой субъект-объектной логике человек в роли субъекта противопоставлен природе как экологическому объекту [5, 6].

Качественно иной подход к рассмотрению взаимодействия человека и природы предлагают современные отечественные экопсихологи, в частности, В.А. Ясвин, В.И. Панов, С.Д. Дерябо, А.В. Гагарин, В.И. Медведев и др. Авторы говорят об эгоцентрическом типе экологического сознания, при котором гармоничное развитие человека и природы представляет собой высшую ценность, природа мыслится как самоценная, а человек — как член природного сообщества. Целью взаимодействия с природой является максимальное удовлетворение как потребностей человека, так и потребностей природного сообщества; в этом взаимодействии разрешено то, что не нарушает существующего в природе экологического равновесия. Этические нормы и правила при этом в равной степени распространяются как на взаимодействие между людьми, так и на взаимодействие с миром природы, а развитие человека и природы понимается как процесс коэволюции, взаимовыгодного единства. Согласно эгоцентрическим представлениям природа является полноправным субъектом взаимодействия с человеком [6–8].

Перестройку глобального экологического сознания следует рассматривать как проблему психолого-педагогическую, поскольку ее решение целесообразно начинать на этапе формирования компонентов экологического сознания, которое происходит в образовательных институтах начиная с дошкольных образовательных организаций [9]. В настоящее время экологическое образование дошкольников прочно вошло в систему работы педагогов детских учреждений как неотъемлемая часть образовательного процесса и как главное звено системы непрерывного экологического образования населения. Традиционные информационно-просветительские методы обучения и воспитания направлены на формирование когнитивных представлений о природе. Между тем психологические исследования доказывают необходимость формирования у ребенка прежде всего личностно-значимого образа окружающего мира, что определяет основную роль личностного отношения к природе в структуре экологического сознания [1, 2, 10–13].

В связи с актуальностью проблемы формирования у дошкольников личностного отношения к природе в образовательной организации встает вопрос о возрастных особенностях этого отношения и методах их изучения у детей. Различные аспекты

данного вопроса разрабатывались рядом отечественных психологов — С.Д. Дерябо, М.О. Мдивани, Л.М. Макаровой, В.И. Пановым, И.В. Цветковой, В.А. Ясвиным, и другими [2, 4, 9, 14–16]. Однако их исследования посвящены прежде всего школьному и более старшему возрасту, в то время как особенности развития личностного отношения к природным объектам у дошкольников остаются недостаточно изученными. Целью нашего исследования является теоретический анализ и эмпирическое изучение личностного отношения к природе в структуре экологического сознания детей старшего дошкольного возраста. Для этого необходимо: операционализировать понятие «отношение к природе» применительно к дошкольному возрасту; разработать диагностические процедуры для изучения особенностей личностного отношения к природным объектам у детей 5–7 лет, провести соответствующее эмпирическое исследование; на основе полученных данных разработать и апробировать программу развития отношения к природе у старших дошкольников в рамках дошкольной образовательной организации. Было выдвинуто предположение, что психолого-педагогическая работа по формированию экологического сознания детей старшего дошкольного возраста будет эффективной, если опираться на развитие у них эмпатийных переживаний, формирование психологических механизмов идентификации и субъективизации в отношении природных объектов.

Методы изучения особенностей личностного отношения к природе в дошкольном возрасте

В соответствии с представлениями В.А. Ясвина, отношение к природе рассматривается в единстве его компонентов — когнитивного, перцептивно-аффективного и поведенческого. По его мнению, когнитивный компонент характеризуется познавательной активностью человека, связанной с объектом отношения, т.е. стремлением искать, получать и перерабатывать информацию о природном объекте. Перцептивно-аффективный компонент включает восприимчивость к чувственно-выразительным характеристикам объекта отношения, эстетическое восприятие и этическое освоение природного объекта, а также эмоциональное отношение к его проявлениям. Поведенческий компонент отношения к природе в данном контексте рассматривается через готовность и стремление человека к практическому взаимодействию с объектом отношения [2].

Задача нашего исследования состояла в изучении особенностей личностного отношения к природе у детей 5–7 лет в единстве его компонентов. В рамках изучения когнитивного компонента личностного отношения ребенка к миру природы была использована методика И.В. Цветковой «Экологический светофор», которая позволила выявить особенности представлений детей о допустимых и недопустимых действиях в отношении природы [16].

Изучение перцептивно-аффективного компонента личностного отношения к природе осуществлялось с помощью следующих диагностических процедур:

– «ЭЗОП» (В.А. Ясвин, С.Д. Дерябо). Методика представляет собой вербальный ассоциативный тест и направлена на выявление доминирующего типа установки ребенка в отношении природы;

– «Мировосприятие дошкольников» (Л.М. Макарова). В исследовании применялся субтест 2, позволяющий изучить особенности проявления детьми психологических механизмов эмпатии и идентификации по отношению к природным объектам;

– «Субъектификация природных объектов» (СПО) (авторская модификация методики С.Д. Дерябо). Методика направлена на изучение особенностей субъектификации природных объектов и позволяет получить представления об общем уровне развития способности к восприятию природных объектов в качестве субъектов, наиболее выраженных аспектах субъектификации (по классификации С.Д. Дерябо), а также группах природных объектов, которых дети субъектифицируют чаще всего. Методика, разработанная для школьников, была модифицирована нами для работы с детьми старшего дошкольного возраста — процедура проведения переведена в игровую форму, добавлен наглядный стимульный материал, текст утверждений адаптирован для понимания детьми начиная с 6 лет [2, 9, 14].

Для исследования поведенческого компонента личностного отношения к природе применялся субтест 2-й методики «Мировосприятие дошкольников» (Л.М. Макарова), направленный на изучение выраженности эгоцентрической направленности ребенка в отношении природных объектов.

Диагностика особенностей личностного отношения к природе проводилась в группах дошкольного возраста МОУ СШ № 87 г. Волгограда, а также МКДОУ детского сада № 16 г. Пятигорска. В эмпирическом исследовании участвовали 156 детей двух возрастных групп — 5–6 лет и 6–7 лет.

Обработка и анализ полученных данных проводились с применением следующих статистических процедур: методов описательной статистики, коэффициента корреляции Спирмена.

Результаты диагностики особенностей личностного отношения к природе у старших дошкольников

Данные, полученные в ходе изучения особенностей когнитивного компонента отношения к природе у старших дошкольников на основе методики И.В. Цветковой «Экологический светофор», свидетельствуют о том, что для подавляющего большинства детей обеих возрастных групп характерен средний уровень развития представлений о допустимых и недопустимых действиях в отношении природы (86 % в группе детей 5 лет и 83 % в группе детей 6 лет). Дети правильно характеризуют однозначные (как позитивные, так и негативные) действия персонажей — поливать цветы, подметать, мусорить, убивать жуков и др., разница в ответах чаще всего наблюдается при обсуждении следующих ситуаций: собирать цветы, ловить бабочек, унести домой диких животных. Лишь небольшое число детей (4 % и 9 %, соответственно) верно оценивают эти ситуации и имеют высокий уровень развития представлений о допустимых действиях в отношении природы. Большинство проявляет антропоцентрическую установку в отношении природы. Низкий уровень развития представлений детей о допустимых и недопустимых действиях в отношении природы также встречается достаточно редко (10 % и 8 %, соответственно).

Методика В.А. Ясвина и С.Д. Дерябо «ЭЗОП» позволила сделать выводы о том, что для большинства детей 5 лет характерно доминирование этической (28 %) и эстетической (23 %) установок в отношении природных объектов; несколько меньшая группа детей имеет когнитивную (20 %) или прагматическую (13 %) установку во взаимодействии с природой. В группе детей 6 лет большая часть (34 %) имеет эстетическую установку в отношении природных объектов; значительно реже встречается этическая установка (19 %), а также прагматическая и когнитивная установки (по 14 %) во взаимодействии с природой. В результате корреляционного анализа была выявлена значимая положительная взаимосвязь между экологической установкой детей в группе пятилеток и уровнем развития их представлений о допустимых действиях в отношении природы (0,437 на уровне значимости $p \leq 0,05$): дети, более верно

оценивающие ситуации взаимодействия персонажей с природными объектами, чаще имеют более эгоцентрированную и педагогически желательную установку в отношении природы.

Возникновение у детей психологического механизма эмпатии к природным объектам исследовалось с помощью методик «Экологический светофор» и «Мировосприятие дошкольников» (субтест 2). Результаты по данным диагностическим процедурам в обеих группах являются сходными: подавляющее большинство старших дошкольников не проявляют эмпатию в отношении объектов природы (94% и 89% соответственно по методике «Мировосприятие»; 90% и 71% по методике «Экологический светофор»). Устойчивое проявление эмпатии к природным объектам характерно лишь для нескольких детей в обеих возрастных группах (1% и 6% соответственно, на основании суммирования данных по обоим методикам). Таким образом, для детей 6 лет несколько чаще характерна эмпатия к животным и растениям, чем для 5-летних детей. Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о наличии отрицательной взаимосвязи между проявлением детьми эмпатии и показателем их экологической установки в группе 6 лет (-0,298 между показателем возникновения эмпатии по методике «Мировосприятие» и показателем эгоцентрической установки по той же методике; -0,331 между показателем возникновения эмпатии по методике «Светофор» и общим показателем экологической установки по двум методикам). На наш взгляд, такие результаты могут свидетельствовать о том, что возникновение эмпатии у детей порождается другими факторами, нежели эгоцентрическая установка по отношению к природе, она развивается как самостоятельный процесс, и наличие педагогически желательной экологической установки не гарантирует проявление детьми эмпатии в отношении природных объектов.

Диагностика способности к субъектификации природных объектов осуществлялась с применением авторской модификации методики «Субъектификация природных объектов» (С.Д. Дерябо) только в группе детей в возрасте 6 лет, с учетом возрастных особенностей развития сознания 5-летних детей. Использование методов описательной статистики позволяет сделать вывод о том, что средние показатели находятся в диапазоне от 14 до 30 баллов. Средний уровень развития способности к субъектификации природных объектов характерен для 74 % детей, низкий — для 7 %, высокий — для 19 % детей в возрасте 6 лет.

Что касается объектов, в отношении которых у дошкольников происходит субъектификация, то в 55 % случаев легче всего детям субъектифицировать зверей, значительно реже — птиц (11 %), еще реже — остальные категории объектов. 12 % детей одинаково легко субъектифицируют все категории природных объектов, лишь у 2 % шестилеток легче всего происходит субъектификация неживых объектов. Доминирование субъектификации растений выявлено у 5 % дошкольников. Данные, полученные по показателю «способность к субъектификации неживых объектов», свидетельствуют о том, что большинство детей субъектифицируют элементы ландшафта и погодные явления на среднем (47 %) или высоком (36 %) уровне. Следующим анализируемым показателем является степень развития тех или иных аспектов субъектификации. Согласно полученным данным, наиболее развит в данной возрастной группе третий аспект субъектификации (49 %). У 26 % детей наблюдается одинаковое развитие всех аспектов. Наименее развит у 44 % дошкольников первый аспект субъектификации, реже (26 %) — второй аспект. Таким образом, дети старшего дошкольного возраста в большей степени готовы рассматривать природный объект в качестве субъекта его собственной деятельности, а также в качестве партнера совместной с ними деятельности совокупного субъекта «личность + природный объект». Переживание же собственной личностной динамики на основе установления параллелизма с природным объектом представляет для детей определенные трудности, что может быть связано с возрастными особенностями развития самосознания ребенка.

Проявление ребенком эгоцентрической направленности во взаимодействии с природным объектом как поведенческий компонент личностного отношения к природе изучалось с помощью методики «Мировосприятие» (субтест 2), которая дополнила результаты методики «ЭЗОП». Согласно полученным данным в обеих возрастных группах половина детей (по 49%) имеют в большей степени антропоцентрическую, а другая половина (по 51 %) — эгоцентрическую установку. Преобладающего доминирования определенной установки ни в одной возрастной группе выявлено не было. Применение корреляционного анализа позволило сделать вывод о наличии в обеих возрастных группах значимой положительной взаимосвязи выраженности эгоцентрической направленности во взаимодействии с природой и представлений детей о допустимых и недопусти-

мых действиях в отношении нее (0,362 между общим показателем эгоцентрической направленности и показателем уровня развития когнитивных представлений по методике «Светофор» в группе 5 лет; 0,298 между показателем эгоцентрической направленности по методике «Мировосприятие» и когнитивных представлений по методике «Светофор» в группе 6 лет). Таким образом, дети с более эгоцентрической направленностью во взаимодействии с природой имеют более сформированные представления о допустимых действиях по отношению к природным объектам, что доказывает взаимосвязь когнитивной и перцептивно-аффективной, когнитивной и поведенческой составляющих личностного отношения ребенка к природе.

Заключение

Проведенное эмпирическое исследование позволило сделать выводы об особенностях развития когнитивного, перцептивно-аффективного и поведенческого компонентов личностного отношения к природным объектам у детей 5–7 лет. Для большинства дошкольников характерен средний уровень развития когнитивных представлений о природе, выше среднего — уровень развития представлений о допустимых и недопустимых действиях в отношении природы. Дети 6 лет чаще имеют эстетическую, а 5 лет — этическую или эстетическую установку в отношении природных объектов, однако не проявляют к ним эмпатии и идентификации. Детей в группе 6 лет отличает средний уровень развития способности к субъектификации, в том числе по отношению к неживым объектам. Чаще всего дошкольники приписывают свойства субъектности зверям. Шестилетки в основном воспринимают субъектифицированный природный объект в качестве партнера совместной деятельности и общения, а отследить собственную личностную динамику во взаимодействии с таким объектом представляет для них наибольшие трудности. В обеих возрастных группах в равной степени развиты как антропоцентрическая, так и эгоцентрическая установки в отношении объектов природы.

Полученные результаты являются основой для построения развивающей работы по формированию личностного отношения к природе у старших дошкольников. Такая работа должна быть направлена на создание условий для формирования у детей механизмов эмпатии и идентификации в отношении природных объектов, а также субъектного восприятия мира природы. Станов-

ление в первую очередь перцептивно-аффективного компонента отношения ребенка к природе, на наш взгляд, лежит в основе других компонентов данного отношения и является необходимым условием для их развития.

Список литературы

1. *Панов В.И.* Экологическая психология: опыт построения методологии. М.: Наука, 2004. 196 с.
2. *Ясвин В.А.* Психология отношения к природе. М.: Смысл, 2000. 456 с.
3. *Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию: пер. с англ. / общ. ред. и вступ. ст. А.Д. Логвиненко. М.: Прогресс, 1988. 464 с.
4. *Экопсихология* развития человека на разных этапах онтогенеза / под общ. ред. В.И. Панова, Ш.Р. Хисамбева. М.: Психологический институт РАО; СПб.: Нестор-История, 2013. 384 с.
5. *Акопов Г.В., Чердымова Е.И.* Структурно-функциональное исследование экологического сознания // 2-я Российская конференция по экологической психологии: тезисы. М.: Экопсицентр РОСС, 2000. С. 14–15.
6. *Дерябо С.Д., Ясвин В.А.* Экологическая педагогика и психология. Ростов н/Д: Феникс, 1996. 480 с.
7. *Гагарин А.В., Иващенко А.В., Степанов С.А.* Экологическая психология и педагогика. М.: Изд-во МНЭПУ, 2008. 296 с.
8. *Медведев В.И., Алдашева А.А.* Экологическое сознание. М.: Логос, 2001. 384 с.
9. *Макарова Л.М.* Формирование экологического сознания у детей в условиях дошкольного образовательного учреждения: дис. ... канд. психол. наук. Самара: Самар. гос. пед. ун-т, 2003. 209 с.
10. *Божович Л.И.* Проблемы формирования личности // Избранные психологические труды / под ред. Д.И. Фельдштейна. М.: Междунар. пед. академия, 1995. 209 с.
11. *Корганова И.В.* Воспитание субъектно-этического отношения к природе у детей: дис. ... канд. пед. наук. М.: МГПУ, 2002. 255 с.
12. *Курносова С.А.* Воспитание эмоциональной отзывчивости к природе у младших школьников // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2008. № 75. С. 220–231.
13. *Рябова С.С.* Ценностное отношение к природе как компонент экологической культуры // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2012. № 133. С. 245–249.
14. *Дерябо С.Д.* Экологическая психология: диагностика экологического сознания. М.: Моск. психол.-социал. ин-т, 1999. 310 с.

15. Мдивани М.О. Диагностика экологического сознания у детей разного возраста // 6-я Российская конференция по экологической психологии / науч. ред. М.О. Мдивани. М.: Психологический институт РАО, 2012. С. 200–202.
16. Цветкова И.В. Диагностика экологической культуры младшего школьника // Мир психологии и психология в мире. 1995. № 2(3). С. 34–40.

Получено 14.03.2017

References

1. Panov V.I. *Ekologicheskaya psikhologiya. Opyt postroeniya metodologii* [Ecological Psychology. Experience of Construction of the Methodology]. Moscow, Nauka Publ., 2004, 196 p. (In Russian).
2. Yasvin V.A. *Psikhologiya otnocheniya k prirode* [Psychology of the Relation to Nature]. Moscow, Smysl Publ., 2000, 456 p. (In Russian).
3. Gibson Dzh. *Ekologicheskii podhod k zritel'nomu vospriyatiyu* [Ecologic Approach to Visual Perception]. Moscow, Progress Publ., 1988, 464 p. (In Russian).
4. *Ekopsihologiya razvitiya cheloveka na raznykh etapah ontogeneza. Pod obshch. red. V.I. Panova, Sh.R. Hisambeeva* [Ecopsychology of Human Development on Different Stages of Ontogeny. Ed. by V.I. Panov, Sh.R. Hisambeev]. Moscow, Psychological Institute of RAE Publ., Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2013, 384 p. (In Russian).
5. Akopov G.V., Cherdymova E.I. *Strukturno-funktsional'noe issledovanie ekologicheskogo soznaniya* [Structural and Functional Study of Ecological Consciousness]. 2-ya Rossiyskaya konferentsiya po ekologicheskoy psikhologii. Tezisy [2nd Russian Conference on Ecological Psychology. Abstracts]. Moscow, Ekopsitsentr ROSS Publ., pp. 14–15. (In Russian).
6. Deryabo S.D., Yasvin V.A. *Ekologicheskaya pedagogika i psikhologiya* [Ecologic Pedagogics and Psychology]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1996, 480 p. (In Russian).
7. Gagarin A.V., Ivashchenko A.V., Stepanov S.A. *Ekologicheskaya psikhologiya i pedagogika* [Ecologic Psychology and Pedagogics]. Moscow, IIEPU Publ., 2008, 296 p. (In Russian).
8. Medvedev V.I., Aldasheva A.A. *Ekologicheskoe soznanie* [Ecological Consciousness]. Moscow, Logos Publ., 2001, 384 p. (In Russian).
9. Makarova L.M. *Formirovanie ekologicheskogo soznaniya u detey v usloviyah doskol'nogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Training of Children's Ecologic Consciousness in Pre-school Educational Institutes: dissertation for the degree of Candidate of Psychology]. Samara, 2003, 209 p. (In Russian).
10. Bozhovich L.I. *Problemy formirovaniya lichnosti* [Problems of Formation of the Personality]. *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected Psychological Works]. Moscow, Mezhdunarod. ped. akadem. Publ., 1995, 209 p. (In Russian).
11. Korganova I.V. *Vospitanie sub'ektno-eticheskogo otnocheniya k prirode u detey: dis. ... kand. ped. nauk* [Training of Children's Subject-Ethical Respect for Nature: dissertation for the degree of Candidate of Pedagogical Sciences]. Moscow, 2002, 255 p. (In Russian).
12. Kurnosova S.A. *Vospitanie emotsionalnoy otzvychivosti k prirode u mladshih shkolnikov* [Training of Primary School Children's Emotional Sympathy towards Nature]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. 2008, vol. 75, pp. 220–231. (In Russian).
13. Ryabova S.S. *Tsennostnoe otnochenie k prirode kak component ekologicheskoy kultury* [Axiological Relation towards Nature as a Part of Ecologic Culture]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. 2012, vol. 133, pp. 245–249. (In Russian).
14. Deryabo S.D. *Ekologicheskaya psikhologiya. Diagnostika ekologicheskogo soznaniya* [Ecologic Psychology. Diagnostics of Ecologic Consciousness]. Moscow, MPSI Publ., 1999, 310 p. (In Russian).
15. Mdivani M.O. *Diagnostika ekologicheskogo soznaniya u detey raznogo vozrasta* [Diagnostics of Ecologic Consciousness of children of different ages]. 6-ya Rossiyskaya konferentsiya po ekologicheskoy psikhologii. Tezisy [6th Russian Conference on Ecological Psychology. Abstracts]. Moscow, Psychological Institute of RAE Publ., 2012, pp. 200–202. (In Russian).
16. Tsvetkova I.V. *Diagnostika ekologicheskoy kultury mladshego shkolnika* [Diagnostics of Primary School Children's Ecologic Culture]. *Mir psikhologii i psikhologiya v mire* [The world of Psychology and Psychology in the World]. 1995, vol. 2(3), pp. 34–40. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 14.03.2017

Об авторе

Штода Ольга Евгеньевна

соискатель кафедры психологии образования
и развития,

Волгоградский государственный
социально-педагогический университет,
400066, Волгоград, пр. В.И. Ленина, 27;

педагог-психолог,
МБДОУ Детский сад № 16,
357550, Ставропольский край, Пятигорск,
пос. Горячеводский, пер. Малиновского, 11;

e-mail: olga1333@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-0263-3405

About the author

Shtoda Olga Evgenyevna

Ph.D. Student of the Department of Psychology
in Education and Development,

Volgograd State Socio-Pedagogical University,
27, V.I. Lenin av., Volgograd, 400066, Russia;

Educational Psychologist,
Municipal Public Pre-School Educational Institute
Kindergarten № 16,
11, Malinovskiy ln., Goryachevodskiy vil., Pyatigorsk,
Stavropol region, 357560, Russia;

e-mail: olga1333@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-0263-3405

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Штода О.Е. Особенности личностного отношения к природе детей старшего дошкольного возраста // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 576–583.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-576-583

Please cite this article in English as:

Shtoda O.E. Peculiarities of personal attitude of senior pre-school children to nature // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 4. P. 576–583. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-576-583

УДК 070:159.923

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-584-595

НАСИЛИЕ В СМИ: ТЕОРИИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Зубакин Максим Владимирович

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье дан анализ психологических теорий, которые позволяют описывать и понимать влияние насилия в СМИ на аудиторию, рассмотрены основные направления исследований. Во введении приведены дефиниции насилия в СМИ зарубежных и отечественных авторов, дифференцировано использование исследователями понятий «влияния» и «эффекты» при описании и объяснении последствий восприятия насилия в СМИ аудиторией. Далее кратко изложены концепции «агрессии-катарсиса», переноса возбуждения и прайминга, теории использования и удовлетворения, а также управления настроением, социального научения и культивации. Исследования проблемы насилия СМИ условно поделены на две группы. Первую группу объединяет то, что исследовательское внимание сосредоточено на том, как воспринимает аудитория и отдельные люди насилие в СМИ, а также на некоторых внешних факторах, которые участвуют в этом процессе. Во вторую группу объединяются исследования, в которых рассматриваются восприятие насилия в СМИ в связи с индивидуальными и личностными особенностями зрителей. При этом в обе группы попали исследования, в которых изучается не только воздействие традиционных СМИ (телевидение, кинофильмы, музыкальные видеоклипы), но современных СМИ (Интернет, компьютерные игры, социальные сети). Первая проблема, поднимаемая в данной статье, — традиционное преобладание социально-психологического подхода к изучению насилия в СМИ над общепсихологическим. Отмечается, что в восприятии сцен насилия участвуют когнитивные, аффективные и мотивационные структуры сознания, которые необязательно связаны с агрессией и враждебностью. Вторая проблема — разрозненность исследований воздействия насилия в СМИ на когнитивную, аффективную и поведенческую сферы аудитории в связи с чертами личности.

Ключевые слова: восприятие насилия в СМИ, когнитивная, аффективная и поведенческая сферы личности, черты личности.

MEDIA VIOLENCE: THEORIES AND INVESTIGATIONS

Maxim V. Zubakin

Perm State University

This article deals with some psychological theories, concepts and lines of research explaining effects of media violence on audience and attractiveness of violence scenes in the mass media. Introduction of the article focuses on the analysis of media violence concepts of different researchers. The author of the article postulates the difference in the use of the terms «influence» and «effects». Then there is a brief review of the concepts («aggression-catharsis», «priming») and the theories («cue arousal theory», «uses and gratifications theory», «mood management theory», «social learning theory», and «cultivation theory»). The studies of media violence are divided into two groups. One group of researchers focuses on how the audience and/or individuals perceive and evaluate media violence. The other group studies the relation of the media violence perception and individual differences and personal traits of the spectators. The article presents the analysis of researches on the traditional (television, movies, musical video, radio) and contemporary media (the Internet, computer games, social networks). The first problem of the article concerns the traditional prevalence of the socio-psychological approach to the media violence research in comparison with the cognitive and personality approaches. It is noted that the cognitive, affective and motivational structures of consciousness (which are not always related to aggression and hostility) are included in the perception and evaluation of violence scenes. The second problem are discrete researches on media violence effects on thoughts, emotions and behavior of the spectators in connection with their personality traits.

Keywords: perception and evaluation of media violence, cognition, emotions, personality traits.

Введение

Как правило, насилие в СМИ рассматривается в рамках предметного поля социальной психологии в контексте изучения агрессии [1–9]. Между тем эта проблема имеет общепсихологический характер, поскольку любая информация СМИ обрабатывается сознанием, которое задействует когнитивные, аффективные, мотивационные и личностные структуры.

Важно отметить, что понятия «насилие» и «агрессия» являются связанными, но не идентичными. С.Н. Ениколопов (2001) определил понятие «насилие» как «применение силы, приводящее к ущербу, наносимому основным человеческим потребностям или даже жизни вообще, понижающему уровень их удовлетворения ниже того, что потенциально возможен. Угроза насилия также является насилием» [10]. Е.П. Ильин (2014) к насилию в СМИ относит демонстрацию убийств, драк, избиений, брань и ненормативную лексику [5]. D. Gerbner (1980) определил «драматическое насилие», которое демонстрируется по телевидению как «открытое проявление физической силы (с оружием или без него, против себя или других), принуждающее действовать против своей воли под угрозой нанесения увечий и/или смерти как часть сюжета» [цит. по: 4, с. 488–489]. Р. Харрис (2003) понимает медианасилие как демонстрацию причинения намеренного физического ущерба человеку, исключая сцены случайного причинения боли, психологического насилия и вандализма по отношению к чужой собственности, поскольку их субъективное восприятие сильно варьируется. Зрителям должна быть очевидна агрессивная суть (враждебность) поведения медийных персонажей [7].

Еще одно замечание необходимо сделать в отношении термина «влияние», которое используется в психологии СМИ. Исследователи используют два термина: «влияние» и «эффекты». Их значение синонимично, а различие в употреблении связано с теоретико-эмпирической ориентацией исследователя. Термин «влияние» чаще используется для описания общего воздействия СМИ на аудиторию в рамках гуманистической или феноменологической парадигм, а термин «эффект» — для описания результатов исследований в рамках необихевиористской или когнитивной парадигм [4]. В настоящей статье термины употребляются как у авторов анализируемых теорий и исследований.

Основные теоретические подходы

Можно выделить несколько теорий, с позиций которых описываются и объясняются ментальные и поведенческие последствия демонстрации сцен насилия в СМИ.

Старейшей является теория З. Фрейда (1923) о бессознательном инстинкте саморазрушения и смерти, который связан с сексом и агрессией. Секс и агрессия полагаются бессознательными мотивами. Однако они направлены в область сознания в виде угрожающих импульсов, атакующих представления человека о самом себе. Сознание вытесняет эти мотивы обратно в область бессознательного. Этот конфликт вызывает, с одной стороны, состояние беспокойства и тревоги, а с другой — сублимирующее или замещающее поведение, которые скрывают открытую сексуальность или агрессию. В связи с этим S. Feshbach (1961) предложил концепцию «агрессии – катарсиса» [11]. Согласно ей потребление сцен насилия и/или секса в СМИ и кинофильмах замещает реальную агрессию или сексуальную активность в обыденной жизни и приводит к освобождению от внутреннего напряжения и снижению тревоги. Сцены насилия в СМИ также могут пробуждать у зрителей фантазии о расправе со своими обидчиками в жизни, что снижает напряжение [12].

J. Blumler и E. Katz (1974) предложили *теорию использования и удовлетворения* для объяснения выбора содержания СМИ аудиторией [13]. Согласно этой теории человек в процессе взаимодействия со СМИ активно и самостоятельно определяет, какую информацию потреблять. Его выбор обусловлен желанием личности удовлетворять свои потребности. В русле этого подхода D. Zillmann (1988) сформулировал *теорию управления настроением* [14]. Обращение к продуктам СМИ связано со стремлением избавиться от плохого настроения и лучше себя чувствовать [15, 16]. M. Mares и др. (2008) изучали предпочтения кинофильмов разными возрастными группами. Исследование показало, что молодые люди чаще стремятся испытывать негативные эмоции и предпочитают фильмы, которые пугают, содержат сцены насилия, а также которые развлекают и избавляют от скуки. Пожилые люди, напротив, ориентированы на поддержание эмоциональной стабильности и предпочитают мелодрамы и романтические фильмы [17]. D. Zillmann (1991) обнаружил *эффект переноса активации (возбуждения)* [18]. Его суть состоит в том, что состояние

возбуждения, которое возникает после просмотра кинофильмов со сценами насилия или секса, в краткосрочной перспективе приводит к усилению любых последующих эмоций. Возбуждение может усиливать страх, сексуальное влечение или гнев. Если после просмотра сцен насилия наступает фрустрация, то раздражение, гнев усиливаются и вероятность агрессии повышается.

Л. Берковиц (2007) опирался на идею *прайминга* (priming): восприятие людьми какого-либо стимула или ситуации запускает процесс вспоминания идей, образов и чувств, которые имеют сходное значение [1]. Они могут активировать определенные формы поведения. Сцены насилия активируют негативные образы, воспоминания, чувства и модели агрессивного поведения, что может усиливать враждебность и вести к агрессии [19].

А. Bandura (1983) определяет агрессию как форму *социального научения* [20]. Люди обучаются агрессии двумя способами. Во-первых, в результате научения посредством прямого вознаграждения за агрессивное поведение. Во-вторых, посредством наблюдения за другими людьми, которые получают вознаграждение за агрессивность. Во втором случае важными факторами, которые способствуют научению, являются: наличие опыта проявления агрессии в реальной жизни, возбуждение, привлекательность агрессивных персонажей фильма и идентификация с ними зрителя, подкрепление насилия в фильме или одобрение экранного насилия значимыми другими. Частое «потребление» детьми и взрослыми кинофильмов, в которых привлекательные и симпатичные персонажи бьют других ногами и кулаками, а также стреляют и убивают тех, кто подвергает их состоянию стресса, приводит к научению тому, что насилие является приемлемым способом решения конфликтов.

S. Ball-Roseach и M. DeFleur (1976) предложили свою *теорию большого эффекта воздействия СМИ* на аудиторию: СМИ воздействуют одновременно на когнитивные и эмоциональные процессы зрителей и отсроченно влияют на поведение [21]. В отношении насилия этот интегративный подход представлен *теорией культивации* Г. Гербнера [22]. Она фокусируется на том, какой образ реальности формируется у аудитории СМИ. Согласно этой теории чем больше времени человек проводит перед телевизионным или киноэкраном, тем больше его представления о реальности и образ социальной реальности будут совпадать с реальностью массмедиа. В ходе исследований у зрителей, которые часто «потребляют» сцены насилия в СМИ,

был обнаружен «образ ужасного мира». Они переоценивают масштабы преступности в обществе и вероятность стать жертвой насилия или преступления, считают мир плохим и полным опасностей [23]. На культивацию представлений о мире влияют: интенсивность просмотра ТВ, мотивы просмотра, оценка реальности медиапродуктов, а также возраст и пол, уровень тревожности, копинг-стратегии и личный опыт зрителя [3].

Согласно другой интегративной модели — когнитивно-бихевиориальной — насилие в СМИ усиливает возбуждение, активизирует мысли и чувства агрессивного характера (прайминг), демонстрирует новые типы агрессивных реакций, ослабляет запреты на агрессию, приводит к снижению чувствительности к страданиям жертвы и формирует зрительское представление о реальности. Каждый из этих эффектов в отдельности или вместе могут приводить к усилению агрессии зрителей в повседневной жизни [6, 24].

Когнитивные, эмоциональные и поведенческие эффекты насилия в СМИ

Л. Берковиц (2007) и Б. Крейхи (2003) выделяют 1) непосредственные и краткосрочные эффекты медиаизображений насилия на агрессивное поведение и 2) долгосрочные эффекты при повторяющемся воздействии сцен насилия в СМИ [1, 6]. К *непосредственным* эффектам относятся преступления-имитации; изучается статистика совершения преступлений после спортивных мероприятий с насилием (бокс, бои без правил), новостей и телефильмов со сценами насилия. Было показано, что сообщения о насилии в новостях, насилие в художественных фильмах и ТВ-программах обнаруживает небольшой, но статистически значимый эффект роста преступлений насильственного характера. К *кратковременным* эффектам относится в первую очередь агрессивное поведение. Однако далеко не всегда после демонстрации сцен насилия у зрителей наблюдается агрессия. В. Bushman и R. Geen (1990) показали, что сцены насилия в кинофильме вызывают у зрителей агрессивные чувства и мысли. Чем более жестокими были демонстрируемые сцены, тем выше у зрителей было кровяное давление (физиологическое возбуждение): тем сильнее они выражали гнев и у них появилось больше конкретных мыслей агрессивного характера [19]. Л. Берковиц, Б. Крейхи отметили несколько важных условий, при которых восприятие сцен насилия в СМИ может привести к агрессии: 1) значение, которое приписывает зритель

наблюдаемому поведению, — он должен однозначно понимать агрессивную суть наблюдаемых сцен; 2) демонстрация позитивных последствий агрессивного поведения или отсутствие наказания за насилие на экране; 3) отсутствие демонстрации негативных последствий насилия (страдания жертв), изображение агрессии оправданной или преследующей благородную цель; 4) идентификация зрителя с агрессором; 5) неспособность зрителя дистанцироваться от кинонасилия или осознать его нереальность [1, 6]. Л. Берковиц (2007) выделяет дополнительно два краткосрочных эффекта насилия в СМИ: десенсибилизацию (эмоциональное притупление) и растормаживание. Десенсибилизация проявляется в том, что частое потребление насилия в СМИ приводит к снижению физиологического возбуждения в ответ на театрализованную и реальную агрессию. Растормаживание предполагает ослабление существующих у зрителя запретов на проявление агрессии. Л. Берковиц объясняет эти эффекты концепцией прайминга [1]. К *долговременным* эффектам относятся формирование представлений об обществе и других людях (культивация по Г. Гербнеру), приобретение агрессивных наклонностей и формирование агрессивных социальных сценариев [25]. Б. Крейхи (2003) дополнительно отмечает воздействие порнографии на агрессию и сексуальное насилие [6]. Потребление порнографии связано с агрессией и насилием по отношению к женщинам, поскольку у зрителей формируется установка на терпимое отношение к изнасилованию [26].

Р. Харрис (2003), R.J. Harris и F. Sanborn (2013) выделяют шесть основных эффектов насилия в СМИ на аудиторию: страх и повышение тревоги, моделирование, сенсбилизация, десенсибилизация и культивация [7, 9]. Д. Брайант, С. Томпсон (2004) выделили поведенческие, аффективные и когнитивные последствия воздействия сцен насилия в СМИ [2]. К *поведенческим* последствиям они отнесли возбуждение, катарсис, дезингибицию или растормаживание, имитацию и десенсибилизацию; к *аффективным* — реакцию испуга и страха; к *когнитивным* — изменение установок по отношению к насилию и представлений о мире (культивация).

П. Винтерхофф-Шпук (2015) после анализа американских и европейских исследований сформулировал следующие выводы. Зрители выбирают программы с актами агрессии и насилия, поскольку ожидают получить удовольствие. Как правило, передачи и кинофильмы с насилием вы-

зывает у зрителя специфическую внутреннюю динамику «напряжение – снятие напряжения», что приводит к чувству удовольствия. Параллельно зрители запоминают агрессивные модели поведения, особенно если агрессия оправдывается или ее совершают положительные герои во имя хорошего дела. При определенных обстоятельствах зрители могут использовать эти модели в реальном взаимодействии, чему способствуют злые намерения, фрустрированность или раздражение, а также отсутствие наказания или социального осуждения за агрессию [3].

В. Krahe и др. (2011) показали, что видеоклипы со сценами насилия приводят к десенсибилизации — снижается эмпатия к жертвам насилия [27]. R.A. Ramos и др. (2013) обнаружили эмпатию к жертвам насилия на ТВ-экране у молодых мужчин, если их предупреждали о реальности демонстрируемых событий. В то же время эмпатия к жертвам насилия снижалась, если их предупреждали, что им будут предьявляться фикции насилия в виде ТВ-шоу и клипов [28]. D. Unz и др. (2008) показали, что сцены насилия в ТВ-новостях вызывают у зрителей отрицательные эмоции. Вопреки предыдущим исследованиям зрители чаще переживали эмоции гнева, печали, отвращения, презрения, а не страха [29]. J. Glascock (2014) изучал эффекты потребления СМИ на вербальную агрессию с учетом демографических и социальных факторов. Он обнаружил, что только частое потребление рэпа связано с вербальной агрессией. Для проявления вербальной агрессии большее значение имеют пол, родительское воспитание, принадлежность к этнической или социальной группе [30].

Е.П. Ильин (2014) полагает, что насилие в СМИ является одним из главных факторов, которые влияют на уровень агрессивности и проявление агрессии в обществе. Поэтому в обзоре исследований он приводит данные в пользу тезиса о влиянии сцен насилия на агрессивность зрителей. Отдельным вопросом Е.П. Ильин отмечает эффекты компьютерных игр с насилием. Он полагает, что увлечение такими играми приводят к усилению у подростков негативизма, обидчивости, обостренному самолюбию, а также снижает порог фрустрации [5]. В целом в настоящее время интерес исследователей смещается к изучению насилия в Интернете и компьютерных играх. С.А. Anderson и др. (2010) провели метаанализ исследований эффектов насилия в видеоиграх. Было показано, что видеоигры с насилием могут выступать фактором риска — появляются агрес-

сивные мысли и аффекты, повышается физиологическое возбуждение и вероятность агрессивного поведения, снижается сочувствие к жертвам насилия, появляется склонность к просоциальному поведению [31]. А. Lang и др. (2012) изучали опытных и начинающих компьютерных игроков в «3D Shooter», где по сюжету игрок от первого лица участвует в виртуальных боях и убийствах. Были обнаружены значимые эффекты видеоигры с насилием на эмоциональное состояние игроков. Начинающие и опытные игроки чувствовали возбуждение, переживали приятные чувства и удовольствие, но у новичков их выраженность была сильнее. Эти результаты свидетельствовали в пользу гипотезы о десенсибилизации опытных игроков в видеоигры [32]. В исследованиях W. Bösch (2009, 2010) были обнаружены эффекты видеоигр с насилием на активацию у мужчин агрессивных сценариев и сценариев игрового соперничества [33, 34].

Несмотря на обнаруженные негативные последствия увлечения компьютерными играми с насилием, ряд авторов получили иные результаты. С. J. Ferguson и S. M. Rueda (2010) предъявляли участникам исследования познавательную задачу, а после неудачи при ее решении предлагали сыграть в компьютерные игры со сценами насилия. Обнаружилось, что игра приводит к снижению депрессии и враждебных чувств, а не к росту агрессии [35]. С. A. Oswald и др. (2014) также изучали субъективный опыт и мотивацию игроков в компьютерные игры в Интернете. Они обнаружили, что испытуемые указывают на положительный эмоциональный опыт (снижение негативных эмоций типа скуки, фрустрации, стресса), на социальную направленность взаимодействия в игре и развитие целеустремленности. Люди при помощи компьютерных игр в Интернете удовлетворяют потребности личности в автономии, компетентности и связности [36].

А. А. Лузаков и Н. В. Омельченко (2012), Н. В. Омельченко (2009) изучали отношение к компьютерным играм в парадигме психосемантики [37, 38]. Они анализировали два фактора психосемантических оценок компьютерных игр. И тот, и другой были амбивалентны: включали психосемантические оценки с противоположными знаками. Первоначально первый фактор интерпретировался как «агрессивная мужественность – мирная женственность» (Н. В. Омельченко, 2009), что отражает амбивалентность оценок, но не объясняет привлекательность компьютерных игр для респондентов, несмотря на негативное к ним от-

ношение. А. А. Лузаков и Н. В. Омельченко (2012) полагают, что игра актуализирует архаические уровни психической регуляции, где неактуальны логические противоречия. Этот фактор реинтерпретировался как «Возможность реализации социально неодобряемых потребностей». Второй фактор первоначально интерпретировался как «Сложность – необычность» (Н. В. Омельченко, 2009). Позже А. А. Лузаков и Н. В. Омельченко (2012) реинтерпретировали его как «возможность полного вовлечения в игру». Наличие такой категории в обыденном сознании игроков позволяет им различать игры, которые могут дать переживание полного вовлечения в виртуальную реальность, от тех, которые не обладают таким эффектом. Геймеры удовлетворяют социально неодобряемые потребности (агрессия, враждебность, доминирование) и потребность в расширении мира, получении новых впечатлений и достижении «состояния потока» (в терминах М. Чиксентмихайи [39]).

Личность и насилие в СМИ

Несмотря на преобладание исследований воздействия насилия в СМИ на аудиторию, ряд авторов фокусируют внимание на самих зрителях, на их внутренних особенностях и чертах.

В. Gunter (1980) показал, что ограниченное наблюдение в исследованиях эффекта катарсиса обуславливается когнитивными способностями зрителей: только люди с развитым воображением и фантазией способны высвободить накопившийся гнев при просмотре сцен насилия, а индивиды, не обладающие ярким воображением, не способны пережить катарсис [цит. по: 2].

R. Tamborini, J. Stiff и C. Heidel (1990) обнаружили тип зрителей, у которых чаще возникает эффект сенсбилизации в ответ на восприятие сцен насилия в СМИ. Ими оказались люди с высоким уровнем эмпатии и блуждающего воображения, тревожности, склонные к невротической спутанности, гуманистически ориентированные и эмоционально восприимчивые [40].

В. J. Bushman (1995) обнаружил, что агрессивность как черта личности зрителей влияет на предпочтения кинофильмов определенного жанра [41]. Зрители с выраженной агрессивностью в сравнении с низко агрессивными зрителями более склонны выбирать кинофильмы с высоким содержанием насилия. После просмотра кинофильма со сценами насилия они испытывали больше гнева и проявляли агрессию к партнеру при совместном выполнении задания. В. J. Bushman и

R.G. Geen, (1990) обнаружили, что после просмотра кинофильмов со сценами насилия у зрителей с высоким уровнем агрессивности и враждебности чаще возникали агрессивные мысли и эмоции, чем у зрителей с низким уровнем агрессивности [19].

Еще одна черта, которая связана с пристрастием к сценам насилия в СМИ, – стремление к новизне и поиск острых ощущений. Эта черта определяется как «поиск разнообразных, новых, комплексных и интенсивных ощущений и переживаний, стремление принимать физический, социальный, финансовый или связанный с ними риск с целью получить такое переживание» [42]. M. Zuckerman (1996) обнаружил корреляцию поиска ощущений с предпочтением просмотра сцен с насилием по телевизору [43]. S.C. Banerjee и др. (2008) изучали влияние поиска ощущений на привлекательность кинофильмов для зрителей. Привлекательность описывалась в терминах настроения (позитивное/негативное) и возбуждения (высокое/низкое) [44]. Было установлено, что зрители с высокой выраженностью поиска ощущений, в отличие от зрителей с низкой выраженностью поиска ощущений, привлекают возбуждающие кинофильмы. Другое исследование S.C. Banerjee и др. (2009) показало связь агрессивности, поиска ощущений и склонности к рискованному поведению (драки и правонарушения, употребление алкоголя и наркотиков, рискованная езда) у студентов колледжей с предпочтением телевизионных программ и телесериалов с вербальной агрессией [45].

S.D. Conrad и R.S. Mottow (2000) изучали зрителей с пограничной организацией психики: импульсивных, испытывающих страх социальной изоляции и одиночества, гневливых, непостоянных в межличностных отношениях, с диссоциативными расстройствами, злоупотребляющих психоактивными веществами [46]. Они готовы совершить физическое насилие над своим партнером в межличностных отношениях после сообщений по ТВ о родителях, которые бросали своих детей. V.J. Bushman и A.D. Stack (1996) установили, что зрители с интернальным локусом контроля и склонные к реактивному сопротивлению проявляют повышенный интерес к кинофильмам со сценами насилия, когда последним предшествуют ограничительные предупреждения [47].

С.Н. Ениколопов, Ю.М. Кузнецова и Н.В. Чуднова (2014) изучали личностную агрессивность активных пользователей Интернетом в 2005 и 2011 гг. [48]. В 2005 г. они обнаружили, что носители так называемой интернет-культуры не склон-

ны проявлять физическую агрессию, не одобряют насилие в частной и общественной жизни. У них наблюдаются циклотимная акцентуация характера и размытая идентичность, которые могут приводить к агрессии и конфликтности. Агрессивное поведение интернет-девиантов, сетевых грубиянов или хакеров обычно направлено на людей, которые, как им кажется, не являются носителями интернет-культуры. Испытуемые 2011 г. проявили меньшую агрессивность, чем испытуемые 2005 г. Возможно, из-за снижения анонимности. При этом испытуемые в 2005 и 2011 гг. были менее агрессивны, чем представители контрольной группы. Интернет скорее привлекает «ленивых и любопытных», чем агрессивных.

С.В. Фадеева (2010) обнаружила у подростков связь компьютерной зависимости и предпочтения видеоигр с насилием с высокой агрессивностью, ригидностью, тревожностью и фрустрированностью [49].

Т.В. Яковлева (2010) изучала связь агрессивности и предпочтений художественных кинофильмов у подростков [50]. Испытуемые с высоким уровнем наблюдаемой агрессивности чаще выбирали жанры «боевик» и «ужасы». У них оказались выражены гипертимный, возбудимый и демонстративный типы акцентуаций и положительные корреляции по шкалам физической, косвенной и вербальной агрессии (по А. Бассу и А. Дарки). Сцены насилия на экране привлекали подростков с повышенной экстраверсией и нейротизмом (по Г. Айзенку). Высокая агрессивность у подростков коррелировала с низкой эмпатией и безразличием к страданиям жертв насилия на экране.

И.В. Белашева (2013) изучала эффекты негативной (документальные телепередачи со сценами насилия) и положительной (познавательные телепередачи) информации СМИ на нервно-психологическое состояние студентов вузов в зависимости от характерологического психотипа [51]. После ежедневного двухчасового потребления передач с насилием в течение недели обнаружено: повышение уровня враждебности, агрессивности, тревожности, истеричности, астеничности, вегетативные и обсессивно-фобические нарушения, эмоциональная подавленность и снижение психической устойчивости. Наиболее выражены эти эффекты у испытуемых шизоидного и циклоидного психотипа. К информационному воздействию положительной направленности более восприимчивы испытуемые истероидного и эпилептоидного психотипа.

В работе О.П. Белой и О.В. Чурсиновой (2012) изучались представления об агрессивном поведе-

нии с помощью построения субъективных семантических пространств у младших и старших подростков с разным уровнем агрессивности [52]. В качестве стимулов для оценки методом СД использовались ролевые позиции: «Человек, демонстрирующий агрессивное поведение», «Человек, не демонстрирующий агрессивное поведение», «Я сам», «Любимый киногерой», «Типичный телегерой», «Герой любимой телепередачи». Обнаружено, что наиболее дифференцированный образ агрессивного поведения представлен у низко- и высокоагрессивных младших подростков. А у старших высокоагрессивных подростков образ агрессивного поведения становится более простым. В целом отношение к агрессивному поведению у подростков наблюдается отрицательное, однако любимые герои, которые демонстрируют агрессию на телеэкране, оцениваются ими положительно.

Выводы

По результатам обзора теорий и эмпирических исследований можно сформулировать следующие выводы. Во-первых, основные теоретические подходы сосредоточены вокруг проблемы агрессии. Рассматриваемые в этих теориях когнитивные, аффективные и личностные особенности аудитории в связи с насилием в СМИ связаны в первую очередь с агрессией. Теории и исследования, в которых точкой отсчета является не агрессия, мало численны. Возможно, поэтому мало работ, где обнаруживаются позитивные эффекты насилия в СМИ на зрителей или поднимается проблема амбивалентного отношения зрителей к медианасилию. Во-вторых, следует указать на существенно меньшее количество исследований, в которых изучается роль факторов личности, самооценки, когнитивных и эмоциональных процессов при восприятии насилия в СМИ, по сравнению с исследованиями эффектов насилия в СМИ на аудиторию и зрителей. В-третьих, наблюдается разнохарактерность исследований, где учитываются внутренние факторы восприятия насилия в СМИ. Это не позволяет построить общую картину взаимодействия когнитивных и аффективных сфер аудитории в связи с насилием в СМИ. Необходимы новые концептуальные и эмпирические исследования проблемы насилия в СМИ, которые были бы выполнены в интегративном ключе.

Список литературы

1. Берковиц Л. Насилие в массмедиа // Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. С. 238–280.

2. Брайант Д., Томпсон С. Воздействие медианасилия // Основы воздействия СМИ. М.: Вильямс, 2004. С. 193–214.
3. Винтерхофф-Шпрук П. Медиapsихология. Основные принципы. Харьков: Гуманитарный центр, 2016. 268 с.
4. Гриффин Э. Теория культивации Джорджа Герберера // Коммуникация: теория и практики. Харьков: Гуманитарный центр, 2015. С. 487–500.
5. Ильин Е.П. Генезис агрессии и агрессивности // Психология агрессивного поведения. СПб.: Питер, 2014. С. 69–97.
6. Крейхи Б. Насилие и агрессия в средствах массовой информации // Социальная психология агрессии. СПб.: Питер, 2003. С. 113–147.
7. Харрис Р. Насилие: так ли уж безобидны эти драки на экране // Психология массовых коммуникаций. СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. С. 299–331.
8. Anderson C.A., Bushman B.J. The effects of media violence on society // Science. 2002. Vol. 295. P. 2377–2378. DOI: 10.1037//0003-066X.57.6-7.448.
9. Harris R.J., Sanborn F. A cognitive psychology of mass communication. N.Y., NY: Taylor & Francis, 2013. P. 267–299.
10. Ениколопов С.Н. Понятие агрессии в современной психологии // Прикладная психология. 2001. № 1. С. 60–72.
11. Feshbach S. The stimulating vs. cathartic effects of a vicarious aggressive activity // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1961. Vol. 63. P. 381–385. DOI: 10.1037/h0048863.
12. Feshbach S. The role of fantasy in the response to television // Journal of Social Issues. 1976. Vol. 32. P. 71–85. DOI: 10.1111/j.1540-4560.1976.tb02507.x.
13. Blumler J., Katz E. The Uses of Mass Communications: Current perspectives on gratifications research. Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1974. 318 p.
14. Zillmann D. Mood management through communication choices // American Behavioral Scientist. 1988. Vol. 31, no 3. P. 327–341. DOI: 10.1177/000276488031003005.
15. Knobloch S., Zillmann D. Mood management via the digital jukebox // Journal of Communication. 2002. Vol. 52, no 2. P. 351–366. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2002.tb02549.x.
16. Oliver M.B. Tender affective states as predictors of entertainment preference // Journal of Communication. 2008. Vol. 58. P. 40–61. DOI: 10.1111/J.1460-2466.2007.00373.x.
17. Mares M.L., Oliver M.B., Cantor J. Age differences in adults' emotional motivations for exposure to films // Media Psychology. 2008. Vol. 11. P. 488–511. DOI: 10.1080/15213260802492026.

18. *Zillmann D.* Television viewing and physiological arousal // *Responding to the screen* / ed. by J. Bryant, D. Zillmann. Hillsdale: Erlbaum, 1991. P. 103–134.
19. *Bushman B.J., Geen R.G.* Role of cognitive-emotional mediators and individual differences in the effects of media violence on aggression // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. Vol. 58, no 1. P. 156–163.
20. *Bandura A.* Psychological mechanism of aggression // *Aggression: Theoretical and empirical reviews* / ed. by R.G. Green, E.I. Donnerstein. N.Y.: Academic, 1983. P. 1–40.
21. *Ball-Rocheach S.J., DeFleur M.L.* A dependency model of mass communication // *Communication research*. 1976. Vol. 3. P. 3–31. DOI: 10.1177/009365027600300101.
22. *Gerbner G., Gross L., Morgan M., Signorielli N.* Living with television: The dynamic of the cultivation process // *Perspectives on media effects* / ed. by J. Bryant, D. Zillmann. Hillsdale, NJ.: Lawrence Erlbaum, 1986. P. 17–40.
23. *Yang H., Ramasubramanian S., Oliver M.* Cultivation effects on quality of life indicators // *Journal of broadcasting and electronic media*. 2008. Vol. 52, no 2. P. 247–267. DOI: 10.1080/08838150801992060.
24. *Geen R.G., Bushman B.J.* Behavioral effects of observing violence // *Encyclopedia of human biology*. N.Y.: Academic Press, 1997. Vol. 1. P. 705–714.
25. *Huesmann L.R., Miller L.S.* Long-term effects of the repeated exposure to media violence in childhood // *Aggressive behavior: Current perspective* / ed. by L.R. Huesmann. N.Y.: Plenum Press, 1994. P. 153–186.
26. *Zillmann D.* Connections between sexuality and aggression. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Inc., 1998. 359 p.
27. *Krahe B., Möller I., Kirwil L., Huesmann L.R., Felber J., Berger A.* Desensitization to media violence: links with habitual media violence exposure, aggressive cognitions, and aggressive behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. Vol. 100, no 4. P. 630–646. DOI: 10.1037/a0021711.
28. *Ramos R.A., Ferguson C.J., Frailing K., Romero-Ramirez M.* Comfortably numb or just yet another movie? Media violence exposure does not reduce viewer empathy for victims of real violence among primarily Hispanic viewers // *Psychology of Popular Media Culture*. 2013. Vol. 2, no 1. P. 2–10. DOI: 10.1037/a0030119.
29. *Unz D., Schwab F., Winterhoff-Spurk P.* TV News — The Daily horror? Emotional effects of violent television news // *Journal of Media Psychology*. 2008. Vol. 20, no 4. P. 141–155. DOI: 10.1027/1864-1105.20.4.141.
30. *Glascoock J.* Contribution of demographics, sociological factors, and media usage to verbal aggressiveness // *Journal of Media Psychology*. 2014. Vol. 26, no 2. P. 92–102. DOI: 10.1027/1864-1105/a000115.
31. *Anderson C.A., Bushman B.J., Ihori N., Rothstein H.R., Sakamoto A., Saleem M., Shibuya A., Swing E.L.* Violent video game effects on aggression, empathy, and prosocial behavior in eastern and western countries: a meta-analytic review // *Psychological Bulletin*. 2010. Vol. 136, no 2. P. 151–173. DOI: 10.1037/a0018251.
32. *Lang A., Bradley S.D., Schneider E.F., Kim S.C., Mayell S.* Killing is positive! Intra-Game Responses Meet the Necessary (But Not Sufficient) Theoretical Conditions for Influencing Aggressive Behavior // *Journal of Media Psychology*. 2012. Vol. 24, no 4. P. 154–165. DOI: 10.1027/1864-1105/a000075.
33. *Bösche W.* Violent content enhances video game performance // *Journal of Media Psychology*. 2009. Vol. 21, no 4. P. 145–150. DOI: 10.1027/1864-1105.21.4.145.
34. *Bösche W.* Violent video games prime both aggressive and positive cognitions // *Journal of Media Psychology*. 2010. Vol. 22, no 4. P. 139–146. DOI: 10.1027/1864-1105/a000019.
35. *Ferguson C.J., Rueda S.M.* The hitman study. Violent video game exposure effects on aggressive behavior, hostile feelings, and depression // *European Psychologist*. 2010. Vol. 15, no 2. P. 99–108. DOI: 10.1027/1016-9040/a000010.
36. *Oswald C.A., Prorock C., Murphy S.M.* The Perceived Meaning of the Video Game Experience: An Exploratory Study // *Psychology of Popular Media Culture*. 2014. Vol. 3, no 2. P. 110–126. DOI: 10.1037/a0033828.
37. *Лузаков А.А., Омельченко Н.В.* Семантическое пространство компьютерных игр: опыт реконструкции // *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. 2012. № 78, вып. 04. URL: <http://ej.kubagro.ru/2012/04/pdf/26.pdf> (дата обращения: 18.06.2017).
38. *Омельченко Н.В.* Психосемантическое исследование особенностей восприятия и оценивания компьютерных игр // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология*. 2009. № 51, вып. 4. С. 267–274.
39. *Чиксентмихайи М.* Поток: психология оптимального переживания. М.: Альпина нон-фикшн, 2011. 464 с.
40. *Tamborini R., Stiff J., Heidel C.* Reaction to graphic horror: A model of empathy and emotional behavior // *Communication Research*. 1990. Vol. 17. P. 616–640. DOI: 10.1177/009365090017005003.

41. *Bushman B.J.* Moderating role of trait aggressiveness in the effects of violent media on aggression // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol. 69, no 5. P. 950–960.
42. *Zuckerman M.* Behavioral expressions and psychological bases of sensation seeking. N.Y.: Cambridge University Press, 1994. 463 p.
43. *Zuckerman M.* Sensation seeking and the taste for vicarious horror // *Horror films: Current research on audience preferences and reaction* / ed. by J.B. Weaver, R. Tamborini. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1996. P. 147–160.
44. *Banerjee S.C., Greene K., Krctar M., Bagdasarov Z., Ruginyte D.* The role of gender and sensation seeking in film choice // *Journal of Media Psychology*. 2008. Vol. 20, no 3. P. 97–105. DOI: 10.1027/1864-1105.20.3.97.
45. *Banerjee S.C., Greene K., Krctar M., Bagdasarov Z.* Who watches verbal aggressive show? An examination of personality and other individual difference factors in predicting viewership // *Journal of Media Psychology*. 2009. Vol. 21, no 1. P. 1–14. DOI: 10.1027/1864-1105.21.1.1.
46. *Conrad S.D., Morrow R.S.* Borderline personality organization, dissociation, and willingness to use force in intimate relationships // *Psychology of Men and Masculinity*. 2000. Vol. 1, no 1. P. 37–48. DOI: 10.1037//15 24-9220.1.1.37.
47. *Bushman B.J., Stack A.D.* Forbidden Fruit versus Tainted Fruit: effects of warning labels on attraction to television violence // *Journal of Experimental Psychology: Applied*. 1996. Vol. 2, no 3. P. 207–226.
48. *Ениколопов С.Н., Кузнецова Ю.М., Чуднова Н.В.* Агрессивность в эпоху Интернета // *Агрессия в обыденной жизни*. М.: Политическая энциклопедия, 2014. С. 82–92.
49. *Фадеева С.В.* Компьютерная зависимость как фактор риска развития агрессивного поведения у подростков // *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова*. Серия: Педагогика. Психология. 2010. № 3. С. 250–257.
50. *Яковлева Т.В.* Взаимосвязь агрессивности с просмотром художественных фильмов в старшем подростковом возрасте // *Научно-теоретический журнал «Ученые записки»*. 2010. № 6(64). С. 123–127.
51. *Белашева И.В.* Средства массовой информации и нервно-психическое состояние современной молодежи // *Сборник научных трудов Sworld*, 2013. URL: <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/conference/the-content-of-conferences/archives-of-individual-conferences/march-2013> (дата обращения: 18.06.2017).
52. *Белая О.П., Чурсинова О.В.* Эмпирическое изучение представлений подростков об агрессивном поведении // *Гуманизация образования*. 2012. № 5. С. 27–32.

Получено 14.09.2017

References

1. Berkowitz L. *Nasilie v mass-media* [Media Violence] *Agressiya: prichiny, posledstviya i kontrol'* [Aggression: Its causes, consequences, and control]. Saint Petersburg, Praim-Euroznak Publ., 2007, pp. 238–280. (In Russian).
2. Bryant J., Thompson S. *Vozdeystvie medianasiliya* [Influence of Media Violence] *Osnovy vozdeystviya SMI* [Fundamentals of Media Effects]. Moscow, Williams Publ., 2004, pp. 193–214. (In Russian).
3. Winterhoff-Spurk P. *Mediapsikhologiya. Osnovnye principy* [Mediapsychology. Basic Principles]. Kharkov, Gumanitarniy centr Publ., 2016, 268 p. (In Russian).
4. Griffin E. *Teoriya kul'tivatsii Dzhordzha Gerbnera* [Cultivation Theory by George Gerbner]. *Kommunikatsiya: teoriya i praktiki* [Mass-media: theory and practice]. Kharkov, Gumanitarniy centr Publ., 2015, pp. 487–500. (In Russian).
5. П'ин Е.П. *Genezis agressii i agressivnosti* [Genesis of aggression and aggressiveness]. *Psikhologiya agressivnogo povedeniya* [Psychology of aggression behavior]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2014, pp. 69–97. (In Russian).
6. Krahe B. *Nasilie i agressiya v sredstvakh massovoy informatsii* [Media Violence and Aggression]. *Sotsial'naya psikhologiya agressii* [The social Psychology of Aggression]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2003, pp. 113–147. (In Russian).
7. Harris R.J. *Nasilie: tak li uzh bezobidny eti draki na ekrane* [Violence: Watching All That Mayhem Really Matters]. *Psikhologiya massovykh kommunikatsiy* [A Cognitive Psychology of Mass Communication]. Saint Petersburg, Praim-Euroznak Publ., 2003, pp. 299–331. (In Russian).
8. Anderson C.A., Bushman B.J. The effects of media violence on society. *Science*. 2002, vol. 295, pp. 2377–2378. DOI: 10.1037//0003-066X.57.6-7.448. (In English).
9. Harris R.J., Sanborn F. *A cognitive psychology of mass communication*. New York, Taylor & Francis, 2013, pp. 267–299. (In English).
10. Enikolopov S.N. *Ponyatie agressii v sovremennoy psikhologii* [Aggression concept in modern psychology]. *Prikladnaya psikhologiya* [Applied psychology]. 2001, no. 1, pp. 60–72. (In Russian).
11. Feshbach S. The stimulating vs. cathartic effects of a vicarious aggressive activity. *Journal of Abnor-*

- mal and Social Psychology*. 1961, vol. 63, pp. 381–385. DOI: 10.1037/h0048863. (In English).
12. Feshbach S. The role of fantasy in the response to television. *Journal of Social Issues*. 1976, vol. 32, pp. 71–85. DOI: 10.1111/j.1540-4560.1976.tb02507.x. (In English).
 13. Blumler J., Katz E. *The Uses of Mass Communications: Current perspectives on gratifications research*. Beverly Hills, Sage Publications, 1974, 318 p. (In English).
 14. Zillmann D. Mood management through communication choices. *American Behavioral Scientist*. 1988, vol. 31, no 3, pp. 327–341. DOI: 10.1177/000276488031003005. (In English).
 15. Knobloch S., Zillmann D. Mood management via the digital jukebox. *Journal of Communication*. 2002, vol. 52, no 2, pp. 351–366. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2002.tb02549.x. (In English).
 16. Oliver M.B. Tender affective states as predictors of entertainment preference. *Journal of Communication*. 2008, vol. 58, pp. 40–61. DOI: 10.1111/J.1460-2466.2007.00373.x. (In English).
 17. Mares M.L., Oliver M.B., Cantor J. Age differences in adults' emotional motivations for exposure to films. *Media Psychology*. 2008, vol. 11, pp. 488–511. DOI: 10.1080/15213260802492026. (In English).
 18. Zillmann D. Television viewing and physiological arousal. *Responding to the screen*. Ed. by J. Bryant, D. Zillmann. Hillsdale: Erlbaum, 1991, pp. 103–134. (In English).
 19. Bushman B.J., Geen R.G. Role of cognitive-emotional mediators and individual differences in the effects of media violence on aggression. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990, vol. 58, no 1, pp. 156–163. (In English).
 20. Bandura A. Psychological mechanism of aggression. *Aggression: Theoretical and empirical reviews*. Ed. by R.G. Green, E.I. Donnerstein. New York, Academic, 1983, pp. 1–40. (In English).
 21. Ball-Rocheach S.J., DeFleur M.L. A dependency model of mass communication. *Communication research*. 1976, vol. 3, pp. 3–31. DOI: 10.1177/009365027600300101. (In English).
 22. Gerbner G., Gross L., Morgan M., Signorielli N. Living with television: The dynamic of the cultivation process. *Perspectives on media effects*. Ed. by J. Bryant, D. Zillmann. Hillsdale, Lawrence Erlbaum, 1986, pp. 17–40. (In English).
 23. Yang H., Ramasubramanian S., Oliver M. Cultivation effects on quality of life indicators. *Journal of broadcasting and electronic media*. 2008, vol. 52, no 2, pp. 247–267. DOI: 10.1080/08838150801992060. (In English).
 24. Geen R.G., Bushman B.J. Behavioral effects of observing violence. *Encyclopedia of human biology*. New York, Academic Press, 1997, vol. 1, pp. 705–714. (In English).
 25. Huesmann L.R., Miller L.S. Long-term effects of the repeated exposure to media violence in childhood. *Aggressive behavior: Current perspective*. Ed. by L.R. Huesmann. New York, Plenum Press, 1994, pp. 153–186. (In English).
 26. Zillmann D. *Connections between sexuality and aggression*. Mahwah, Lawrence Erlbaum Associates Inc., 1998, 359 p. (In English).
 27. Krahe B., Möller I., Kirwil L., Huesmann L.R., Felber J., Berger A. Desensitization to media violence: links with habitual media violence exposure, aggressive cognitions, and aggressive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011, vol. 100, no 4, pp. 630–646. DOI: 10.1037/a0021711. (In English).
 28. Ramos R.A., Ferguson C.J., Frailing K., Romero-Ramirez M. Comfortably numb or just yet another movie? Media violence exposure does not reduce viewer empathy for victims of real violence among primarily Hispanic viewers. *Psychology of Popular Media Culture*. 2013, vol. 2, no 1, pp. 2–10. DOI: 10.1037/a0030119. (In English).
 29. Unz D., Schwab F., Winterhoff-Spurk P. TV News — The Daily horror? Emotional effects of violent television news. *Journal of Media Psychology*. 2008, vol. 20, no 4, pp. 141–155. DOI: 10.1027/1864-1105.20.4.141. (In English).
 30. Glascock J. Contribution of demographics, sociological factors, and media usage to verbal aggressiveness. *Journal of Media Psychology*. 2014, vol. 26, no 2, pp. 92–102. DOI: 10.1027/1864-1105/a000115. (In English).
 31. Anderson C.A., Bushman B.J., Ihori N., Rothstein H.R., Sakamoto A., Saleem M., Shibuya A., Swing E.L. Violent video game effects on aggression, empathy, and prosocial behavior in eastern and western countries: a meta-analytic review. *Psychological Bulletin*. 2010, vol. 136, no 2, pp. 151–173. DOI: 10.1037/a0018251. (In English).
 32. Lang A., Bradley S.D., Schneider E.F., Kim S.C., Mayell S. Killing is positive! Intra-Game Responses Meet the Necessary (But Not Sufficient) Theoretical Conditions for Influencing Aggressive Behavior. *Journal of Media Psychology*. 2012, vol. 24, no 4, pp. 154–165. DOI: 10.1027/1864-1105/a000075. (In English).
 33. Bösch W. Violent content enhances video game performance. *Journal of Media Psychology*. 2009, vol. 21, no 4, pp. 145–150. DOI: 10.1027/1864-1105.21.4.145 (In English).
 34. Bösch W. Violent video games prime both aggressive and positive cognitions. *Journal of Media Psychology*. 2010, vol. 22, no 4, pp. 139–146. DOI: 10.1027/1864-1105/a000019. (In English).

35. Ferguson C.J., Rueda S.M. The hitman study. Violent video game exposure effects on aggressive behavior, hostile feelings, and depression. *European Psychologist*. 2010, vol. 15, no 2, pp. 99–108. DOI: 10.1027/1016-9040/a000010. (In English).
36. Oswald C.A., Prorock C., Murphy S.M. The Perceived Meaning of the Video Game Experience: An Exploratory Study. *Psychology of Popular Media Culture*. 2014, vol. 3, no 2, pp. 110–126. DOI: 10.1037/a0033828. (In English).
37. Luzakov A. A., Omelchenko N.V. *Semanticheskoe prostranstvo kompyuternykh igr: opyt rekonstruktsii* [Semantic Space of Computer Games: the Attempt of Reconstruction]. *Politematicheskii setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Polythematic online scientific journal of Kuban State Agrarian University]. 2012, vol. 78, iss. 4. Available at: <http://ej.kubagro.ru/2012/04/pdf/26.pdf> (accessed 18.06.2017). (In Russian).
38. Omelchenko N.V. *Psichosemanticheskoe issledovanie osobennostey vospriyatiya i otsenivaniya kompyuternykh igr* [Psychosemantic research of features of perception and estimation of computer games]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Psikhologiya i pedagogika* [Bulletin of the Adyge State University. Topical: Pedagogy and psychology]. 2009, vol. 51, no. 4, pp. 267–274. (In Russian).
39. Chiksentmikhayi M. *Potok: psikhologiya optimal'nogo perezhivaniya* [Flow: The Psychology of Optimal Experience]. Moscow, Alpina non-fiction Publ., 2011, 464 p. (In Russian).
40. Tamborini R., Stiff J., Heidel C. Reaction to graphic horror: A model of empathy and emotional behavior. *Communication Research*. 1990, vol. 17, pp. 616–640. DOI: 10.1177/009365090017005003. (In English).
41. Bushman B.J. Moderating role of trait aggressiveness in the effects of violent media on aggression. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995, vol. 69, no 5, pp. 950–960. (In English).
42. Zuckerman M. *Behavioral expressions and psychological bases of sensation seeking*. New York, Cambridge University Press, 1994. 463 p. (In English).
43. Zuckerman M. Sensation seeking and the taste for vicarious horror. *Horror films: Current research on audience preferences and reaction*. Ed. by J.B. Weaver, R. Tamborini. Mahwah, Lawrence Erlbaum Associates, 1996, pp. 147–160. (In English).
44. Banerjee S.C., Greene K., Krcmar M., Bagdasarov Z., Ruginyte D. The role of gender and sensation seeking in film choice. *Journal of Media Psychology*. 2008, vol. 20, no 3, pp. 97–105. DOI: 10.1027/1864-1105.20.3.97. (In English).
45. Banerjee S.C., Greene K., Krcmar M., Bagdasarov Z. Who watches verbal aggressive show? An examination of personality and other individual difference factors in predicting viewership. *Journal of Media Psychology*. 2009, vol. 21, no 1, pp. 1–14. DOI: 10.1027/1864-1105.21.1.1 (In English).
46. Conrad S.D., Morrow R.S. Borderline personality organization, dissociation, and willingness to use force in intimate relationships. *Psychology of Men and Masculinity*. 2000, vol. 1, no 1, pp. 37–48. DOI: 10.1037//15 24-9220.1.1.37. (In English).
47. Bushman B.J., Stack A.D. Forbidden Fruit versus Tainted Fruit: effects of warning labels on attraction to television violence. *Journal of Experimental Psychology: Applied*. 1996, vol. 2, no 3, pp. 207–226. (In English).
48. Enikolopov S.N., Kuznetsova Yu.M., Chudnova N.V. *Agressivnost' v epokhu Interneta* [Aggressiveness in the Age of the Internet]. *Agressiya v obydennoy zhizni* [Aggression in everyday live]. Moscow, Politicheskaya entsyklopediya Publ., 2014, pp. 82–92. (In Russian).
49. Fadeeva S.V. *Kompyuternaya zavisimost' kak faktor riska razvitiya agressivnogo povedeniya u podrostkov* [Computer Addiction as a Risk Factor of Adolescent's Aggressive Behavior] *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya* [Bulletin of the Kostroma State University. Series: Pedagogy, psychology]. 2010, no. 3, pp. 250–257. (In Russian).
50. Yakovleva T.V. *Vzaimosvyaz' agressivnosti s prosotrom khudozhestvennykh fil'mov v starshem podrostkovom vozraste* [Correlation of Aggression with Viewing the Feature Films in Senior Teenage Age]. *Nauchno-teoreticheskii zhurnal «Uchenye zapiski»* [Journal of theory science «Science paper»]. 2010, vol. 64, no. 6, pp. 123–127. (In Russian).
51. Belasheva I.V. *Sredstva massovoy informatsii i nervno-psikhicheskoe sostoyanie sovremennoy molodezhi* [Mass Media and Neuro-Psychological Status of Contemporary Young People]. *Sbornik nauchnykh trudov Sworld* [Science digests Sworld], 2013. Available at: <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/conference/the-content-of-conferences/archives-of-individual-conferences/march-2013> (accessed 18.06.2017). (In Russian).
52. Belaya O.P., Chursinova O.V. *Empiricheskoe izuchenie predstavleniy podrostkov ob agressivnom povedenii* [The Empirical Study of Adolescent's Representations of Aggression Behavior]. *Gumanizatsiya obrazovaniya* [Humanization of education]. 2012, no. 5, pp. 27–32. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 14.09.2017

Об авторе

Зубакин Максим Владимирович
старший преподаватель кафедры психологии
развития

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: maxzubakinpsy@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-1805-7764

About the author

Zubakin Maxim Vladimirovich
Senior Lecturer of the Department of Developmental
Psychology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: maxzubakinpsy@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-1805-7764

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Зубакин М.В. Насилие в СМИ: теории и исследования // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 584–595. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-584-595

Please cite this article in English as:

Zubakin M.V. Media violence: theories and investigations // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 4. P. 584–595. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-584-595

УДК 159.98:343.13

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-596-603

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КИНОЛОГА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ

Кусакина Елена Аркадьевна

Пермский институт федеральной службы исполнения наказаний

В психологической литературе широко используется термин «профессиональное становление», который трактуется как процесс овладения профессией и развития личности в целом. В статье рассматриваются особенности профессионально-личностного становления кинологов уголовно-исполнительной системы (далее УИС). Представлены результаты эмпирического исследования психологических особенностей личности кинолога на разных этапах профессионализации. В качестве респондентов выступили курсанты (1–4-й курсы) Пермского института ФСИН России, обучающиеся по специальности 36.02.01 «Зоотехния», и сотрудники, имеющие опыт службы в кинологических отделениях и службах УИС. С помощью методов математической статистики определены направленность и выраженность изменений в структуре личности кинолога. Для описания психологических особенностей испытуемых был использован пятифакторный опросник (5 PFQ). При изучении системы самоотношения и социально-перцептивных аспектов самосознания применялся опросник самоотношения В.В. Столина, анализировалась иерархическая модель основных параметров: открытость, самоуважение, саморуководство, самооценочность, самопринятие, самопривязанность, внутренняя конфликтность, самообвинение. Ведущий мотив в структуре личности обучаемых определялся на основе методики Т.И. Ильиной «Мотивация обучения в вузе». Для курсантов первого курса доминирующим мотивом является овладение профессией, со второго по четвертый — получение диплома. В статье подробно описаны и обоснованы статистически значимые различия между всеми группами испытуемых личностных факторов темперамента и характера в системе самоотношения и мотивационной сферы. Анализ результатов исследования показывает, что все изменения в структуре личности испытуемых, связанные с социальной ситуацией, уровнем развития ведущей деятельности, освоением новой социальной роли, вполне закономерны и объективны.

Ключевые слова: психологические особенности личности кинолога, система самоотношения, содержание «Я-образа», мотивация учебной деятельности, уровень мотивации.

PERSONAL FEATURES OF A CINOLOGIST OF THE PENITENTIARY SYSTEM AT DIFFERENT STAGES OF THE PROFESSIONAL FORMATION

Elena A. Kusakina

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service

The article considers the peculiarities of the professional and personal formation of cynologists of the penitentiary system. In the psychological literature, the term «professional formation» is widely used and interpreted as the process of mastering the profession and developing the personality as a whole. The article presents the results of an empirical study of the psychological characteristics of the personality of a cynologist at different stages of professionalization. The respondents were students of the Perm Institute of the FPSR (Federal Penitentiary Service of Russia) doing the course in «Zootechnics», from I to IV years of studying and employees having experience of service in the cynological departments and services of the FPSR. Using the methods of mathematical statistics, the author of the article established the direction and intensity of changes in the structure of a cynologist's personality. A five-factor questionnaire (5 PFQ) was used to describe the psychological characteristics of the subjects. To study the system of self-relationship and socio-perceptual aspects of self-

awareness, the author of the article used a questionnaire of self-attitudes by V.V. Stolin, which allowed for analyzing the hierarchical model of the main parameters: openness, self-esteem, self-guidance, self-worth, self-acceptance, self-attachment, internal conflict, self-incrimination. In order to determine the leading motive in the structure of a trainee's personality the authors used the work «Motivation for studying in high school» by T.I. Ilyina. For first-year students, the dominant motive is mastering the profession, from the second to the fourth — obtaining a diploma. The article describes in detail and substantiates the statistically significant differences between all groups of the studied personal factors of temperament and character in the system of self-relationship and motivational sphere. Analysis of the research results shows that all changes in the structure of the subjects' personality related to the social situation, the level of development of the leading activity, the development of the new social role are quite logical and objective.

Keywords: psychological characteristics of cynologists, system of self-attitude, content of the «self-image», motivation for educational activity, level of motivation.

Введение

Процесс профессионально-личностного становления охватывает весь жизненный путь личности и предполагает взаимовлияние профессии и жизнедеятельности. Этот процесс начинается с формирования профессиональных интересов и склонностей и заканчивается реализацией в активной профессиональной деятельности. Движение личности в развивающемся профессиональном пространстве определяется, во-первых, возрастными изменениями, во-вторых, системой непрерывности профессионального образования и ведущей профессионально ориентированной деятельностью. В психологической литературе достаточно широко используется термин «профессиональное становление», который трактуется как процесс овладения профессией и развития личности в целом. Так, Т.В. Кудрявцев рассматривает профессиональное становление как длительный процесс развития личности с начала формирования профессиональных намерений до полной реализации себя в профессиональной деятельности, где центральным звеном является профессиональное самоопределение [1].

Т.В. Зеер трактует профессиональное становление как формирование личности, адекватное требованиям профессиональной деятельности [2]. Однако, как отмечает исследователь, индивидуальная траектория профессионального становления личности может быть изменена под влиянием точек бифуркаций, которые понимаются как нарушения последовательного, линейного, порядочного процесса профессионального становления. В качестве «нарушителей» эволюционного развития могут быть различные психологические барьеры: дезадаптация, кризисы, акцентуации, неблагоприятное стечение обстоятельств, случайности. Развитие личности в профессиональном пространстве сопровождается не только последовательной сменой деятельности, в рамках одного

возраста происходят качественные изменения в самой личности: изменяются мотивация, система отношений, эмоциональная сфера, способы планирования и самоконтроля. Следовательно, очень важным элементом в профессиональном становлении является изучение психологических особенностей с целью определения траектории профессионального развития. Это во многом обуславливает дальнейший путь профессионального становления личности — к самореализации в профессии или к постепенному угасанию профессиональных функций.

По мнению А.Р. Фонарева, только в рамках целостной жизнедеятельности человека формируется его готовность к труду, профессионализации в целом. Именно жизненные ценности определяют личностный смысл профессии [3].

Необходимо отметить, что сегодня в отечественной психологической науке и практике особенностям профессионально-личностного становления специалиста-кинолога уделяется недостаточно внимания, что позволяет констатировать актуальность исследуемой темы. Сфера профессиональной деятельности кинологов уголовно-исполнительной системы достаточно разнопланова и многообразна и предъявляет высокие требования к личности специалиста. Служебная деятельность направлена и на организацию подготовки служебной собаки для участия в оперативно-разыскных мероприятиях по розыску и задержанию бежавших осужденных, обнаружению наркотических средств, взрывчатых веществ, взрывных устройств, оружия и боеприпасов.

С учетом основных направлений служебной деятельности закономерно возникает необходимость в совершенствовании профессиональной подготовки специалистов-кинологов, которая включает в себя не только формирование необходимых компетенций, но и понимание значимости своей профессии и принятия себя в ней. Овладение профессиональным мастерством невозможно

без психологического обеспечения профессионально-личностного становления специалистов-кинологов, что, на наш взгляд, должно стать одним из приоритетных направлений в развитии научной и образовательной базы в области кинологии. В качестве основной гипотезы нашего исследования выступило предположение, что изучение психологических закономерностей профессионально-личностного становления кинологов на разных этапах профессионализации позволит создать необходимые условия для их успешной самореализации, определить возможные профессиональные и личностные деструкции с последующим построением продуктивных сценариев, направленных на преодоление кризисов и дальнейший профессиональный рост. С учетом основной гипотезы целью исследования было выявить психологические особенности и закономерности профессионально-личностного становления кинологов уголовно-исполнительной системы на разных этапах профессионализации. Общепсихологической основой исследования стали положения системного подхода, принципы детерминизма, развития, единства сознания и деятельности. Конкретно-научным ориентиром выступили концептуальные положения теории профессионального развития (Т.В. Кудрявцев, Э.Ф. Зеер), где объектом развития является личность, а основанием профессионального развития — социальная ситуация и ведущая деятельность. В качестве основных методов использовались анализ научных источников и нормативных документов, тестирование и математико-статистические методы обработки и интерпретации данных (U-критерий Манни-Уитни).

В эмпирическом исследовании приняли участие 83 курсанта с 1-го по 4-й курс Пермского института ФСИН России, обучающиеся по специальности 36.02.01 «Зоотехния», из них 30 (36 %) женского пола. А также сотрудники кинологи среднего и старшего начальствующего состава, имеющие значительный опыт работы в кинологических отделах и службах уголовно-исполнительной системы — 65 мужчин в возрасте от 30 до 42 лет.

Основное содержание. Результаты

Для полного и многомерного описания личности испытуемых был выбран пятифакторный опросник (5 PFQ), который позволил получить полную и содержательную характеристику. Сравнительному анализу подвергались группы смежного курса, в результате чего были выявлены суще-

ственные различия (на уровне $p \leq 0,05$; $p \leq 0,01$). Так, курсанты первого курса более доверчивы, доброжелательны, открыты для контактов и готовы к сотрудничеству. Позитивное отношение к окружающим, терпимость к недостаткам других, постоянная потребность в поддержке характерны для респондентов этой группы. В общественных мероприятиях их отличает персональная ответственность за общий результат. На втором курсе в большей степени проявляются признаки дистанцирования, соперничества и независимости от окружающих.

У курсантов третьего курса доминируют желание подчиняться, избегать внимания со стороны окружающих, появляется стремление быть незамеченными. В отношениях с сокурсниками они более закрыты, интровертированы, у них в меньшей степени проявляется желание к установлению контакта, ориентация на общение и взаимодействие сменяется стремлением решить конкретные задачи.

Курсанты четвертого курса проявляют большую активность, открытость к общению, ищут внимания со стороны окружающих, испытывая при этом осознанную потребность. Полученные данные коррелируют с результатами анонимного анкетирования. Как отмечают выпускники, одним из их желаний является стать хорошим специалистом и занять достойное место в кинологической службе: «Я хочу, чтобы меня заметили».

Психологические особенности личности опытного сотрудника и выпускника вуза имеют существенные различия. У сотрудников главным образом преобладает желание доминировать и руководить, при этом они испытывают потребность в теплоте, сотрудничестве, понимании, уважении со стороны коллег. Действующих специалистов-кинологов отличает от выпускников позитивное отношение к жизни, ярко выраженная потребность нести личную ответственность за общее дело, добросовестное и ответственное выполнение поручений, следование моральным принципам, общепринятым нормам поведения даже в случае их формализма. Высокий уровень добросовестности и сознательности коррелирует с высоким уровнем самоконтроля, обязательности, точности и аккуратности в делах. Особенности личности сотрудника, на наш взгляд, не обязательно могут быть связаны с профессиональной деятельностью, возможно, это результат активной жизненной позиции, опыта и возраста. Как уже отмечалось ранее, профессионализация не является пассивным процессом, становление профес-

сионала невозможно без влияния жизненных обстоятельств. Именно в ходе жизнедеятельности человека как целого формируется готовность к труду и профессионализация в целом.

Выявленные в результате статистического анализа существенные различия между курсантами четвертого курса и опытными сотрудниками, на наш взгляд, вполне объяснимы и закономерны. Курсанты находятся на первичном этапе профессионализации и личностного становления. Процесс овладения профессией, новые социально-психологические условия, трудности объективного и субъективного характера зачастую ставят личность обучающегося в ситуацию выбора и неопределенности, что, несомненно, вызывает психологические изменения. В отношении сотрудников можно отметить, что определенность жизненной ситуации, устойчивый профессиональный статус, четкое осознание своей профессионально-карьерной ориентации характеризует период зрелости. Постановка четких целей и, самое главное, их достижение позволяет добиться стабильности в профессиональной сфере и самореализации в жизни, что формирует соответствующие самооценку и систему отношений к окружающему миру в целом.

Система самоотношения является определяющим фактором при достижении человеком значимых результатов в деятельности, в том числе и

профессиональной. Социально-перцептивные аспекты самосознания, связанные с особенностями самооенок и их корреляцией с оценками окружающих, стали предметом изучения отечественных психологов (А.И. Липкина, А.В. Захаров, В.В. Столин). Так, по мнению В.В. Столина, самосознание осуществляется на трех уровнях: отражение субъекта в системе его ограниченной активности, в системе его коллективной предметной деятельности и отношениях, связанных с этой деятельностью, в системе его личностного развития [4]. В связи с этим нами был использован опросник самоотношения, построенный в соответствии с иерархической моделью структуры самоотношения.

В качестве исходного материала принималось различие содержания «Я-образа» (знания или представления о себе, в том числе и в форме оценки выраженности тех или иных черт) и самоотношения. В течение жизни человек познает себя и накапливает о себе знания, эти знания и составляют содержательную часть его представлений о себе. Однако знания о себе самом, естественно, ему безразличны: то, что в них раскрывается, оказывается объектом его эмоций, оценок, становится предметом его более или менее устойчивого самоотношения.

Таблица 1. Исследование самоотношения (В.В. Столин)

Шкала методики	1-й курс		2-й курс		3-й курс		4-й курс		ОС М
	М	I и II У	М	II и III У	М	III и IV У	М	IV и ОС У	
Открытость	7,00	56,00	6,91	62,50	6,69	94,50	6,44	133	6,47
Самоуважение	7,09	48,00	6,91	61,00	6,46	98,50	6,25	135	6,24
Саморуководство	7,82	39,00	7,27	62,00	7,08	76,50	6,19	133	6,12
Отраженное самоотношение	7,00	48,00	6,55	50,00	5,92	90,50	5,75	133	5,76
Самоценность	7,36	60,50	7,18	67,00	7,15	49,50*	5,88	133	5,82
Самопринятие	5,91	48,50	5,55	60,00	5,92	89,00	5,44	134	5,41
Самопривязанность и удовлетворенность собой	6,91	49,50	6,73	54,00	5,77	79,00	6,63	131	6,53
Внутренняя конфликтность	4,00	55,50	4,27	69,50	4,15	94,00	4,50	130	4,59
Самообвинение	3,18	50,00	4,09	68,50	4,15	87,00	4,69	134	4,65

Примечание: достоверность различий (по U-критерию Манна-Уитни) на уровнях: * — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$; М — среднее значение по шкалам методик.

Анализ полученных результатов показывает (табл. 1), что существенных различий в системе самоотношения у курсантов смежных курсов нет. Это свидетельствует о равномерности изменений в структуре личности показателей «Я-образа». Однако, сравнивая средние значения, можно выявить степень выраженности каждого фактора.

Так, курсанты первого и второго курсов чувствуют себя более принятыми в социуме. Они ощущают, что их ценят, уважают за личностные и духовные качества. Им свойственна открытость, общительность, легкость в установлении деловых или личных контактов. В представлениях курсантов четвертого курса положительное отношение со стороны окружающих возможно лишь за определенные качества и отдельные поступки. По шкале «самоценность» высокие значения характерны для курсантов первого и второго курсов, что говорит об ощущении ценности собственной личности. Респонденты склонны оценивать свою индивидуальность, считать неповторимым свой внутренний мир, что, в свою очередь, позволяет адекватно воспринимать критику и делать соответствующие выводы. У выпускников средние значения по данной шкале свидетельствуют об избирательном отношении к себе, которое проявляется в недооценивании своих возможностей или ощущении личной несостоятельности. На наш взгляд, возможно, это связано с предстоящей профессиональной деятельностью в учреждениях УИС, которая предусматривает самостоятельное принятие решений.

Показатели по шкале «самопривязанность и удовлетворенность собой» демонстрируют степень желания измениться по отношению к себе. Высокие значения характерны для первого и второго курсов. Курсанты стремятся сохранить в неизменном виде личностные качества. Ощущение самодостаточности блокирует возможности личности к самосовершенствованию. Выпускники избирательны по отношению к себе: у них возникает желание к изменению лишь некоторых свойств с сохранением прочих, которые, по их мнению, обеспечивают успехи в деятельности. Значение шкалы у третьего курса свидетельствует о высокой готовности к изменению самого себя, к обретению нового опыта, о желании развиваться.

По шкале «открытость» все респонденты демонстрируют выраженное защитное поведение, желание соответствовать общепринятым нормам в поведении и взаимоотношениях с окружающими.

Шкала «саморуководство» отражает представление личности об основном источнике собствен-

ной активности, результатах и достижениях. Курсанты первого курса источником развития собственной личности, регулятором достижений и успехов считают себя. Испытывают переживания собственного «Я» как внутреннего стержня, который направляет всю активность, формирует поведение и отношения с людьми, что обеспечивает способность реализовывать собственные планы. Респонденты способны оказывать сопротивление внешним влияниям и контролировать переживания в отношении себя. Средние значения по шкале раскрывают особенности отношения к своему «Я» в зависимости от степени адаптированности к ситуации. Курсанты четвертого курса в привычных для себя условиях проявляют выраженную способность к личному самоконтролю. В новых и незнакомых ситуациях регуляционные возможности «Я» ослабевают, усиливается склонность личности к подчинению внешним обстоятельствам.

Судить о выраженности чувства симпатии к себе, согласии со своими внутренними побуждениями, принятии себя таким, какой есть, позволяют результаты анализа по шкале «самопринятие». Курсанты получили средние значения, что свидетельствует об избирательности по отношению к себе, склонности принимать не все свои достоинства и критиковать не все свои недостатки.

Уровень внутренней конфликтности, который характеризует наличие внутренних сомнений, несогласие с собой, выраженность тенденции к самокопанию и рефлексии, у курсантов с первого по четвертый курс имеет среднее значение. Это свидетельствует о том, что в привычной обстановке у респондентов наблюдается положительный фон отношения к себе, признание своих достоинств и высокая оценка своих достижений. Неожиданные трудности и возникающие дополнительные препятствия могут способствовать большей недооценке себя и появлению внутренних противоречий в выборе средств для достижения целей.

Особого внимания заслуживают результаты по шкале «самообвинение». У респондентов первого курса низкие значения свидетельствуют о тенденции к отрицанию собственной вины в конфликтных ситуациях. Защита собственного «Я» происходит путем обвинения преимущественно других, переноса ответственности на третьих лиц. Другие рассматриваются как источник неприятностей. Курсанты со второго по четвертый курс выражают избирательное отношение к себе. Обвинение себя за те или иные поступки сочетается с выражением гнева и досады в адрес окружающих.

Анализируя полученные результаты, необходимо отметить, что курсантам с первого по четвертый курс свойственны нормативные показатели самоуважения. Данный аспект является интегрирующим: все показатели методики свидетельствуют о способности респондентов верить в собственные силы, самостоятельно оценивать свои возможности, правильно распределять энергию самопознания, контролировать собственную жизнь, быть самопоследовательными и понимать себя.

Мотивация учебной деятельности является системообразующим фактором личности, так как напрямую связана с отношением к процессу получения знаний, академической успеваемостью, спо-

собностью преодолевать трудности и реализацией себя в профессии в дальнейшем. Как отмечает Е.П. Ильин, «развитие позитивной мотивации может играть роль компенсаторного фактора в случае недостаточного уровня специальных способностей; однако в обратном случае этот фактор не срабатывает — никакой уровень способностей не может компенсировать отсутствие учебного мотива или незначительная его выраженность не может привести к успехам в учебе» [5].

Методика «Мотивация обучения в вузе», предложенная Т.И. Ильиной, представляет собой вопросы, ответы на которые группируются в три шкалы: приобретение знаний; овладение профессией; получение диплома.

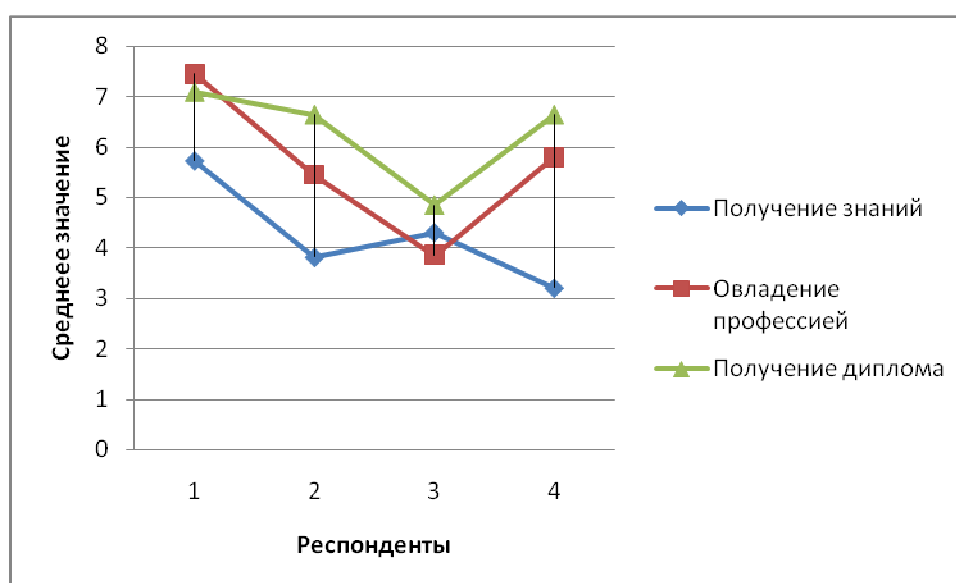
Таблица 2. Мотивация обучения в вузе (Т.И. Ильина)

Шкала методики	1-й курс		2-й курс		3-й курс		4-й курс
	М	И и П У	М	П и III У	М	III и IV У	М
Получение знаний	5,73	27,50*	3,82	62,50	4,31	67,50	3,21
Овладение профессией	7,45	24,50*	5,45	40,00	3,85	44,00*	5,79
Получение диплома	7,09	54,50	6,64	39,00	4,85	49,50*	6,64

Примечание: достоверность различий (по U-критерию Манна-Уитни) на уровнях: * — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$; М — среднее значение по шкалам методик.

Анализируя полученные результаты, необходимо отметить, что для курсантов первого курса характерен высокий уровень мотивации по всем шкалам. Респонденты демонстрируют стремление к получению знаний, любознательность, высокую познавательную активность, желание овладеть

профессиональными знаниями, умениями и навыками, а также профессионально важными качествами, которые будут способствовать успешному профессиональному росту. Наравне с высокими показателями позитивной мотивации к обучению присутствует и желание получить диплом.

Степень выраженности мотивации у курсантов Пермского института ФСИН России

Для курсантов выпускного курса доминирующим мотивом обучения в Пермском институте ФСИН России является получение диплома (рисунк), что вполне объективно. Овладение профессией, получение профессиональных знаний и развитие профессиональных качеств занимают вторую позицию. Неоднозначна позиция курсантов второго курса. Основной целью обучения для них является получение диплома, причем стремление возникает при формальном усвоении знаний, стремление к поиску обходных путей при сдаче экзаменов и зачетов. Для четвертой группы респондентов все три мотива не имеют значимых различий и в одинаковой степени важны.

Заключение

Резюмируя результаты нашего исследования, следует отметить, что профессиональное становление личности — это поэтапный процесс развития и саморазвития в процессе овладения профессиональными компетенциями, решения профессиональных задач, освоения профессиональных понятий, самоутверждения себя как личности и профессионала. Выдвинутая нами гипотеза имеет частичное подтверждение и выражается в том, что на различных этапах становления происходят «раскрытие» психологических свойств и качеств, трансформация мотивационной сферы, изменение системы ценностей и отношений. Процесс становления личности в профессии сопровождается переходом от одного уровня к другому, в результате чего возникают противоречия, вследствие этого личность развивается или переходит в стадию стагнации. С учетом того что становление профессионала происходит не изолированно, а под воздействием макро- и микросреды, выявление психологических особенностей личности, в том числе и деструктивного характера на различных этапах должно стать необходимым условием профессионализации. По нашему мнению, особое внимание должно уделяться психологическому сопровождению становления специалиста как в рамках образовательного процесса, так и в профессиональной деятельности. Учет индивидуально-психологических особенностей личности является одним из ведущих принципов сопровождения профессионально-личностного становления. Мы полагаем, что использованные нами методы (это лишь часть инструментария) могли бы помочь в получении необходимой информации для оказания психологической помощи в овладении профессией и становлении в ней. Кроме это-

го, всем субъектам, имеющим отношение к личности профессионала, важно понимать, что профессиональное и личностное развитие взаимосвязаны. В течение жизни формируется общая готовность к профессиональной деятельности; формируются жизненные ценности, особенно на этапе получения профессионального образования, что оказывает влияние на особенности протекания всего процесса профессионализации.

Список литературы

1. Кудрявцев Т.В. Психолого-педагогические проблемы высшей школы // Вопросы психологии. 1981. № 2. С. 67–82.
2. Зеер Э.Ф. Профессиональное становление инженера-педагога. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 348 с.
3. Фонарев А.Р. Психология становления личности профессионала : учеб. пособие. М.: Моск. психол.-социал. ин-т; Воронеж : МОДЭК, 2005. 240 с.
4. Столин В.В. Самосознание личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 186 с.
5. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002. 512 с.

Получено 18.10.2017

References

1. Kudryavtsev T.V. *Psikhologo-pedagogicheskie problemy vysshey shkoly* [Psychological and pedagogical problems of higher school]. *Voprosy psikhologii* [Voprosy Psychologii]. 1981, no. 2, pp. 67–82. (In Russian).
2. Zeer E.F. *Professional'noe stanovlenie inzhenera-pedagogika* [Professional formation of the teacher-engineer]. Sverdlovsk, Ural University Publ., 1988, 348 p. (In Russian).
3. Fonarev A.R. *Psikhologiya stanovleniya lichnosti professionala: ucheb. posobie*. [Psychology of the formation of the personality of a professional: a manual]. Moscow, MPSI Publ., Voronezh, MODEC Publ., 2005, 240 p. (In Russian).
4. Stolin V.V. *Samosoznanie lichnosti* [Self-consciousness of personality]. Moscow, MSU Publ., 1983, 186 p. (In Russian).
5. Il'in E.P. *Motivatsiya i motivy* [Motivation and motives]. Saint Petersburg, Peter Publ., 2002. 512 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 18.10.2017

Об авторе

Кусакина Елена Аркадьевна

кандидат психологических наук, доцент кафедры
уголовного и уголовно-исполнительного права,
полковник внутренней службы

Пермский институт федеральной службы
исполнения наказаний,
614012, Пермь, ул. Карпинского, 125;
e-mail: kea.perm@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7598-2545

About the author

Kusakina Elena Arkad'evna

Ph.D. in Psychology, Associate Professor
of the Department of Criminal
and Penal Executive Law,
Colonel of Internal Service

Perm Institute of the Federal penitentiary service,
125, Karpinsky str., Perm, 614012, Russia;
e-mail: kea.perm@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7598-2545

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кусакина Е.А. Личностные особенности кинолога уголовно-исполнительной системы на разных этапах профессионального становления // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 596–603. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-596-603

Please cite this article in English as:

Kusakina E.A. Personal features of a cinologist of the penitentiary system at different stages of the professional formation // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 4. P. 596–603. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-596-603

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.014:913

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-604-613

**О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СУБСТАНЦИОНАЛЬНОЙ,
РЕЛЯЦИОННОЙ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИЙ
ПРОСТРАНСТВА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ГОРОДА***Прокофьева Алена Викторовна**Пермский государственный национальный исследовательский университет*

Активизация урбанистических исследований сопровождается разнообразием подходов, при этом по-прежнему остается неоднозначной трактовка одной из ключевых категорий — категории пространства. В условиях многоаспектности самого феномена городского пространства и, следовательно, его статуса — предметного поля нескольких дисциплин представляется необходимым анализ философских концепций пространства в их соответствующем социологическом преломлении. В статье представлен анализ субстанциональной и реляционной трактовок пространства, их сравнение, рассматриваются особенности применения каждой из этих интуиций пространства к анализу городского пространства. Следствием субстанциональной трактовки пространства в социальных науках является пространственный детерминизм и игнорирование как действующего субъекта, так и социальных фактов. Более продуктивным для социологии города представляется синтез реляционной и эпистемологической (кантовской) трактовок пространства. Первая позволяет анализировать город как топологический объект, находящийся одновременно и в физическом, и в сетевом пространстве и зависящий в своем существовании от сохранения конститутивного ядра как отношений самого города с другими топологическими объектами, так и отношений между составляющими его элементами. Кантовская концепция пространства, взятая за основу социологизма в понимании городского пространства, ориентирует на использование арсенала понимающей социологии при анализе смыслов, которыми наделяют пространство действующие субъекты. Соединение данных подходов позволяет, с одной стороны, уйти от проблемы пространственного фетишизма — логического следствия субстанциональной трактовки, что представляется значимым для социологической трактовки города (и его пространства) как социального феномена. С другой стороны, не исключать пространство как категорию из предметного поля социологии в силу его несоответствия в субстанциональной трактовке критериям социологизма. Оба подхода позволяют связать между собой пространство, субъекта, действующего интенционально по отношению городскому пространству и содержащимся в нем объектам в соответствии с субъективными смыслами, и социальные факты, конструируемые индивидами в своем повседневном бытии и оказывающие на них обратное влияние.

Ключевые слова: реляционная концепция пространства, субстанциональная концепция пространства, городское пространство, социология пространства, урбанистические исследования.

**ABSOLUTE, RELATIONAL, AND EPISTEMOLOGICAL CONCEPTIONS
OF SPACE AND THEIR USE FOR THE SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF A CITY***Alyona V. Prokofyeva**Perm State University*

Active development of urban studies is accompanied by the emergence and promotion of the diversity of approaches. Meanwhile, interpretation of one of the key categories — the category of space — still remains

controversial. Taking into account the complexity of the phenomenon of urban space, and hence its status of a subject field of multiple disciplines, it is necessary to carry out the analysis of philosophical concepts of space in their respective sociological refraction. The article presents the analysis of the substantial and relational interpretations of space, their comparison, describes the use of each of these intuitions of space in the analysis of urban space. The result of applying the substantial interpretation of space in social sciences is spatial determinism and ignorance of the social actor and social facts. It seems that a synthesis of relational and epistemic (Kantian) interpretations of space appear to be more productive for urban sociology. The first allows one to analyze a city as a topological object that is simultaneously in physical and online spaces, and dependent in its existence on the conservation of the constitutive core of the relationship between the city and other topological objects, as well as relations between its constituent elements. Following Kant's concept of space, which formed the basis of sociology in understanding of urban space, scholars focus on the use of the arsenal of interpretive sociology in the analysis of the urban space meanings for actors. Combination and use of these approaches, on the one hand, allows for getting away from the problems of spatial fetishism, being the logical consequence of the substantial interpretation, which seems significant for a sociological interpretation of the city (and its space) as a social phenomenon. On the other hand, it allows us not to exclude the space as a category of the subject field of sociology because of its substantial inconsistencies in the interpretation of the criteria of sociology. Both approaches make it possible to establish a harmonious link between the space of the subject, the current intention in relation to the urban space and its contained objects, in accordance with the subjective meanings and social facts that are constructed by individuals in their daily existence and providing a feedback effect.

Keywords: relational conception of space, substantial conception of space, urban space, sociology of space, urban studies.

Введение

Актуальность философских оснований анализа городского пространства связана как со сложностью самого феномена, так и с современной урбанистической теорией, к которой на данном этапе ее развития предъявляется требование междисциплинарности. По Е. Трубиной, современное состояние городских исследований свидетельствует о том, что «урбанистическая теория возможна только как междисциплинарная теория» [1, с. 9]. Такой подход представляется продуктивным и вписывается в постнеклассический тип научной рациональности с его акцентом на междисциплинарные комплексные исследовательские программы, в которых специалисты из разных областей знания анализируют «человекообразные» объекты. В комплексе дисциплин, занимающихся анализом города и его составляющих, на данный момент наблюдается обилие теоретико-методологических подходов и направлений исследований, что связано как с разнообразием общественных отношений в городе, так и с усложнением самого феномена города. Все это требует критического осмысления методологического аппарата городских исследований, который в условиях сложности самого феномена и междисциплинарности его анализа должен быть построен на философских основаниях. Анализ названных философских подходов изучения пространства в качестве методологических оснований урбани-

стических исследований позволит сформулировать принципы их применения в социологическом анализе городского пространства.

В философии категории «пространство» и «время» обозначают формы бытия материальных феноменов. Первая категория призвана отражать их сосуществование (в пространстве), вторая — продолжительность их существования, кардинальные изменения в их качестве (развитие). Представления о пространстве и времени являются основой любой научной и ненаучной (религиозной) космологии, конструируют картину мира. Пространство, основополагающая категория не только философии, но и целого ряда отраслей научного знания, тем не менее понимается в них весьма абстрактно, что делает возможность сопоставления содержания данной категории в различных науках затруднительным. Кроме того, в результате развития наук трактовка пространства (или ее отсутствие) не воспринимается большинством научного сообщества как проблематичная. Это может касаться как сложившихся еще на заре становления в той или иной науке трактовок пространства, которые последующими поколениями ученых принимаются «как само собой разумеющееся знание», как это случилось, например, в географии. В социологии же в поздний классический период в силу методологической установки на социологизм произошло вытеснение на периферию или полное исключение категории пространства из социологического знания. На это об-

стоятельство А.Ф. Филиппов в приведенном в «Социологии пространства» систематическом обзоре работ С. Лаймена и М. Скотта, Ф. Лехнера и Дж. Урри указывает, что социологи знают, что деятельность пространственна, а социальные практики оформлены пространственными паттернами, однако не уделяют данной категории достаточного внимания [2, с. 18]. Если классики социологии (Г. Зиммель, Э. Дюркгейм, Р. Парк) могли рассуждать о значении пространства, о территориальных аспектах социальной жизни, то в дальнейшем в социологии «непосредственное отношение к пространству, интерес к контактам и очевидным местоположениям перестал быть не только теоретическим, но и каким бы то ни было *научным* интересом». Пространство в социологии воспринимается как определенная характеристика, которую необходимо учитывать в анализе социальных процессов, но никто из социологов не ставит проблему пространства в центр своей концепции («за исключением Э. Гидденса и Дж. Урри») [2, с. 23]. Понимание того, каким образом формировалось содержание основных категорий науки, какие стратегии избирались ее основоположниками для завоевания научной легитимности, а также каким образом определение междисциплинарных границ и характера взаимодействия с другими науками и в первую очередь с философией, повлияло на содержание основных понятий — весьма полезно для дальнейшего развития науки.

В целом в философии и науке можно выделить два основных подхода к трактовке пространства: *субстанциональную* и *релятивистскую (реляционную)*. Кроме двух указанных трактовок, которые швейцарско-немецкий социальный географ Бенно Верлен также именуется как *ньютоновско-декартовская* и *лейбницева* соответственно, он выделяет третью — *кантовскую* [3]. Эти три философские интуиции пространства представляются ему необходимыми для понимания причин пространственного детерминизма в современной географии, мы будем использовать их для систематизации представлений о городском пространстве в социологии города.

Субстанциональная трактовка пространства (Р. Декарт, И. Ньютон)

В рамках *субстанциональной* концепции пространство, как и время, представляет собой особую сущность, оно существует само по себе, независимо от материальных объектов и процессов. Данный подход встречался уже в античности, в

частности в учениях атомистов Демокрита и Эпикура о пустоте. Классическое свое завершение он получил в логике пространства И. Ньютона и Р. Декарта, мыслителей Нового времени, для которых было характерно стремление противопоставлять себя схоластической традиции, во многом опиравшейся на понятия и методы Аристотеля. Аристотелевская трактовка пространства как «места», как структуры и системы сосуществования всех мест ближе к противоположной для субстанциональной, реляционной трактовке.

Р. Декарт приравнивает пространство к протяжению, выступающему главным атрибутом пространства, через который оно познается, и отождествляет его с материей, независимой, т.е. существующей сама по себе. Пространство возводится Декартом в ранг сущего, и поскольку оно приравнивается к телесной субстанции, не может представлять собой ничто. Кроме того, пространство, как доказывает Декарт, отвергая идею атомизма, бесконечно делимо, хотя и не пронизуемо для других частей пространства [4, с. 352–357].

У И. Ньютона пространство рассматривается как независимое от находящихся в нем тел и существующее прежде них. Однако вопрос об онтологическом статусе пространства вызывает затруднения: пространство не является ни телесной субстанцией, ни атрибутом, но некоей присущностью (*affectio*) всякого сущего. В «Математических началах натуральной философии» и «Оптике» бесконечное и вечное пространство предстает как необходимое проявление божественной сущности, отличное от нее (поэтому и абсолютное пространство без тел не есть пустота) [5, с. 30–33]. Пространство у Ньютона — своего рода субстанция сотворенного физического мира, из которой Творец производит тела посредством «закрываются» некоторых частей пространства. Бесконечное пространство, таким образом, выступает у Ньютона божественным чувствилищем, *sensorium Dei*, в котором Бог непосредственно видит и воспринимает все вещи.

Абсолютная или субстантивистская интуиция пространства по сути сводится к существованию пространства, независимого от происходящих в нем явлений и существующих вещей. Б. Верлен довольно критически относится к данному подходу применительно к социальной географии, утверждая, что итогом философских споров о пространстве стала невозможность поддерживать субстанциональную его трактовку. Опуская подробный разбор контраргументов субстанциональной трактовки, он предлагает своеобразный

мыслительный эксперимент: «Если бы “пространство” было объектом, т.е. пригодным для исследования объектом, тогда мы могли бы указать на место пространства в физическом мире. Но это невозможно. Пространство не существует как материальный объект или как (содержательный) теоретический объект» [3, с. 33]. Верлен видит в качестве проблемы современной социальной географии, чьи исследовательские интересы во многом пересекаются с социологией города, пространственный детерминизм в анализе соотношения «пространства», «общества» и «субъективности». Причиной того, что географы принимают «пространство» или «ландшафт» не просто как объект, но как причину, детерминирующую социальные процессы, является приверженность субстантивистской интуиции пространства. Даже несмотря на явную попытку переориентации современной социальной географии на возвращение субъекта и на более адекватные модели объяснения социальных процессов, по его мнению, субъективность, человеческая деятельность и социальные факты так или иначе редуцировались к пространственным категориям. Необходимость постановки трактовки пространства в социальной географии на «социологические рельсы», а именно с опорой на теории действия, сближает современную проблематику этой науки с социологической, в которой, в свою очередь, ряд авторов актуализировали необходимость возврата к анализу пространства как социологической категории.

Применительно к социологии города, столь сильно критикуемая субстанциональная интуиция пространства оказывается довольно «живучей» [6]. Мысля в логике Декарта и Ньютона, город и пространство могут рассматриваться как отдельные категории, т.к. город может располагаться «в» пространстве. Для самого городского пространства может быть использована метафора аквариума, заполненного городской средой с физическими (инфраструктурой) и социальными объектами (людьми). Абсолютизация идеи пространства приводит в конечном итоге к пространственному фетишизму (Б. Верлен), в том числе и в урбанистике, когда значимыми представляются не те располагаемые в пространстве неживые объекты (городская инфраструктура) и живые объекты (индивиды и их действия) и их соотношение, а само пространство. Не считая узости и однобокости данной трактовки, не очень понятно, какие объяснительные модели она может предложить как для социологии города, так и для урбанистики в целом. Города, таким образом, представляются

даже не средоточием людей, в них проживающих, или объектов, артефактов, созданных культурой, но просто протяженностью, пространством-контейнером.

Эпистемологическая трактовка пространства (И. Кант)

В философии Нового времени наряду с субстанциональной трактовкой, пространство рассматривается не только «объективно», как связанное с физическими телами, но и «субъективно», как продукт сознания или восприятия. Подобной интерпретации придерживались Т. Гоббс с его идеей пространства как воображаемого образа существующей вещи и Дж. Локк, для которого пространство — субъективная идея расстояния между вещами или объема, синтезируемая чувственным восприятием вещей. В философской системе И. Канта пространство и время выступают априорными формами чувственного восприятия, благодаря которым упорядочивается наше созерцание [7, с. 403; 8, с. 144]. «Пространство не является эмпирическим понятием (Begriff), полученным в результате абстрагирования от внешнего опыта. Пространство — это необходимое представление и, следовательно, оно априорно» [3]. Под подобную форму чувственности наше сознание всегда подводит материал чувственного восприятия, и именно благодаря ей и становятся возможны априорные синтетические суждения математики (геометрии), необходимость и универсальность которых обеспечивается априорностью пространства. Пространство как трансцендентальная категория позволяет нам воспринимать мир как пространственный, оно часть нашей «внутренней оптики», упорядочивающей наш мир.

Развитие трансцендентально-субъективистской концепции пространства И. Канта можно найти в феноменологических исследованиях пространства в форме двух парадигм: парадигмы телесности (Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти) и парадигмы значимости (М. Хайдеггер) [9, с. 211]. Первая ставит ориентированность пространства в зависимость от телесности субъекта, тело которого является центром оси координат, относительно которого выстраиваются все пространственные разделения: «здесь – там», «близкий – далекий», «правый – левый», «верх – низ» [9, с. 214]. В рамках парадигмы значимости смысл изначальной пространственности «тут-бытия» задается прагматическими возможностями той или иной ситуации жизненного мира, а именно тем, что оказывается в манипулятивной зоне действующего субъекта. В феномено-

логической социологии А. Шюца индивидуальные перспективы зависят от местоположения субъекта, его «здесь-и-сейчас», при этом предпосылка взаимности перспектив позволяют говорить от том, что знание места не индивидуально, это разделяемое участниками знание. «Место имеет смысл, и знание места есть знание этого социального смысла» [2, с. 142].

Применительно к социологии пространства и к социологии города эта, названная Верленом «эпистемологической», интуиция пространства говорит о невозможности его анализа отдельно от наблюдателя, познающего субъекта, и от субъекта действующего. В социологическом анализе значимой становится проблема смыслов, которыми наделяется пространство в целом и городское пространство в частности. В рамках социологической теории априорные категории пространства и времени признаются социальными. Э. Дюркгейм настаивает на социальном происхождении общих людям определенного положения и культуры форм мировосприятия и категорий, приводя примеры того, как люди, принадлежащие одной «цивилизации», понимают пространство схожим образом. Г. Зиммель отмечает важность для социологического анализа понимания того, как представляют себе пространство сами взаимодействующие. Город, таким образом, является результирующей тех смыслов, которыми наделяют его социальные группы, населяющие город. Представление о том, что каждая из этих групп отстаивает собственные, зачастую противоположные, интересы, открывает широкие возможности для теоретизирования в этой области — начиная от неомарксистских идей производства пространства А. Лефевра и его последователей, целого корпуса исследований политической борьбы городских элит в области социологии власти и заканчивая феноменологией городского пространства и исследованиями восприятия городского ландшафта К. Линча.

Реляционная трактовка пространства (Г.В. Лейбниц, А. Эйнштейн)

Субстанциальному подходу в трактовке пространства и времени в истории философии и науки противопоставляется *реляционная* концепция пространства и времени. Определенный ранний вариант реляционной трактовки пространства мы можем найти у Аристотеля в связи с его трактовкой понятия «место». Аристотелевский тезис «природа боится пустоты» предполагает анализ пространственной характеристики тела, его «ме-

ста». Место не есть ни материя, ни форма, ни протяжение, но то, в чем помещается тело. Место пространственно, то есть трехмерно, и обладает некоей силой, обуславливающей движение относительно него, само при этом являясь неподвижным. Всякое тело движется к своему естественному месту, в котором тело покоится, целый космос в связи с этим трактуется как система естественных мест. Один из крупных отечественных социологов А.Ф. Филиппов в своей работе «Социология пространства» говорит о значимости различения и соотнесения понятий «место» и «пространство» в том числе и в рамках городских исследований¹. Кроме того, позиция Аристотеля представляется значимой для понимания пространства в социальной теории потому, что место в его системе мыслится неразрывно связанным с телом. В данном случае вновь можно обратиться к позиции Б. Верлена, активно выступающего за социологическую интервенцию концепции социального действия в социальную географию. Как здесь сочленяются место (пространство), тело и действие? У Верлена эта связка осуществляется следующим образом: раз действие предполагает действующего, а действующие обладают телом, то и подход, основанный на центральном положении действия, обладает определенной «материальностью». Действие, протекающее в пространстве, обладающем определенными объективными, материальными характеристиками, совершается индивидом, обладающим телом, также материальным по своей природе. При этом важно подчеркнуть, что действие трактуется не в бихевиористском ключе (для которого более активно используется понятие «поведение») как реагирование на стимулы внешней среды, а как обладающее смыслом и интенциональностью. Эти два обстоятельства позволяют актерам избегать «порабощения» пространством, которое в бихевиористском подходе получало бы интерпретацию среды, полной стимулов, на которые требуется реагировать, а сам актер лишался бы самостоятельности. Бихевиористская трактовка пространства также ведет к пространственному детерминизму, тогда как остальные составляющие —

¹ Пространство может трактоваться либо как *a)* определенное место (нечто обозримое и включающее в себя тела), либо как *б)* место, включающее множество мест, либо как *в)* совокупное пространство, так сказать, «пространство с большой буквы», в котором только и обнаруживаются все возможные места, т.е. пространство как идея [2, с. 52].

действующий субъект и социальное — лишаются объективного статуса и детерминирующей силы.

Другая значимая для реляционной трактовки пространства позиция выражена взглядами Г.В. Лейбница, полемизировавшего с С. Кларком, представляющим взгляды И. Ньютона по вопросам о сущности пространства и времени. Лейбниц настаивал на том, что пространство и время не существуют сами по себе, отдельно от объектов и процессов, а лишь представляют собой особые отношения между ними. Понятие пространства выражает лишь рядоположенность физических объектов, есть только отношение и порядок сосуществования как действительных, так и возможных явлений и вещей [10, с. 441] «*Пространство — вообще ничто без тел, но оно есть возможность их размещения.* (Лейбниц)» [3]. Если применить логику Лейбница к городскому пространству и довести ее до логической крайности, то городское пространство не может существовать вне горожан, его населяющих, вне урбанистических процессов, в нем протекающих, и объектов городской инфраструктуры, в нем размещенных. Говорить о городском пространстве отдельно от всего этого представляется бессмысленным и с практической, и с теоретической точек зрения.

Достижения современной науки (неевклидова геометрия, теория относительности и др.) во многом усилили именно реляционный подход к пониманию пространства и времени. В этом плане в первую очередь надо выделить достижения физики XX в., а именно создание теории относительности А. Эйнштейном. Специальная теория относительности доказала, что в реальном физическом мире пространственные и временные интервалы меняются при переходе от одной системы отсчета к другой. Теория относительности показала, что при увеличении относительной скорости движения системы отсчета (близкая к скорости света) пространственные интервалы сокращаются, а временные растягиваются. Теория относительности обнаружила еще одну существенную сторону пространственно-временных отношений материального мира — глубокую связь между пространством и временем, показав, что в природе существует единое пространство-время. В специальной теории относительности А. Эйнштейна пространство является четырехмерным пространством Минковского (время может быть принято за мнимую пространственную координату) и представляет собой псевдоевклидово многообразие, в котором находятся различные физические

поля. Концепция единого пространства–времени была воспринята и другими, в том числе гуманитарными науками; определенный интерес для нас в данном случае представляет понятие «хронотоп». Данное понятие было введено физиологом А.А. Ухтомским и означало «закономерную связь пространственно-временных координат», в контексте человеческого восприятия предполагалось, что «с точки зрения хронотопа, существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события» [11, с. 342–347]. Затем понятие «хронотоп» было инкорпорировано в литературоведение М.М. Бахтиным и получило распространение в истории и культурной антропологии (А. Гуревич) и социальной психологии, в которой оно трактуется как некоторая характерная коммуникативная ситуация, повторяющаяся в определенном времени и месте (например, хронотоп больничной палаты или хронотоп школьного урока). В социологии города своеобразное преломление концепция хронотопа получила в работе «Образ города» К. Линча, создателя метода ментального картографирования города. При этом «Образ города» — это анализ городского хронотопа не с позиции профессиональной установки, а с позиции человека, живущего в городе и воспринимающего формы его среды [12]. Города — это продукт деятельности многих людей, постоянно изменяющих их структуру, в котором не может быть статичности, а есть непрерывная последовательность состояний. «Будучи сформированным, образ начинает ограничивать круг воспринимаемого в нем, сам же он постоянно испытывается в столкновении с отфильтрованными через него впечатлениями в процессе неустанного взаимодействия» [13, с. 15].

Специальная и общая теории относительности указали не только на связь пространства и времени между собой, но и на их связь с состояниями движущейся материи, характером поля тяготения и взаимным расположением тяготеющих масс. В городе метафоричное искривление пространства и изменение хода времени можно наблюдать в трансформации одних мест на другие при изменении количества участников или самих объектов городской среды. Выход определенного количества горожан на площадь или эспланаду, равно как и добавление в эти места определенных объектов (фестивального городка, открытой концертной сцены или трибуны для публичных выступлений) может трансформировать это место в публичное. Несомненно, что рефрейминг места будет напрямую связан с наделением его другими

смыслами, однако и количество участников будет играть определенную роль. Иллюстрацию этого принципа мы можем найти у Л. Лофланд, описавшей превращение одного из того же пространства в частную местно-локальную или публичную сферу. Превращение частной резиденции в дом-музей с экскурсиями, бронирование ресторана под частное обслуживание семейного торжества, организация свадьбы в пространстве открытого парка — все это примеры переключений между сферами — от придания статуса публичности до создания внутри публичной сферы «пузырей» приватного [14]. Так она описывает, используя понятие «путешествующие стаи» (*traveling pack*), ситуацию, когда достаточно большая группа хорошо знающих друг друга людей и имеющих устойчивую идентификацию с группой может создавать «пузыри» приватного в публичном пространстве. Их достаточное число, и личные связи между собой создают ситуацию защиты и взаимной поддержки, порождающей самоуверенность таким образом, что их поведение может существенным образом отличаться от других людей, находящихся в этом пространстве. Например, именно достаточное количество участников и интенсивность их общения позволяет группе подростков превращать публичное пространство аэропорта в свою местно-локальную территорию, навязывая окружающим свои образцы поведения.

Реляционная концептуализация пространства порождает не-физическую и не-географическую модель мышления о городе [6]. Поскольку пространство в такой трактовке лишается не только причиняющей силы, но и онтологического статуса, являясь лишь характеристикой соположения, сосуществования тел, это открывает перспективы для рассмотрения города как топологического объекта. Именно подобным образом рассматривает город ключевой теоретик пространства в акторно-сетевой теории Дж. Ло. Города не находятся в пространствах-контейнерах, они сами являются пространственными объектами, понимание чего диктует нам необходимость рассмотрения как порядка отношений, составляющих их элементов, так и их соотношения с другими объектами вне пределов его географической локации (с другими городами и поселениями иного типа, аэропортами, границами, природным ландшафтом и т.д.). Можно предположить, что некоторые города в большей степени определяются своими внешними отношениями, а некоторые — внутренними. Образование провалов на стратегически важном для города месторождении или банкрот-

ство градообразующего предприятия могут привести в перспективе к его исчезновению в том случае, если город конституируется в первую очередь внутренними отношениями. Есть города, «как правило, крупные столичные мегаполисы, непрерывно меняющиеся внутри, но сохраняющие свое положение в отношениях с другими городами, регионами, центрами силы» [6].

Смерть и жизнь городов как сетевых пространственных объектов обуславливается сохранением или потерей непрерывности формы. Согласно Дж. Ло, «объекты представляют собой эффект некоторых устойчивых множеств или сетей отношений. Наше фундаментальное допущение таково: объекты сохраняют свою целостность до тех пор, пока отношения между ними устойчивы и не изменяют своей формы» [15]. К примеру, каков был разрыв формы как внутренних, так и внешних отношений, приведший к потере Детройтом статуса «автомобильной столицы мира» в последней четверти XX в.? Сеть отношений, конституировавших Детройт, видоизменилась как на макроуровне из-за нефтяного и энергетического кризисов 70-х гг., переноса крупными корпорациями своих промышленных производств в Азиатско-Тихоокеанский регион, так и на мезоуровне — из-за окончания крупных и длительных военных конфликтов, которые обеспечивали город правительственными военными заказами, и антивоенных стачек и забастовок американских профсоюзов, и на микроуровне — из-за субурбанизации, ставшей итогом массовой автомобилизации населения, финансового упадка в силу отъезда платежеспособного населения, и геттоизации городского центра. Если в случае Детройта изменение сети внешних и внутренних отношений, социальных и пространственных составляющих города (перенос производств, сокращение прибылей и инвестиций, пространственные изменения в самом городе, изменение состава населения) привело к «негеоморфному преобразованию топологической формы города» [6, с. 28], то в случае с Лондоном XVII в. подобного морфогенеза не произошло. Видоизменение его пространственных границ, массовая вспышка чумы (Великая чума 1665–1666 гг.), уничтожившая одну пятую часть населения города, Великий лондонский пожар 1666 г., нанесящий серьезный урон инженерной и социальной городской инфраструктуре (уничтожено 60 % жилых домов и 87 церквей), несмотря на масштабность последствий, не задела конститутивное ядро отношений. Казалось бы, из-за таких масштабных потерь внутрен-

него характера должен был произойти «разрыв формы». Однако поскольку более значимым оказалось сохранение положения во внешней сети отношений с другими городами Великобритании и другими регионами и странами, после сравнительно небольшого периода восстановления Лондон не просто продолжал оставаться британской столицей, но и утвердился к концу XVII в. как один из самых крупных финансовых центров Европы. Таким образом, город сосуществует как в пространстве географическом, так и в пространстве сетевом, что позволяет ему оставаться собой до тех пор, пока сохраняются их устойчивые внутренние и внешние отношения, включающие в себя как социальные, так и физические объекты. В такой трактовке городское пространство представляется многомерным, сложным явлением, требующим реляционного понимания. Городское пространство и его качества есть результирующая коллективных действий по созданию мест, которая включает различные человеческие и нечеловеческие актаны и отношения между ними. Такое понимание городского пространства включает в себя и связь между ситуациями (жизненного мира) и их восприятием (субъективным и интерсубъективным) субъектами действия. Вместо того чтобы рассматривать пространство как «контейнер, в котором мир продолжается», синтез реляционной и феноменологической концепции пространства позволяет видеть его, с одной стороны, в качестве продукта действия социальных, субъективных и физических составляющих, а с другой стороны, в качестве условия и фактора протекания действия и взаимодействия как между субъектами, так и между человеком и средой.

Выводы

Подводя итог рассмотренным концепциям и подходам, следует отметить неразрывную, но не всегда рефлекслируемую исследователями-социологами связь между философскими подходами к трактовке пространства и социологическими принципами анализа городского пространства. Субстанциональная, реляционная и эпистемологическая (кантовская) трактовки пространства находят свое воплощение и в социологических подходах к рассмотрению пространства города. Субстанциональная концепция пространства является довольно распространенной в социологической теории, поскольку, по мнению А.Ф. Филиппова, в анализе городского пространства социологам крайне сложно отказаться от метафоры пространства-контейнера. Несмотря на

это, метафора не представляется нам достаточно плодотворной, поскольку ведет к игнорированию роли действующего субъекта, что довольно парадоксально для социологии. Однако и в этой области наблюдаются некоторые сдвиги, в частности в рамках теории информационного общества. Так, М. Кастельс предлагает рассматривать город скорее как «пространство потоков», а не «пространство мест». Этот подход имеет свои корни в релятивистской трактовке пространства, которая представляется нам более перспективной. Еще одно интересное воплощение она получает в рамках социальной топологии Дж. Ло и рассмотрении в рамках данного подхода города как топологически множественного объекта. Этот новый подход, смещающий анализ на сети и потоки, представляется перспективным, поскольку дает новые возможности для исследования, одновременно возвращая к важным методологическим вопросам и обогащая понимание предмета науки. В силу специфики самого городского пространства в его связи с социальным плодотворным представляется и эпистемологическая трактовка пространства И. Канта. Данный подход Канта нашел свое воплощение в концепциях Г. Зиммеля и Э. Дюркгейма на классическом этапе становления социологической теории. Однако и по сей день он не теряет свою актуальность, поскольку мы наблюдаем регулярное возвращение к работам Г. Зиммеля в рамках урбанистической социологии. Именно соединение лейбницевской интуиции пространства с кантовской позволяет в анализе города гармонично связать между собой субъекта, действующего интенционально по отношению городскому пространству и содержащимся в нем объектам в соответствии с субъективными смыслами, социальные факты, конструируемые индивидами в своем повседневном бытии и оказывающие на них обратное влияние, и пространство, воспринимаемое не только как физическое, но и как сетевое.

Дальнейший анализ философских оснований городских исследований, в частности анализ городского пространства, должен существенно обогатить как урбанистическую теорию, так и социологию города, создать для нее более прочную методологическую базу, фундамент для сближения различных подходов и дисциплин, занимающихся изучением города. Выбор же предельно общего, общенаучного, философского подхода к пространству будет зависеть от тех аспектов, которые являются ключевыми для каждого исследования в каждом конкретном случае.

Список литературы

1. Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 520 с.
2. Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008. 285 с.
3. Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география / пер. с англ. С.П. Баньковской // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1, № 2. С. 26–47.
4. Декарт Р. Первоначала философии. 1644 // Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 352–357.
5. Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М.: Наука, 1989. 688 с.
6. Вахштайн В. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. 2014. № 2. С. 9–38. URL: <http://socofpower.rane.ru/2-2014-ot-megapolisa-k-geteropolisu> (дата обращения: 20.02.2016).
7. Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостижаемого мира // Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 2. 510 с.
8. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 3. 799 с.
9. Бейдаш Ю.А. Анализ пространства в феноменологии Эдмунда Гуссерля и Мориса Мерло-Понти // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 4(28). С. 211–218.
10. Лейбниц Г.В. Переписка с Кларком // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. 636 с.
11. Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.
12. Михельсон М.О. Пространство и время городской культуры: проблема соотношения принципов диахронии и синхронии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. Т.1, № 18. С. 66–70. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvo-i-vremya-gorodskoy-kulturyproblema-sootneseniya-printsipov-diachronii-i-sinhronii> (дата обращения: 12.09.2017).
13. Линч К. Образ времени // Образ города. М.: Строитель, 1982. 328 с.
14. Lofland L. The Public Realm: Exploring the City's Quintessential Territory. N.Y., 1998. 326 p.
15. Ло Дж. Объекты и пространства // Социология вещей / под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего. 2006. С. 233–244.
16. [derstand the space]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011, 520 p. (In Russian).
17. Filippov A.F. *Sotsiologiya prostranstva* [Sociology of space]. Saint Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2008, 285 p. (In Russian).
18. Verlen B. *Obshchestvo, deystvie i prostranstvo. Al'ternativnaya social'naya geografiya* [Society, action and space. Alternative social geography]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological review]. 2001, vol. 1, no. 2, pp. 26–47. (In Russian).
19. Descartes R. *Pervonachala filosofii. 1644*. [Principles of Philosophy. 1644]. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Mysl' Publ., 1989, vol. 1, pp. 352–357. (In Russian).
20. Newton I. *Matematicheskie nachala natural'noy filosofii* [The Principia: Mathematical Principles of Natural Philosophy]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 688 p. (In Russian).
21. Vakhshayn V. *Peresborka goroda: mezhdru yazykom i prostranstvom* [Reassembling the City: Between Language and Space]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. 2014, no. 2, pp. 9–38. Available at: <http://socofpower.rane.ru/2-2014-ot-megapolisa-k-geteropolisu> (accessed 20.02.2016). (In Russian).
22. Kant I. *O forme i principah chuvstvenno vosprinimaemogo i umopostigaemogo mira* [On the form and principles of the sensible and the intelligible world]. *Sochineniya: v 6 t.* [Works: in 6 vols.]. Moscow Mysl' Publ., 1964. vol. 2, 510 p. (In Russian).
23. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. *Sochineniya: v 6 t.* [Works: in 6 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1966, vol. 3, 799 p. (In Russian).
24. Biedash Yu.A. *Analiz prostranstva v fenomenologii Edmunda Gusserlya i Morisa Merlo-Ponti* [Space analysis in Edmund Husserl's and Maurice Merleau-Ponty's phenomenology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal Of Philosophy Sociology And Political Science]. 2014, no. 4(28), pp. 211–218. (In Russian).
25. Leybnits G.V. *Perepiska s Clarkom* [The Leibniz-Clarke Correspondence]. *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1982, vol. 1, 636 p. (In Russian).
26. Ukhtomsky A.A. *Dominanta* [A Dominant]. Saint Petersburg, Peter Publ., 2002, 448 p. (In Russian).
27. Michelson M.O. *Prostranstvo i vremya gorodskoy kultury: problema sootnosheniya printsipov diachronii i sinchronii* [Space and time of urban culture: the problem of correlating principles diachrony and synchrony]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*

Получено 03.10.2017

References

1. Trubina E.G. *Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva* [A city in theory: experiments to un-

- im. A.I. Gercena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences]. 2006, vol. 1, no. 18, pp. 66–70. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvo-i-vremya-gorodskoy-kulturyproblema-sootneseniya-printsipov-diahronii-i-sinhronii> (accessed 12.09.2017). (In Russian).
13. Lynch K. *Obraz vremeni* [The image of time]. *Obraz goroda* [The image of the city]. Moscow, 1982, 328 p. (In Russian).
14. Lofland L. *The Public Realm: Exploring the City's Quintessential Territory*. New York, 1998. 326 p. (In Russian).
15. Law J. *Ob'ekty i prostranstva* [Objects and Spaces]. *Sociologiya veshhey* [Sociology of Things]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2006, pp. 233–244. (In Russian).
- The date of the manuscript receipt 03.10.2017*

Об авторе

Прокофьева Алена Викторовна

старший преподаватель кафедры социологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: prokofyeva.alena@gmail.ru
ORCID: 0000-0001-6199-3219

About the author

Prokofyeva Alyona Victorovna

Senior Lecturer of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: prokofyeva.alena@gmail.ru
ORCID: 0000-0001-6199-3219

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Прокофьева А.В. О возможности использования субстанциональной, реляционной и эпистемологической концепций пространства в социологическом анализе города // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып.4. С. 604–613. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-604-613

Please cite this article in English as:

Prokofyeva A.V. Absolute, relational, and epistemological conceptions of space and their use for the sociological analysis of a city // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 4. P. 604–613. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-604-613

УДК 316.32:332.834.7

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-614-621

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО АКТИВИЗМА В РОССИИ

Яковлева Ольга Константиновна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Социальную активность предлагается считать оценкой качества общественных преобразований, связанных с формированием гражданского общества в России, построением социального, демократического государства, обеспечивающего повышение качества жизни, реализацию прав и свобод граждан. Поскольку изучаемое явление имеет явно выраженный междисциплинарный характер, социальный активизм и благотворительное поведение рассматриваются с точки зрения деятельностно-активистского подхода в социологии Э. Гидденса, А. Турена, П. Штомки, В. Ядова. Выявление социокультурных характеристик коллективной социально-исторической памяти российского социума (А. Ахиезер) дало возможность рассмотреть с этих позиций особенности проявления социально активного поведения массового субъекта и в современной России. При этом обращается внимание на специфические условия формирования социального активизма в период становления российской государственности. Современный период определен как отличающийся неопределенностью ориентиров развития структур гражданского общества и проявлением современного активизма в организационных формах «традиционного» и «нового» типов. При выявлении особенностей благотворительного поведения как формы активизма обращается внимание на наличие в российских практиках благотворения неформального, помогающего начала, бескорыстного, распространенного как «обмен благом», без расчета на близкую отдачу. Рассматриваются виды благотворительной деятельности, формы благотворительности, своеобразие благотворительного поведения, лежащие в рамках правовых, общественно определенных и социокультурных норм современного российского социума, при этом делается вывод, что образ благотворительности медленно входит в обычную практику жизни и пока с трудом закрепляется в общественном сознании.

Ключевые слова: социальный активизм, гражданский активизм, общественный активизм, гражданское и общественное участие, низовая самоорганизация, благотворительность, добровольчество, волонтерство, краудсорсинг.

CHARITABLE BEHAVIOR AS A FORM OF SOCIAL ACTIVISM IN RUSSIA

Olga K. Yakovleva

Perm State University

Social activity is usually considered to be a measure of social transformations associated with the formation of the civil society in Russia, the construction of a social, democratic state that ensures the improvement of the quality of life, the realization of the rights and freedoms of citizens. Since the phenomenon under study has a strongly marked interdisciplinary character, the article presents investigation into social activism and charitable behavior in terms of the activity-activist approach in the sociology of E. Giddens, A. Turen, P. Shtomki, V. Yadov. Identifying the socio-cultural characteristics of the collective socio-historical memory of the Russian society (A. Akhiezer) helped to consider these changes in socially significant subjects in contemporary Russia. The author of the article pays close attention to the specific conditions of the formation of social activism during the formation of the Russian statehood. The contemporary period is characterized by uncertain benchmarks for the development of the civil society and by manifestation of contemporary activism in organizational forms of «traditional» and «novel» types. Identifying the characteristics of charitable behavior as a form of activism, the article draws attention to the following feature of Russian charitable practices: here functions an informal, helping, altruistic basis, when the good is exchanged for the good without hoping for a close

return. The article considers different kinds of charitable activity, forms of charity, the originality of charitable behavior that lies within the framework of legal, socially defined and sociocultural norms of the contemporary Russian society. Nevertheless, the author concludes that the image of charity is slowly entering the ordinary practice of life and is far from being entrenched in the public consciousness.

Keywords: social activism, civic activism, public activism, civil and public participation, grass-roots organization, charity, volunteering, crowdsourcing.

Введение

Обращаясь к проблеме изучения особых форм социально активного поведения, каким, бесспорно, является благотворительное, заметим, что тема социальной активности, особенно в последнее время, часто возникает, когда речь заходит об оценке качества общественных преобразований, связанных с формированием гражданского общества в России, построением социального, демократического государства, обеспечивающего повышение качества жизни, реализацию прав и свобод граждан. В этих условиях социальная активность индивидов и групп становится важным ресурсом общественных преобразований и объектом внимания исследователей.

Поскольку изучаемое явление носит явно выраженный междисциплинарный характер (теме социальной активности индивидов и групп в разработке парадигм коллективного действия и теории мобилизации ресурсов посвятили свои работы Дж. Мак-Карти, М. Залд, М. Ольсен, А. Смит и Дж.С. Милль), для изучения его с методологической точки зрения необходимо работать в какой-то одной системе взаимосвязанных понятий. В научной литературе при характеристиках гражданской активности часто употребляются как совпадающие по смыслу понятия: «общественный активизм», «гражданский активизм», «социальный активизм», «гражданское и общественное участие», «низовая самоорганизация», «инициативная общественная активность граждан». Однако мы полагаем, что понятия «гражданский активизм» и «общественный активизм» больше связаны с отражением публичности действия и не вполне передают содержание такой формы социальной активности, какой является благотворительность, поэтому считаем наиболее целесообразным использование понятия «социальный активизм». Следом за О.Н. Яницким и И.Б. Мардарь мы под социальным активизмом предлагаем понимать добровольную, инициативную, целенаправленную деятельность индивидов и их групп, ориентированную на социальные преобразования, участие в решении социальных проблем [1]. Так, И.Б. Мардарь предлагает рассматривать социальный активизм как деятельность, направленную на

достижение общественных интересов и целей, которая является неотъемлемой частью жизни общества [2]. Можно также сказать, что источники активизма заложены в самом существовании индивида, в его потребности в самореализации, свободе, признании и в обществе, которое через свои институты имеет возможность организовывать, направлять и контролировать социальную активность. Многообразие видов социального активизма в обществе хотя и связано с многообразием институционально закрепленных упорядоченных отношений, но не исчерпывается ими: оно «богаче» и разнообразнее этих отношений. Именно с социальным активизмом связано усложнение и развитие системы социальных связей и норм, определение значимости тех или иных общественных ценностей в поведении индивидов. Хотелось бы также уточнить: выявление особенностей благотворительного поведения как выражения гражданской активности в России связано с уникальными, ранее развитыми практиками помогающего поведения, распространенного как «обмен благом», которое носило неформальный характер местных норм, устных договоренностей, помощи без расчета на вознаграждение и которое можно считать прообразом будущей благотворительности как социального института, но не синонимом благотворительного поведения.

1. Социальный активизм российского социума в условиях формирования массового нравственного идеала

Несмотря на то что периодизация изменений качества гражданского, общественного и социального активизма в России связана с коренными изменениями политического строя, циклы российской истории могут быть выявлены (и изучены) лишь при условии выхода исследования непосредственно на социокультурную реальность как на историю воспроизводственной деятельности конкретно-исторического субъекта. Деятельностно-активистский подход (Э. Гидденс, А. Турэн, П. Штомпка, В. Ядов) с опорой на теоретические подходы, связанные с исследованием коллективной социально-исторической памяти (Я. Зерубавель, П. Нора, А. Ахиезер), позволяет рассматривать самовоспроизводственную дея-

тельность массового субъекта как направленную на преодоление постоянно возникающих социокультурных противоречий, противоречий между господствующим массовым нравственным идеалом и реальными социальными отношениями этого субъекта как целого.

В короткой истории формирования и преобразования практик гражданского и общественного активизма в России условно можно выделить два этапа: дореволюционный (1900–1917 гг.) и советский (1917–1982 гг.) периоды. Для дореволюционного периода характерно проведение либеральных реформ, связанных прежде всего с отменой крепостного права и земскими реформами. В январе 1864 г. вышло Положение о земских учреждениях, предназначенных для заведования местным хозяйством: они-то и должны были дать выход стремлениям либерально настроенных кругов к самоуправлению на местах и на этой основе улучшить местное хозяйственное управление, однако попытки ввести земства в систему государственных учреждений, государственного управления закончились полной неудачей.

У социального же активизма, распространенного в границах российского государства, «своя», во многом уникальная, история, связанная с доминированием и постоянным, настойчивым воспроизводством массовых, коллективных форм общественной жизни и коллективных практик владения землей и ведения хозяйственной деятельности. Согласимся с мнением А.С. Ахиезера о том, что особенности развития социального активизма в России связаны прежде всего с условиями: это нежелание, неспособность людей поддерживать государство, отсутствие ценностей большого общества в культуре, что исключало возможность государства вмешиваться в управление процессом, культурная программа массового сознания имела утопический, догосударственный характер [3, с. 101–108]. Можно, конечно, возразить и сослаться на наличие в социально-исторической памяти российского общества практик социального активизма, связанных с управлением общинным порядком, но управление это касалось, в основном, решения хозяйственных вопросов, практики распространялись по горизонтали, не выходя на другие уровни, и носили локальный характер местных активистских традиций [3, с. 273].

Однако, несмотря на неудачи Великих реформ, уже в конце первого периода, когда в результате повышения уровня активности и организованности социальных движений и проведенных государственной властью либеральных реформ появ-

ляются, медленно, но развиваются такие практики активизма, как участие в организованных формах управления на муниципальном, региональном уровнях и на уровне управления страной, выработка способов рекрутирования и мобилизации граждан в деятельность таких организаций.

Считается, что советский период коренным образом изменил ориентиры и приоритеты общественного и социального активизма. Однако провозглашенные принципы самоорганизации граждан были достаточно скоро заменены на разрешенные централизованным управлением и запрещенные властью. Постепенно образовался к концу советского периода, к объявленной в стране перестройке, раскол между государством и обществом, связанный с необратимой дезорганизацией, с распадом, с конфликтом частей общества между собой, с беспомощностью государства перед распадом связей, способных стать узловым пунктом единства общества. Конфликт усугубился стремлением отдельных территорий сопротивляться навязанным через распространенные социокультурные практики единству и эфемерной целостности. Специфика расколотого общества, считал А. Ахиезер, приводит к «бесконечному спору общества и государства, где последнее слово остается всегда за многомиллионным народом. Именно народ своей воспроизводственной активностью или пассивностью способен показать государственному управлению, что последний — всего лишь тень общества со всеми его достоинствами и слабостями» [3, с. 108]. Сила государства, которая проявляется в насилии, в попытках поднять народ против «зла», внешнего или внутреннего, рассеивается, когда речь идет о решении внутренних, позитивных, творческих задач. Сами эти творческие задачи требуют субъекта, ориентированного на развитие и прогресс, тогда как реально он оказывается еще на уровне статичных ценностей.

2. К вопросу о специфике социального активизма в современном российском обществе

Современный период также отличает неопределенность ориентиров развития структур гражданского общества, активизм проявляется в организационных формах «традиционного» и «нового» типов, в организации и видах деятельности, способах управления и коммуникациях, присущих как советскому, так и новому времени. Недостаточный уровень социального активизма граждан, несомненно, долгое время сдерживал развитие институтов гражданского общества. Создался

стереотип, согласно которому российское общество характеризуется как апатичное, инертное, безразличное ко всему, что не касается частной жизни. Однако в последнее время произошли существенные изменения: развиваются новые формы гражданского, общественного и социального активизма, расширился диапазон направлений действия общественной активности, в практики социальной активности вовлекаются все новые и новые участники, социально активное поведение становится все более осмысленным, организованным и настойчивым. Современные исследования состояния социального активизма через изучение распространенности в российском обществе моделей поведения в русле гражданского активизма показали, что устойчивый, распространенный стереотип о массовой инертности в решении общественно значимых проблем уже не соответствует действительности. Так, исследование Института социологии РАН, проведенное еще в 2014 г. (1600 респондентов, 10 социальных групп населения, в 58 поселениях), показало, что среди опрошенных 37 % ориентированы на инициативность, умение добиваться успеха, чувство собственного достоинства, рациональность, готовность к сотрудничеству, что численно превысило характеризующихся инертным поведением (27 %) [4, с. 15]. Авторы статьи, опубликованной по результатам исследования, пришли к выводу, что «на фоне сравнительно невысокого уровня политического и общественного участия меняется качество этого участия. Оно становится более осмысленным, социально мотивированным и для многих совершенно бескорыстным. Основное место в структуре мотивов занимают стремление защитить свои права, возможности общения с единомышленниками, а также стремление сделать мир лучше» [5, с. 17].

Конечно, социальный и гражданский активизм в России имеет и региональную, и местную специфику. Так, исследование, проведенное в качестве традиционной традиции в двух небольших городах Пермского края, выявило как имеющийся потенциал локальной власти, так и устойчивое представление о ней населения как «недовласти», только отчасти справляющейся со своими обязанностями, но не обладающей реальными полномочиями и свободой действия. Сегодня мы наблюдаем рост интереса индивидов и групп к разнообразным неформальным формам низкой самореализации — добровольчеству, волонтерству, благотворительности, «движению одного требования» и т.д. Можно сказать, что в России

происходит примерно то, о чем писали А. Турен и Р. Инглхард применительно к европейским реалиям в анализе ситуации конца XX в., когда обозначали ситуацию социального активизма как отказ общества служить «дисциплинированным войском» политикам, что выражается в стремлении людей доводить общественные требования напрямую [6].

3. Благотворительное поведение в современной России как массовый социальный феномен

Благотворительность как особый, специфический социальный феномен изучалась многими авторами. Отношение к ней социологов выражается в крайних плоскостях. Г. Спенсер, сторонник естественной эволюции видов, считал, что такая помощь вредна, ибо в результате индивид слабый получает поддержку и уравнивает свое положение против сильного, что нарушает дифференциацию [7, с. 52]. Близкой по смыслу является точка зрения П. Лафарга в очерке «О благотворительности», согласно которой благотворительность как таковая бессмысленна и безнравственна и лишь провоцирует появление надежды на помощь и формирование привычки получать помощь. Можно сказать, что точка зрения современных исследователей отражена в определении благотворительности, данном в социологическом словаре, где под благотворительной деятельностью понимается «деятельность граждан и физических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию любой поддержки» [8, с. 75]. Благотворительность сегодня — мировая практика, однако виды благотворительной деятельности, ее формы, все своеобразие благотворительного поведения находятся в рамках правовых, общественно определенных и социокультурных норм. При выявлении особенностей благотворительного поведения в российском обществе обратимся вновь к уже названному методу исследования истоков массового поведения — выявление своеобразия культурно-исторического идеала, так как мифы массового сознания, получившие массовое распространение, — самая грозная сила в обществе; и прав был К. Маркс, говоривший, что «сознание становится материальной силой, когда оно овладевает массами». Благотворительное поведение как массовое в российском обществе на ранних стадиях развития было распространено скорее в качестве

поведения неформального, помогающего, но самовоспроизводящегося, благодаря коллективным практикам крестьянского мира. О феномене помогающего поведения в различных формах его проявления уже говорится в теории обмена Дж. Хоманса и П. Блау, хотя в качестве исследователей, подготовивших социологическую теорию обмена, можно назвать Б.Ф. Скиннера, также в связи с этим следует отметить значимость трудов социальных антропологов и этнографов — Б. Малиновского, А. Радклифф-Брауна, М. Малиновского, М.М. Мосса, К. Леви-Стросса. Так, П. Блау в основе структуры социальных ассоциаций, происходящих в них процессах интеграции выделял в практиках обмена такие черты, как привлекательность, одобрение, **взаимость** в рациональном поведении. В отличие от экономического обмена социальный обмен предполагает добровольное и инициативное представление выгод и услуг другому, что создает диффузные обстоятельства (Блау), вовлекает факторы, создающие будущие диффузные обстоятельства, не специализированные четко, при которых природа возврата может не оговариваться, но по большей части предполагает того, кто ее осуществляет. П. Блау, например, вслед за антропологами отмечает среди свойств обменного поведения осуждение поспешной взаимности. Ценность в общинном обмене не носит внешний характер в отношениях обмена. Это выгоды, которые вступают в социальный обмен, что означает, что их предоставление не предусмотрено оговоренным вознаграждением, хотя и есть общее ожидание взаимности. Формы социальных ассоциаций, порожденных процессами обмена, считал П. Блау, со временем создают сложные социальные структуры. Общие ценности выступают в процессах обмена посредниками и делают возможным непрямы обмен, координируя таким образом действия в больших общностях и легитимизируя социальный порядок [9, р. IX]. Помогательное поведение в российском варианте можно было бы назвать просоциальным, если бы оно было индивидуальным, воспроизводимым отдельными социальными группами и не получило бы массового, коллективного, закрепленного в практиках локальных сообществ воплощения во всем большом обществе. Конечно, соборные институты основаны на связях, близких, непосредственных, эмоциональных — жить «миром», править хозяйство «миром», все на виду, все «прозрачно», все сразу оценивается всеми... Но «благодарность устанавливает узы взаимодействия, взаимности услуг, ответной услуги даже тогда,

когда они не гарантированы внешним побуждением» [10], обмен же благом при отсутствии вознаграждения, коллективная помощь без расчета на близкую отдачу — вот признаки особого нравственного идеала, формирующего представления о добре и зле и организующего поступки массового субъекта в его началах благотворительного поведения. Социальная отзывчивость, власть и богатство имущих только со временем, постепенно становится групповым просоциальным, а затем благотворительным поведением. Длительное время описанные практики существуют в отрыве вследствие раскола между большим обществом и локальным миром.

Благотворительное поведение россиян в его индивидуальных, групповых, организационных, массовых формах, детерминируемое и интегрируемое различными социокультурными институтами и механизмами, не так часто попадает в поле зрения науки и, как ни странно, социологии тоже. Сфера благотворительности в России является достаточно молодой, динамично развивающейся, но уже со многими знаками вопроса. Помимо ограниченности ресурсов и слабой институционализации благотворительности в настоящее время одной из особенностей является низкий уровень доверия к благотворительным организациям. Последнее телефонное фокусированное интервью ВЦИОМ-СПУТНИК, проводившееся 1–3 сентября 2017 г. в 80 регионах, 500 городах и ПГТ РФ (1800 респондентов), показало, что 70 % опрошенных не могли назвать ни одного из благотворительных фондов. И хотя с годами все больше россиян вовлекаются в благотворительную деятельность, граждане по-прежнему чаще предпочитают оказывать помощь адресно, нежели действовать через профильные организации, чаще используют различные каналы благотворительности. Так, в последние несколько лет адресную помощь в виде перевода денег на счет осуществляли 32 % опрошенных (2017 г.) (в 2007 г. — 4 %), в благотворительные фонды передавали средства 17 % (в 2007 г. — 4 %), передавали вещи в детские дома, дома инвалидов и т.д. 27 % (в 2007 г. — 19%) [11].

Эксперты из регионов — участники конференции «Благотворительность в провинциальной России: вызовы и решения» отмечают тенденции в развитии благотворительности и активизации благотворительного поведения в регионах: крупные компании стали чаще обращаться к региональным практикам, но в то же время НКО в регионах пока не могут «перетянуть» деньги жертвователей в местные фонды. Региональным НКО

труднее попасть на телевидение с рекламой. Нет запросов на проведение социологических исследований от региональной власти, а ведь задача власти — создавать «моду» на благотворительное поведение [12].

Рост и улучшение качества благотворительности и помогающего поведения в условиях реализации стратегической задачи модернизации России имеют огромное значение. С одной стороны, благотворительная деятельность направлена на поддержание стабильных отношений в социуме, нивелирование ряда социальных проблем, активизацию ресурсов развития страны. С другой стороны, распространение практик благотворительности, помогающего поведения может привести к «качественным» изменениям в сознании россиян: к повышению ответственности, мобильности, активности, а также к большей привлекательности просоциальных видов поведения [13].

Выводы

Исследование «Рейтинг мировой благотворительности» британский благотворительный фонд (World Giving index) CAF проводит на основании данных всемирного опроса компании Gallup's World View poll. В рейтинге 2016 г. приняли участие 148 000 человек из 140 стран. Место страны в рейтинге зависит от среднего значения по 3 показателям: денежным пожертвованиям в благотворительные организации; участию граждан в качестве волонтеров и оказанию помощи нуждающимся незнакомым людям. По оценке фонда, в седьмой раз опубликовавшего рейтинг мировой частной благотворительности (World Giving index), доля россиян, жертвующих в некоммерческие организации, выросла с 2015 г. в 2 раза и составила 18 % населения. Численность волонтеров за это время снизилась, незначительно выросло количество оказывающих непосредственную помощь нуждающимся. В общемировом значении Россия поднялась за период с 2010 г. на 3 позиции и занимает 128-е место из 140 [14].

Можно сказать, что перечисленные показатели свидетельствуют об изменении качества благотворительной деятельности в России, но они же и показывают, как невыгодно отличаются размеры благотворительности в сравнении с другими странами и на решение каких вопросов должны быть направлены усилия всех организаций, заинтересованных в создании здорового общественного климата для развития благотворительности в России. Изменения произошли буквально за 7–8 лет, притом существенные: появилось великое

множество благотворительных фондов, в том числе частных, корпоративных, государственных, региональных, местных сообществ. Большое значение в развитии отношений между гражданскими инициативными сообществами и государством имеет вступивший в силу ФЗ № 287, разрешающий делегировать НКО исполнение некоторых публичных услуг, упрощен порядок получения и увеличен до 4,3 млрд. руб. бюджет президентских грантов [15]. Институциональная благотворительность в настоящее время представлена по самым различным направлениям благотворительной деятельности, однако проблема доверия населения и к фондам, и к НКО остается одной из наиболее актуальных. Вопрос, конечно, в том, насколько практики благотворительности ориентированы на оказание услуг, насколько адресно их производят, какой эффект они оказывают. Определенную роль играют существующая в крайних формах атономизация социума, повышенная тревожность и привычное состояние не верить властным органам управления и общественным институтам, которые забюрократизированы и которым нет дела до нужд «простого» человека, однако сохраняются в массовой культуре и настроения патерналистские, признаки которых можно фиксировать по содержанию ежегодных обращений к Президенту страны. Можно констатировать, что образ благотворительности медленно входит в повседневную практику жизни и с трудом закрепляется в общественном сознании, например, в ходе опросов общественного мнения россияне причисляют к благотворительным организациям Пенсионный фонд, социальные службы, церковные организации, не оценивают и не считают свою деятельность благотворительной (хотя эпизодически ею занимаются).

Отмеченная позитивная динамика развития благотворительной активности в России, появление различных инфраструктурных элементов, ассоциаций, профильных средств массовой информации связаны и с развитием интернет-технологий, с использованием социальных сетей. Можно привести в пример появление и использование, в частности, такой формы социального активизма и гражданского участия, как волонтерство, добровольчество, краудсорсинг (новое волонтерство, при котором происходит передача некоторых производственных проблем неопределенному кругу лиц для решения силами добровольцев, координирующих свою деятельность с помощью информационных технологий) [16]. Новый секретарь общественной палаты В. Фадеев, оценивая бум волон-

терства, назвал его природным явлением («помогать — в природе человека»). Он считает, что в людях стала проявляться потребность благоустроить жизнь вокруг себя [17]. Таким образом, социальная отзывчивость, социальная ответственность и социальная активность все больше становятся требованием времени и условием жизни. Современные инноваторы не могут не ориентироваться на решение современных проблем, и активизм становится важнейшей мотивацией поступков современного человека.

Список литературы

1. Яницкий О.Н. Общественный активизм в России: вчера и сегодня // *Власть*. 2015. № 2. С. 53–60.
2. Мардарь И.Б. Проблемы трансформации социального активизма в России (на примере крупного города) // *Модернизация России: научные и образовательные проблемы* / под ред. О.Н. Яницкого. М.: ИС РАН, 2008. С. 31–39.
3. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. 1. 804 с.
4. Петухов В.В., Барааш Р.Э., Седова Н.Н., Петухов Р.В. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // *Власть*. 2014. № 9. С. 11–19.
5. Реутов Е, Колпина Л. Общественный активизм в России и на Украине // *Власть*. 2014. № 8. С. 14–18.
6. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир. 1998. 204 с.
7. Спенсер Г. Основные начала / пер. с 5 англ. изд. П. Алексеева. Киев: Ф. Йогансон, 1886. 375 с.
8. *Социологический энциклопедический словарь* / под ред. В.Г. Осипова. М., 2007.
9. Blau P. Exchange and Power in social Life. N.Y.: Wiley, 1964. 352 p.
10. *The Sociology of Simmel* / ed. by K.N. Wolff. Glencoe: Free Press, 1950. 387 p.
11. *Всероссийский центр изучения общественного мнения*. URL: <https://wciom.ru/> (дата обращения: 17.09.2017).
12. *Благотворительность в регионах: эксперты назвали критерии и условия тиражируемости благотворительных проектов* / Пермский центр развития добровольчества. URL: <http://www.dobrovoblago.ru/blagotvoritelnost-v-regionah-ekspertyi-nazvali-kriterii-i-usloviya-tirazhiruemosti-blagotvoritelnyih-proektov/> (дата обращения 17.09.2017).
13. Дудченко О.Н., Мытиль А.В., Зарипова З.Р. Перспективы развития благотворительности в России // *Россия реформирующаяся*. 2011. № 10. С. 389–403.
14. *Филантроп* — электронный журнал о благотворительности. URL: https://blago.ru/want_to_help/160/ (дата обращения 17.09.2017).
15. *Федеральный закон от 3 июля 2016 г. N 287-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О некоммерческих организациях” в части установления статуса некоммерческой организации — исполнителя общественно полезных услуг»* // *Российская газета: Федеральный выпуск*. 2016. 8 июн. № 7017(149). URL: <https://rg.ru/2016/07/08/nko-dok.html> (дата обращения 17.09.2017).
16. Хау Дж. Краудсорсинг. Коллективный разум как инструмент развития бизнеса / пер. с англ. М.: Альпина Паблишерз, 2014. 296 с.
17. *На стороне неудобных контрагентов* // *Русский репортер*. 2017. 26 июня – 24 июля. № 10–11(427). URL: http://expert.ru/russian_reporter/2017/10/na-storone-neudobnyih-kontragentov/ (дата обращения 17.09.2017).

Получено 31.07.2017

References

1. Yanitsky O.N. *Obshchectvennyy aktivizm v Rossii: vchera i segodnya* [Public activism in Russia: yesterday and today]. *Vlast'* [Power]. 2015, no. 2, pp. 53–60. (In Russian).
2. Mardar' I.B. *Problemy transformatsii sotsial'nogo aktivizma v Rossii (na primere krupnogo goroda)* [Problems of transformation of social activism in Russia (on the example of a large city)]. *Modernizatsiya Rossii: nauchnye i obrazovatel'nye problem* [Modernization of Russia: scientific and educational problems]. Moscow, Institute of Sociology of RAS, 2008, pp. 31–39. (In Russian).
3. Ahiezer A.S. *Rossiya: Kritika istoricheskogo opyta (Sotsiokul'turnaya dinamika Rossii)* [Russia: criticism of historical experience (Sociocultural dynamics of Russia)]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf Publ., 1998, vol. 1, 804 p. (In Russian).
4. Penuchov V.V., Barash R. E., Sedova N.N., Petushov R.V. *Grazhdanskiy aktivizm v Rossii: motivatsiya, tsennosti i formy uchastiya* [Civic activism in Russia: motivation, values and forms of participation]. *Vlast'* [Power]. 2014, no. 9, pp. 11–19. (In Russian).
5. Reutov E., Kolpina L. *Obshchectvennyy aktivizm v Rossii i na Ukraine* [Public activism in Russia and Ukraine]. *Vlast'* [Power]. 2014, no. 8, pp. 14–18. (In Russian).
6. Turen A. *Vozvrashchenie cheloveka deistvuyushchego. Ocherk sotsiologii* [The return of the person acting. Essay on sociology]. Moscow, Nauchnyy mir Publ., 1998, 204 p. (In Russian).

7. Spenser G. *Osnovnye nachala* [First Principles]. Kiev, F. Iohanson Publ., 1886, 375 p. (In Russian).
8. *Sotsiologicheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopedia of sociology]. Moscow, 2007. (In Russian).
9. Blau P. *Exchange and Power in social Life*. New York, Wiley, 1964, 352 p. (In English).
10. *The Sociology of Simmel*. Ed. by K.N. Wolff. Glencoe, Free Press, 1950, 387 p. (In English).
11. *Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya* [Russian investigation center of public opinion]. Available at: <https://wciom.ru/> (accessed 17.09.2017). (In English).
12. *Blagotvoritel'nost' v regionakh: eksperty nazvali kriterii i usloviya tirazhiruemosti blagotvoritel'nykh proektov* [Charity in Regions: experts announced criteria and terms of replicability of charity projects]. *Permskiy tsentr razvitiya dobrovol'chestva* [Perm center of the volunturism development]. Available at: <http://www.dobrovoblogo.ru/blagotvoritelnost-v-regionah-ekspertyi-nazvali-kriterii-i-usloviya-tirazhiruemosti-blagotvoritelnykh-proektov/> (accessed 17.09.2017). (In Russian).
13. Dudchenko O.N., Mytil' A.V., Zaripova Z.R. *Perspektivy razvitiya blagotvoritel'nosti v Rossii* [Prospects for the development of philanthropy in Russia]. *Rossiya reformiruyushchayasya* [Russia under Reform]. 2011, no. 10, pp. 389–403. (In Russian).
14. *Filantrop — elektronniy zhurnal o blagotvoritel'nosti* [Philanthropist— online magazine about charity]. Available at: https://blago.ru/want_to_help/160/ (accessed 17.09.2017). (In Russian).
15. *Federal'nyy zakon ot 3 iyulya 2016 g. N 287-FZ «O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon “O nekommercheskikh organizatsiyah” v chasti ustanovleniya statusa nekommercheskoy organizatsii — ispolnitelya obshchestvenno poleznykh uslug»* [Federal law dated July 3 2016 № 287-FZ «On amendments to the Federal law “On non-commercial organizations” in the status establishment of a non-commercial organization — executing socially useful services»]. *Rossiyskaya gazeta* [Rossiyskaya Gazeta]. 2016, Jun. 8, no. 7017 (149). Available at: <https://rg.ru/2016/07/08/nko-dok.html> (accessed 17.09.2017). (In Russian).
16. Hau Dz. *Kraudsorsihg: Kollektivniy razum kak instrument razvitiya biznesa* [Crowdsourcing: Why the Power of the Crowd Is Driving the Future of Business]. Moscow, Al'pina Publishers Publ., 2014, 296 p. (In Russian).
17. *Na storone neudobnykh kontragentov* [The uncomfortable side of counterparties]. *Russkii reporter* [Russian reporter]. 2017, Jun. 26 – Jul. 24, no. 10–11(427). Available at: http://expert.ru/russian_reporter/2017/10/na-storone-neudobnykh-kontragentov/ (accessed 17.09.2017). (In Russian).

The date of the manuscript receipt 31.07.2017

Об авторе

Яковлева Ольга Константиновна
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: yakovleva.ok2016@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2209-7408

About the author

Yakovleva Olga Konstantinovna
Ph.D. in Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department of Sociology
Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: yakovleva.ok2016@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2209-7408

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Яковлева О.К. Благотворительное поведение как форма социального активизма в России // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 614–621.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-614-621

Please cite this article in English as:

Yakovleva O.K. Charitable behavior as a form of social activism in Russia // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 4. P. 614–621. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-614-621

УДК 316.334.3:329

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-622-631

**СОЦИАЛЬНОЕ ОКРУЖЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ПУБЛИКАЦИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
«ЕДИНАЯ РОССИЯ»)**

Козырев Максим Сергеевич

Российский государственный социальный университет

Тексты публичных политиков являются не менее ценным источником информации о социальной действительности, чем, к примеру, мнения респондентов. А для изучения правящей элиты, учитывая ее закрытость и недоступность для исследователя, анализ публикаций, к ней относящихся, становится чуть ли не единственным методом изучения этой социальной группы и ее взаимоотношений с иными общностями.

Объектом анализа стали публикации представителей политической партии «Единая Россия», так как, по мнению автора, данная организация представляет и защищает преимущественно интересы правящей элиты. Кроме того, следует учитывать, что социальная позиция того или иного публициста непременно проявляется (порой неосознанно) в его статьях. По результатам исследования были описаны социальные группы («олигархи», «эксперты», предприниматели, бюрократия, средний и креативный класс), тесно взаимодействующие с правящей элитой, и дана характеристика их взаимоотношений.

В частности, термином «олигархи» обозначается часть экономической элиты, чьи интересы вошли в противоречие с интересами политического класса, что в свою очередь вызвало открытый конфликт. «Эксперты» — это наиболее близкая к политической элите социальная группа, обладающая немалыми квалификационным и социальным ресурсами, что обеспечивает ей высокий социальный статус. Предприниматели являются союзником правящей элиты, но их отношения с ней весьма противоречивы. Обладая некоторой независимостью от политического класса, эта группа сопротивляется попыткам наложить на них различные социальные обязательства. Видимо, противоречия в большинстве своем разрешаются путем переговоров, организационной площадкой для которых выступает партия «Единая Россия». Бюрократия также обладает некоторой долей самостоятельности, что заставляет правящую элиту договариваться с ней или мериться с ее несанкционированными сверху действиями. Скорее всего дисфункции российского государственного аппарата рассматриваются элитой как естественные и неустраняемые, терпимость к которым обусловлена единством социальных оснований дисфункций и положением элитарных групп. Средний и креативный классы стали для правящей элиты сколько-нибудь значимыми только в последнее десятилетие. Однако миры этих социальных групп далеки друг от друга, в непосредственные социальные контакты они не вступают.

Ключевые слова: идеология, окружение политической элиты, политическая партия «Единая Россия».

**THE SOCIAL ENVIRONMENT OF THE MODERN RUSSIAN RULING
ELITE (BASED ON PUBLICATIONS OF REPRESENTATIVES
OF THE POLITICAL PARTY «UNITED RUSSIA»)**

Maxim S. Kozyrev

Russian State Social University

The subject under analysis are publications of representatives of the political party «United Russia». In the author's opinion, this organization represents and protects mainly the interests of the ruling elite. In addition, it

should be borne in mind that the social position of a publicist is undoubtedly manifested in their articles. According to the research results, the author describes a number of social groups («oligarchs», bureaucracy, entrepreneurs, «experts» and the middle class) that are closely interacting with the ruling elite and gives the characterization of their mutual relations.

The author states that the term «oligarchs» denotes the part of the economic elite whose interests came into a contradiction with those of the political class, and this disagreement in its turn led to an open conflict.

The relationship between the political class and the bureaucracy is complex and contradictory. The latter has a certain amount of independence, which forces the ruling elite to agree to a compromise or accept its unauthorized actions.

Entrepreneurs are allies of the political class, which tries to burden the business community with various social obligations. This encumbrance in the eyes of the ruling elite seems to be a demand to repay the debt for the maximum favor. The Russian business does not hurry to return such debts.

The life of the middle class in the eyes of the ruling elite goes beyond its main interests. The desire to gain support from the middle class cannot be called a stable trend in the behavior of elite groups, which could have a significant impact on the process of making political decisions. All this shows that certain changes are needed to be established, and they are possible only due to socio-economic or political metamorphosis (for example, a serious increase in the political activity of the middle class).

Keywords: ideology, environment of the political elite, political party «United Russia».

Введение

Идеологические концепции — это голоса эпохи, которые зачастую непросто расшифровать и очистить от рационализаций, метафор, искренних заблуждений и явного обмана, но декодированный текст может стать весьма ценным источником информации о различных социальных явлениях.

Первым, кто систематически и целенаправленно исследовал взаимосвязи идеологии и социальной действительности был известный ученый Карл Маннгейм [1], оказавший огромное влияние на развитие западного идеологического учения. Из современных отечественных исследований, чей предмет близок к обозначенному, следует выделить работы В.С. Мартынова, который в ряде своих статей дал характеристику некоторым аспектам самопозиционирования правящей элиты на основе анализа посланий Президента РФ Федеральному собранию РФ [2, 3].

В целом в современной России широкое распространение получили исследования, посвященные дезавуированию интересов социальных групп, обладающих политической властью (или претендующих на нее), в основе которых анализ статей, программных речей и иных публикаций. Однако использование результатов в целях оценки социальной действительности (социальное взаимодействие, социальные представления и т.д.) должным образом не проработано и является относительной редкостью.

Цель данной работы состоит в попытке заполнения данной лакуны путем анализа идеологических установок представителей самой крупной политической партии нашей страны — партии «Единая Россия», который позволит выявить со-

циальное окружение современной правящей элиты России и особенности их взаимоотношений.

Методика

Методика данного исследования основывается на утверждении Карла Маннгейма, что идеология это не только прикрытие или обоснование теми или иными социальными группами своих сиюминутных интересов (частная идеология), но и отражение того общественного положения, которое они занимают, т.е. определенному социальному положению соответствуют определенные точки зрения и тип мышления (тотальная идеология) [1].

Соответственно основной метод, используемый в статье, — классический анализ документов, который дополнен контент-анализом. Использование этих методов позволит из идеологизированного текста выделить идеально-типичные тенденции, отбросив единичное, обусловленное особенностями мировоззренческих позиций авторов публикаций.

В перечень источников информации входят публикации, во-первых, политиков, чья партийная принадлежность точно установлена (статьи секретаря Генерального совета партии С.И. Неверова, председателя Высшего совета партии Б.В. Грызлова, члена Высшего совета партии Д.И. Орлова), а во-вторых, это политики, хотя и не являющиеся членами партии, но имеющие отношение к ее созданию и руководству. Последние — это прежде всего В.В. Путин, Д.А. Медведев, В.Ю. Сурков. Первый был председателем партии в 2008–2012 гг., второй таковым является с 2012 г. по настоящее время, а последнего СМИ называют инициатором ее создания [4].

Результаты

В настоящий момент «Единая Россия» может быть признана партией «государственной власти» (или «партией власти») в том смысле, что большинство высших должностных лиц Российской Федерации являются членами этой политической организации. В частности, в 2014 г. из 85 глав субъектов РФ 74 представляли эту политическую партию [5]. Из 90 человек Высшего совета партии в настоящий момент 62 занимают либо государственные должности, либо высшие должности государственной службы. Из оставшихся 28 человек в недавнем прошлом 2 члена Высшего совета занимали должности глав регионов, 5 — депутатов Государственной думы РФ, а 6 являются ректорами государственных высших учебных заведений [6]. Если попытаться разобраться с партийной принадлежностью членов Правительства РФ, то окажется, что на 2016 г. 13 человек из 30 являлись беспартийными, а остальные — представители партии в том или ином смысле [7].

Некоторые исследователи считают, что раз в составе партии 4 % предпринимателей, 4 % деятелей искусства, 8 % работают в сфере здравоохранения, 21,2 % — в сфере образования, в промышленности — 20,9 %, 26 % — пенсионеры, студенты и временно не работающие и только 13,2 % состоят на государственной службе и работают в органах власти, то ее нельзя считать партией чиновников или партией власти [8]. Однако вряд ли такое мнение можно признать обоснованным, если учесть несоответствие состава партии составу ее Высшего совета. Поэтому, с нашей точки зрения, документы, выражающие мнение создателей, руководителей данной партии в известной степени выражают интересы правящей элиты.

Крайне интересным с точки зрения определения социального окружения партии «Единая Россия» являются слова С.И. Неверова: *«Как и раньше, в основе “большого правительства” будет работать компактный костяк профессиональных государственных менеджеров. Но начнется создание новой, “кольцевой” структуры власти, которая объединит президентский модуль, правительство, парламент, институты представительства регионов — Государственный совет и Совет Федерации, корпуса губернаторов и мэров. Они будут операторами нового этапа модернизации нашей страны. Вокруг этой интегрированной совокупности властных структур будет создан “экспертный контур”, который создаст своеобразную “корневую систему”, питающую информацией эту властную совокупность. Еще*

одним внешним контуром станут институты гражданского общества и инициативные группы профессиональных сообществ, которые смогут работать в прямом контакте с властью» [9].

Это дает представление об элитарной и около-элитарной структуре. Скорее всего, она уже сложилась, а авторы упомянутых публикаций говорили об институализации имеющегося положения дел.

Стоит обратить внимание на упоминание в этих текстах «экспертов». Фигурирование этой своеобразной группы довольно часто можно встретить в публикациях представителей «Единой России». В частности, в посланиях Президента РФ начиная с 2006 г. об экспертах говорилось 19 раз (в среднем 1,9 раз на один документ). До этого момента эта социальная группа не упоминалась. Видимо, в 2000-х гг. эксперты как социальная группа окончательно сформировалась. И в этой связи возникает вопрос: каковы характеристики этой социальной группы?

В первую очередь необходимо отметить, что эксперты близки к высшим эшелонам публичной власти и, видимо, так или иначе принимают участие в принятии государственных решений. В пользу этого предположения говорит характер упоминаний в публикациях представителей партии «Единая Россия». Приводимые оценочные (как правило, количественные) суждения часто подкрепляются ссылкой на мнение экспертов [10, 11, 12] (послания 2010, 2012 гг.).

Причем, как видно из следующего фрагмента, авторитет их мнений в глазах лиц, замещающих государственные должности, предельно высок: *«И, несмотря на сомнения некоторых экспертов (а я отношусь к ним с уважением), я все-таки убежден, что нормой в России должна стать семья с тремя детьми»* (Послание 2012 г.).

Помимо описанного иногда обнаруживается указание на необходимость согласования с ними действий [13, 14].

Таким образом, можно предположить, что экспертное сообщество — это отдельная около-элитарная социальная группа зачастую с самостоятельными интересами, хотя они во многом совпадают с таковыми у правящей элиты. Одним из основных ресурсов, благодаря которому обеспечивается ее высокий социальный статус, является социальный (связи). Другой немаловажный ресурс, также способствующий близости к высшим эшелонам власти, — квалификационный. Однако область экспертного знания у них в основном

ограничивается одной отраслью общественного производства — экономикой.

Правда, в связи с этим может возникнуть вопрос: почему на роли консультантов не призывается научное сообщество, которое больше подходит для этой роли? Основная причина такого положения вещей, как кажется, в том, что оно выдвигает свои требования, идущие вразрез с интересами правящей элиты. Поэтому деятельность экспертов, направленная не только на повышение эффективности государственного управления, но и на повышение эффективности реализации политики правящей партии, куда больше устраивает руководство последней. Совпадение интересов экспертного сообщества является немаловажным фактором их высокого общественного положения.

Другая социальная группа, которая упоминается в публикациях представителей «партии власти», — олигархи.

Этой группе приписывается нелегитимность попыток влияния на политический процесс [11], узкокорпоративный эгоизм (Послание 2005 г.), деструктивное воздействие на страну и народ [11, 15].

Интересным является следующий отрывок из Послания Президента РФ 2005 г.: *«Ведь освободив крупнейшие средства массовой информации от олигархической цензуры, мы не защитили их от нездорового рвения отдельных начальников».*

Дело в том, что крупные средства массовой информации и в настоящий момент принадлежат медиахолдингам, которые, в свою очередь, находятся под контролем различных финансово-промышленных групп, т.е. олигархов [16]. Маловероятно, что это неизвестно автору Послания. Соответственно даже этот отрывок прекрасно демонстрирует содержание употребляемого термина «олигархи». Под ними в публикациях «партии власти» понимается определенная часть экономической элиты, чьи стремления вошли в противоречие с интересами других элитарных групп.

Следующая социальная группа, упоминаемая в публикациях «партии власти», — это предприниматели, отношение к которым противоречиво.

Наиболее часто указывается на необходимость обеспечить предпринимателям максимальную свободу действовать, проявлять инициативу [14, 11] (послания 2000, 2001, 2005, 2008, 2015 гг.), создать благоприятный предпринимательский (деловой) климат [14] (послания 2001, 2011, 2015 гг.), уменьшить административное или судебное давление и налоговое бремя [14, 17, 18, 13] (послания 2000, 2001, 2002, 2004, 2008, 2010,

2012, 2013, 2014, 2015 гг.), участия бизнес-сообществ в государственном управлении (Послание 2009 г.). Особое внимание уделяется поддержке среднего и малого предпринимательства [14, 13] (послания 2002, 2004, 2005, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015 гг.).

Вместе с тем встречаются упреки в связи с непатриотичностью (Послание 2012 г.), безответственностью [19], отказом от инновационного развития [19, 20], коррумпированностью [19, 20], делинквентностью [21] (Послание 2005 г.) и других грехах российских бизнесменов. Обвинения могут высказываться напрямую либо подспудно [22] (послания 2003, 2007 гг.).

«Очевидно и то, что и сам российский бизнес должен стать современным — предприимчивым, гибким, мобильным. Он должен быть достойным продолжателем великих традиций российского предпринимательства. И патриотизма ему прибавить не помешает» (Послание 2003 г.).

Последняя цитата — пример скрытых упреков. Можно сделать вывод, что сейчас российский бизнес архаичен, ригиден, не мобилен, не является продолжателем традиций российского предпринимательства и не патриотичен.

Однако встречаются и прямо противоположные оценки, т.е. большинство предпринимателей считаются ответственными и законопослушными субъектами [21] (Послание 2014 г.).

Представления о причинах подобных противоречий со стороны «партии власти» можно сформулировать, если принять во внимание следующий отрывок.

«У государства, у ответственного бизнеса, у людей труда, у всех слоев и групп населения есть общая цель и есть объективная необходимость сотрудничества в ее достижении — это построение великой России» [22].

В ряде публикаций указываются, что усилия и ресурсы государства и бизнеса должны быть направлены на подъем Сибири и Дальнего Востока (Послание 2013 г.), увеличение занятости, развитие малого и среднего предпринимательства, на эффективное использование мер адресной социальной поддержки (Послание 2005 г.).

Экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока, рост занятости, социальная поддержка, построение великой России и т.п. вряд ли можно отнести к целям бизнеса, который прежде всего ориентируется на получение прибыли. Появление этих пожеланий говорит о том, что «партия власти» стремится возложить на предпринимательское сообщество ряд государственных социально-

экономических задач, сделать его «социально ответственным». Однако бизнес, видимо, обладая некоторой долей независимости от элиты, в той или иной степени саботирует исполнение подобных обременений.

Государственные органы посредством налоговой системы, механизмов административного и судебного контроля обладают огромными возможностями по принуждению любого предпринимателя к нужным действиям. Но опасения «бегства» капитала за рубеж, закрытия и сокращения имеющихся производств с их серьезными социальными последствиями позволяют «партии власти» лишь упрекать бизнесменов в низких морально-деловых качествах.

Подвижки в переговорах между правящей элитой и предпринимательским сообществом касательно социальных обязательств, по всей видимости, меняют тональность публикаций первых. В целом, установка на поддержку бизнеса свидетельствует о том, что он был выбран в качестве союзника правящей элиты.

Еще одна социальная группа, оценка которой в публикациях представителей партии власти в большинстве своем негативна, это бюрократия. Среди характеристик этой общности можно встретить обвинения в неэффективности [11] (послания 2001, 2002, 2003, 2005 гг.), коррумпированности [19, 23, 10, 24, 22, 19] (послания 2000, 2002 2005, 2006, 2010 гг.), безответственности [15] (Послание 2005 г.), недобросовестности [23], своеволия [11] (послания 2000, 2001, 2002, 2005, 2011 гг.), в создании препятствий бизнесу [14] (послания 2001, 2008, 2011 гг.), непрозрачности их деятельности [22] (послания 2000, 2002 гг.), сопротивлении реформам (Послание 2001 г.), слабой организованности и непрофессионализме (послания 2002, 2003, 2005 гг.), избыточности полномочий (послания 2002, 2003 гг.), игнорировании запросов населения (послания 2005, 2008 гг.). Положительные оценки крайне редки (Послание 2012 г.). Причем, как кажется, авторы этих обвинений в качестве высших руководителей не отождествляют себя с государственным аппаратом.

Любопытное объяснение этого обстоятельства дается в одном социологическом исследовании, посвященном российской бюрократии [25]. Отрицать в той или иной степени то, что стало устойчивой темой общественного дискурса, значит ставить себя в положение не то лжеца, не то субъекта, потерявшего связь с реальностью. А возложить на себя все описываемые проблемы

также опасно не только в психологическом, но и в политическом плане, так как это будет серьезным ударом по легитимности правящей элиты. В результате, как показывает анализ проведенных с чиновниками интервью, коррупция воспринимается ими как безусловное зло и несомненный факт государственного управления России, но она выносится за пределы ближайшего окружения. Взятничество, казнокрадство и вымогательство и проч., конечно, существует, но вне этого круга.

Борьба с коррупцией более походит на сражение с «чужаком», вторгшимся в родное пространство. Ведь такого «чужака» не считают «своим». Его пытаются «не впускать», осложняя проникновение особыми кадровыми процедурами, а «подрывной» деятельностью просочившихся следует ставить административные препоны, подвергать аппаратному и общественному контролю:

«Внедрить новые принципы в кадровой политике — в системе отбора чиновников, их ротации, их вознаграждения» [23].

«Оценку народа должны получать и другие чиновники, занимающие ключевые должности» [23].

В итоге проблема коррупции сводится к проблемам кадрового отбора и контроля за деятельностью чиновников. Социальные основания этого явления почти не упоминаются:

«Известны социологические данные: подростки, в “лихие 90-е” мечтавшие делать карьеру олигарха, теперь массово выбирают карьеру госчиновника. Для многих она представляется источником быстрой и легкой наживы. С такой доминирующей мотивацией любые “чистки” бесполезны: если госслужба рассматривается не как служение, а как кормление, то на место одних разоблаченных воров придут другие» [23].

Из приведенной цитаты следует, что грехи бюрократии представляются неустранимыми явлениями до тех пор, пока подпитывающая ее деструктивная энергия общества не иссякнет. С этой точки зрения все предпринимаемые воздействия на этот пласт проблем будут выглядеть как некие сдерживания, но не более того. В итоге можно констатировать, что та социальная группа, которая именуется в России бюрократией, а также сложившиеся отношения между ней и политической элитой в целом устраивают последнюю.

Стоит заметить, что отношения между двумя обозначенными группами не строятся по жесткой схеме «начальник – подчиненный». Скорее всего, бюрократический аппарат обладает некоторой самостоятельностью, иначе упреки в пассивности [19], «чрезмерной закрытости» торгов [21], по-

ступлении «на содержание олигархам» [26], извлечении административной ренты из своего положения и повышении за этот счет своего благосостояния (послания 2003, 2005 гг.), призывы к жесткому противостоянию «живучему в чиновничьей среде предубеждению» [15], победе над «системной коррупцией» [23], радикальным мерам «в отношении ведомственного нормотворчества» (Послание 2001 г.) просто не прозвучали бы. Учитывая сказанное, вполне уместно предположить, что с некоторыми группами внутри государственного аппарата «партии власти» приходится договариваться или мириться с их несанкционированными сверх действиями.

Последними социальными группами, которые систематически упоминаются в идеологических текстах правящей элиты, будут средний и креативный класс.

Термин «средний класс» начинает появляться с 2008 г. По всей видимости, именно с этого времени он становится политически и социально значимым для «партии власти». В публикациях ее представителей критериями причисления в эту группу являются уровень материального благосостояния, позволяющий выйти за рамки удовлетворения базовых потребностей [21], стремление вкладывать свои деньги в более качественное медицинское обслуживание, в лучшее жилье, в более высокие пенсии [13], неудовлетворенность уровнем социальных услуг [10].

Помимо прочего представители «партии власти» ратуют за расширение «среднего класса», в который могли бы войти «миллионы менеджеров», бюджетники, квалифицированные рабочие [18], провинциальная интеллигенция, врачи, учителя, преподаватели вузов, работники науки, культуры (Послание 2012 г.).

Какие-либо иные атрибуты «среднего класса» не описаны, что приводит к предположению о недостаточной информированности правящей элиты об его социальных характеристиках со стороны экспертов научного сообщества. Едва ли в действительности данная социальная группа озабочена лишь своими материальным благосостоянием, здоровьем, профессиональным ростом и потреблением неких социальных услуг.

В публикациях представителей «партии власти» помимо среднего класса упоминается еще одна социальная группа – «креативный класс», который отождествляется с интеллигенцией (Послание 2012 г.). К нему причисляют учителей и врачей, ученых и работников культуры [10] (Послание 2012 г.) и констатируется, что «по уровню

доходов они пока не дотягивают до среднего класса, вынуждены отказывать себе и в нормальном отдыхе, и в жизненном комфорте, и в профессиональном развитии, искать постоянно дополнительные заработки» (Послание 2012 г.). Обозначается также стремление к формированию пространства для его реализации [13]. Больших подробностей обнаружить не удалось.

По-всей видимости, частота упоминания тех или иных общественных групп в публикациях представителей правящей элиты зависит прежде всего от степени социальной близости, интенсивности социальных контактов последней с этими группами. Чиновники, предприниматели, олигархи, эксперты образуют ближайшее окружение, а средний и креативный класс — дальше. Иные социальные группы (например, крестьяне и рабочие) находятся практически вне поля зрения, поэтому упоминаются лишь эпизодически. Хотя не исключено, что политическая и экономическая конъюнктура также оказывает влияние на частоту появления в публикациях различных общностей. К примеру, в посланиях Президента РФ 1994–2015 гг. крестьянство (или фермеры) не упоминается вообще, а рабочие – 16 раз, но при этом 14 раз рабочие фигурируют в двух посланиях (2014 г. — 11 раз, 2015 г. — 3 раза), где поднимался вопрос о подготовке рабочих кадров. Чиновники (государственный аппарат, бюрократы, государственные служащие) в тех же документах упоминаются 86 раз, эксперты — 19, предприниматели (бизнес-сообщество) — 186.

Заключение

Социальное окружение политической элиты современной России выглядит следующим образом.

1. «Олигархи» — этим термином обозначается часть экономической элиты, чьи интересы вошли в противоречие с интересами политического класса, что, в свою очередь, вызвало открытый конфликт. Результатом его разрешения стало поражение первых. Однако возможно повторение конфликта, но с иными участниками. Препятствующая сторона, лишенная влияния и иных политически значимых ресурсов, вряд ли будет играть видную роль в публичной жизни страны.

2. «Эксперты» — это наиболее близкая (околоэлитарная или субэлитарная) к политической элите социальная группа, которая обладает немалыми квалификационным и социальным ресурсами, что обеспечивает ей высокий социальный статус. По всей видимости, среди этой группы много так или иначе участвовавших в реформах

90-х. Воспользовавшись близостью к центрам принятия политических решений, они за прошедшее время смогли упрочить свое положение.

3. Предприниматели являются союзниками правящей элиты, но их отношения с ней весьма противоречивы. Обладая некоторой независимостью от политического класса, эта группа сопротивляется попыткам наложить на них различные социальные обязательства (развитие отдельных регионов, увеличение занятости и т.д.). Однако маловероятно, что данное противостояние может дойти до открытого конфликта (как было с «олигархами»), так как его последствия губительны для обеих сторон. Видимо, противоречия в большинстве своем разрешаются путем переговоров, организационной площадкой для которых и выступает партия «Единая Россия».

4. Бюрократия, так же как и предприниматели, обладает некоторой долей самостоятельности, что заставляет правящую элиту договариваться с ней по некоторым вопросам или мириться с ее несанкционированными сверху действиями. Более того, дисфункции российского государственного аппарата рассматриваются элитой как пока что неустранимые.

5. «Средний класс» стал для правящей элиты сколько-нибудь значимым только в последнее десятилетие. Однако миры этих социальных групп далеки друг от друга, в непосредственные социальные контакты они не вступают. Стремление обрести поддержку со стороны последнего нельзя назвать устойчивой тенденцией поведения элитарных групп, которая существенно сказывалась бы на процессе принятия политических решений. Изменения в описываемом смысле возможны только вследствие каких-либо социально-экономических или политических метаморфоз (к примеру, серьезное повышение политической активности «среднего класса» или экономический рост, приводящий к росту доходов государственного бюджета и, соответственно, появлению возможностей реализовывать проекты, направленные на улучшение благосостояния этой социальной группы).

6. В развитие последнего пункта следует отметить, что под влиянием конъюнктуры может меняться характер публикаций представителей партии «Единая Россия», их взаимоотношение с различными социальными группами. Однако такие преобразования вряд ли будут существенными, если только не изменится социальное положение последних. Потому что, как было отмечено в начале статьи, идеология — это не только при-

крытие или обоснование теми или иными социальными группами своих сиюминутных интересов, но и отражение того общественного положения, которое они занимают.

Список литературы

1. Маннгейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 583 с.
2. Мартыянов В.С. Идеология В.В. Путина: концептуализация посланий Президента РФ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2007. Т. 3, № 1. С. 147–175.
3. Мартыянов В.С. Семилетка Путина В.В. // Политический журнал. 2007. № 11–12. С. 67–70.
4. Сурков Владислав, Вице-премьер, глава аппарата Правительства РФ / Лента.ру. URL: <http://lenta.ru/lib/14159273/full.htm> (дата обращения: 14.07.2015).
5. Партийная география – 2014: особенности партийного представительства в российских регионах. 10.07.2014. URL: <http://www.regcomment.ru/investigations/partiynaya-geografiya-2014-osobennosti-partiynogo-predstavitelstva-v-rossiyskikh-regionakh/> (дата обращения: 14.03.2017).
6. Высший совет Партии. Кто есть Кто / Официальный сайт партии «Единая Россия». URL: http://er.ru/persons/supreme_council/ (дата обращения: 14.07.2015).
7. Правительство Медведева — правительство «Единой России». 27.06.2016. URL: <https://nstarikov.ru/blog/67496> (дата обращения: 14.03.2017).
8. Закатнова А. Клик — и в партии. «Единороссы» себя сосчитали // Российская газета. 2010. 19 мая. URL: <http://www.rg.ru/2010/05/19/edro.html> (дата обращения: 23.10.2015).
9. Неверов С.И. «Большое правительство» — сильный парламент — современная партия // Независимая газета. 2011. 7 нояб. URL: http://www.ng.ru/ideas/2011-11-07/5_paradigma.html (дата обращения: 23.03.2017).
10. Путин В.В. Строительство справедливости. Социальная политика для России // Комсомольская правда. 2012. 13 февр. URL: <http://www.kp.ru/daily/3759/2807793/> (дата обращения: 17.08.2016).
11. Сурков В.Ю. Основные тенденции и перспективы развития современной России. 23.01.2007. URL: <http://polit.ru/article/2007/01/23/surkov> (дата обращения: 17.03.2017).
12. Бадковский Д.В., Виноградов М.Ю., Орлов Д.И. Накануне «Второй волны». 06.09.2009. URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/reiting_09/material_sofiy/8684-nakanune-vtoroj-volny.html (дата обращения: 17.02.2017).

13. Путин В.В. Нам нужна новая экономика // Ведомости. 2012. 20 янв. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/01/30/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah (дата обращения: 17.02.2017).
14. Медведев Д.А. Время простых решений прошло // Ведомости. 2013. 27 сент. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2013/09/27/vremya-prostyh-reshenij-proshlo> (дата обращения: 29.08.2016).
15. Путин В.В. Россия сосредотачивается — вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. 2012. 16 янв. URL: <http://izvestia.ru/news/511884#top> (дата обращения: 17.08.2016).
16. Кто владеет СМИ в России: ведущие холдинги // BBC. URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2014/07/140711_russia_media_holdings (дата обращения: 17.08.2016).
17. Орлов Д.И. 100 дней Дмитрия Медведева // Русский журнал. 2008. 13 авг. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/100-dnej-Dmitriya-Medvedeva> (дата обращения: 23.08.2016).
18. Орлов Д.И. Возродим «средняка» как класс // Известия. 2008. 30 авг. URL: <http://izvestia.ru/news/337129> (дата обращения: 23.08.2016).
19. Медведев Д.А. Россия, вперед! 10.09.2009. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/5413> (дата обращения: 29.08.2016).
20. Орлов Д.И. План Путина. 21.05.2007. URL: <http://gia.ru/authors/20070521/65794202.html> (дата обращения: 14.08.2016).
21. Путин В.В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февр. URL: <http://www.rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html> (дата обращения: 29.08.2016).
22. Грызлов Б.В. Доклад на VII съезде. 06.12.2006. URL: <http://opravda.ru/news.php?extend.3906> (дата обращения: 14.08.2016).
23. Путин В.В. Демократия и качество государства. Владимир Путин о развитии демократических институтов в России // Коммерсантъ. 2012. 06 февр. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1866753> (дата обращения: 29.08.16).
24. Орлов Д.И., Бадковский Д.В., Виноградов М.Ю. 2012: Экватор или Рубикон? Аналитический доклад. 26.04.2010. URL: <http://www.regnum.ru/news/1277305.html> (дата обращения: 17.08.2016).
25. Rogozin D.M. Коррупция в рассказах государственных служащих // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2014. № 2. С. 97–117.
26. Грызлов Б.В. Две партии в одной // Независимая газета. 2007. 20 июля. URL: http://www.ng.ru/ideas/2007-07-20/7_2part.html (дата обращения: 29.02.2017).

Получено 15.08.2017

References

1. Mannheim K. *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of our time: Wartime Essays of a Sociologist]. Moscow, Yurist Publ., 1994, 583 p. (In Russian).
2. Mart'yanov V.S. *Ideologiya V.V. Putina: kontseptualizatsiya poslanij Prezidenta RF* [The ideology of V.V. Putin: conceptualization of the messages of the President of the Russian Federation.]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political expertise: accessed]. 2007, vol. 3, no. 1, pp. 147–175. (In Russian).
3. Mart'yanov V.S. *Semiletka Putina V.V.* [Seven Years of the Ruling of Putin V.V.]. *Politicheskij zhurnal* [Political Magazine]. 2007, no. 11–12, pp. 67–70. (In Russian).
4. *Surkov Vladislav, Vitse-premer, glava apparata Pravitelstva RF* [Surkov Vladislav, Vice Prime Minister, Head of Staff of the Government of the Russian Federation]. Lenta.ru. Available at: <http://lenta.ru/lib/14159273/full.htm> (accessed 14.07.2015). (In Russian).
5. *Partijnaya geografiya – 2014: osobennosti partiynogo predstavitel'stva v rossiyskih regionah* [Party geography – 2014: features of party representation in the Russian regions.]. 10.07.2014. Available at: <http://www.regcomment.ru/investigations/partijnaya-geografiya-2014-osobennosti-partiynogo-predstavitelstva-v-rossiyskih-regionakh/> (accessed 14.03.2017). (In Russian).
6. *Vysshiy Sovet Partii. Kto est Kto* [The Supreme Council of the Party. Who is who]. The official site of the party «United Russia». Available at: http://er.ru/persons/supreme_council/ (accessed 14.07.2015). (In Russian).
7. *Pravitel'stvo Medvedeva — pravitel'stvo «Edinoy Rossii»* [Government of Medvedev — the government of «United Russia»]. 27.06.2016. Available at: <https://nstarikov.ru/blog/67496> (accessed 14.03.2017). (In Russian).
8. Zakatnova A. *Klik — i v partii. «Edinorossy» sebya soschitali* [Click — and in the party. «United Russia» themselves counted]. *Rossiyskaya gazeta* [Rossiyskaya Gazeta]. 2010. May 19. Available at: <http://www.rg.ru/2010/05/19/edro.html> (accessed 23.10.2015). (In Russian).
9. Neverov S.I. *«Bolshoe pravitelstvo» — silniy parlament — sovremennaya partiya* [«A big government» is a strong parliament — a contemporary

- party]. *Nezavisimaya gazeta* [Nezavisimaya Gazeta]. 2011, Nov. 7. Available at: http://www.ng.ru/ideas/2011-11-07/5_paradigma.html (accessed 23.03.2017). (In Russian).
10. Putin V.V. *Stroitelstvo spravedlivosti. Sotsial'naya politika dlya Rossii* [Building justice. Social policy for Russia.]. *Komsomol'skaya Pravda* [Komsomolskaya Pravda]. 2012, Feb. 13. Available at: <http://www.kp.ru/daily/3759/2807793/> (accessed 17.08.2016). (In Russian).
 11. Surkov V. Yu. *Osnovnye tendentsii i perspektivy razvitiya sovremennoy Rossii* [Main trends and prospects for the development of contemporary Russia.]. 23.01.2007. Available at: <http://polit.ru/article/2007/01/23/surkov> (accessed 17.03.2017). (In Russian).
 12. Badovskiy D.V., Vinogradov M. Yu., Orlov D.I. *Nakanune «Vtoroy volny»* [On the eve of the «Second wave»]. 06.09.2009. Available at: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/8684-nakanune-vtoroj-volny.html (accessed 17.02.2017). (In Russian).
 13. Putin V.V. *Nam nuzhna novaya ekonomika* [We need a new economy]. *Vedomosti* [Vedomosti]. 2012, Jan. 20. Available at: http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/01/30/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah (accessed 17.02.2017). (In Russian).
 14. Medvedev D.A. *Vremya prostyh resheniy proshlo* [The time of simple decisions has passed]. *Vedomosti* [Vedomosti]. 2013, Sept. 27. Available at: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2013/09/27/vremya-prostyh-reshenij-proshlo> (accessed 29.08.2016). (In Russian).
 15. Putin V.V. *Rossiya sosredotachaetsya — vyzovy, na kotorye my dolzhny otvetit'* [Russia is concentrating — the challenges that we must respond to]. *Izvestiya* [Izvestia]. 2012, Jan. 16. Available at: <http://izvestia.ru/news/511884#top> (accessed 17.08.2016). (In Russian).
 16. *Kto vladeet SMI v Rossii: vedushchie holdingi* [Who owns the media in Russia: the leading holdings.]. BBC. Available at: http://www.bbc.com/russian/russia/2014/07/140711_russia_media_holdings (accessed 17.08.2016). (In Russian).
 17. Orlov D.I. *100 dney Dmitriya Medvedeva* [100 days of Dmitry Medvedev]. *Russkiy zhurnal* [Russian Journal]. 2008, Aug. 13. Available at: <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/100-dnej-Dmitriya-Medvedeva> (accessed 23.08.2016). (In Russian).
 18. Orlov D.I. *Vozrodim «serednyaka» kak klass* [Let us revive the «middle peasants» as a class]. *Izvestiya* [Izvestia]. 2008, Aug. 30. Available at: <http://izvestia.ru/news/337129> (accessed 23.08.2016). (In Russian).
 19. Medvedev D.A. *Rossiya, vpered!* [Go ahead, Russia!]. 10.09.2009. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/5413> (accessed 29.08.2016). (In Russian).
 20. Orlov D.I. *Plan Putina* [The Plan of Putin]. 21.05.2007. Available at: <http://ria.ru/authors/20070521/65794202.html> (accessed 14.08.2016). (In Russian).
 21. Putin V.V. *Byt' silnymi: garantii natsional'noy bezopasnosti dlya Rossii* [Be strong: national security guarantees for Russia]. *Rossiyskaya gazeta* [Rossiyskaya gazeta]. 2012, Feb. 20. Available at: <http://www.rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html> (accessed 29.08.2016). (In Russian).
 22. Gryzlov B.V. *Doklad na VII sezde* [Report at the Seventh Congress]. 06.12.2006. Available at: <http://opravda.ru/news.php?extend.3906> (accessed 14.08.2016). (In Russian).
 23. Putin V.V. *Demokratiya i kachestvo gosudarstva. Vladimir Putin o razvitii demokraticeskikh institutov v Rossii* [Democracy and the quality of the state. Vladimir Putin on the development of democratic institutions in Russia]. *Kommersant'* [Kommersant']. 2012, Feb. 06. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/1866753> (accessed 29.08.16). (In Russian).
 24. Orlov D.I., Badovskiy D.V., Vinogradov M. Yu. *2012: Ekvator ili Rubikon? Analiticheskiy doklad* [Equator or Rubicon? Analytical report]. 26.04.2010. Available at: <http://www.regnum.ru/news/1277305.html> (accessed 17.08.2016). (In Russian).
 25. Rogozin D.M. *Korrupsiya v rasskazah gosudarstvennykh sluzhashchih* [Corruption in the stories of public officers]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz* [Politeia: The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics]. 2014, no. 2, pp. 97–117. (In Russian).
 26. Gryzlov B.V. *Dve partii v odnoy* [Two parties in one.]. *Nezavisimaya gazeta* [Nezavisimaya Gazeta]. 2007, Jul. 20. Available at: http://www.ng.ru/ideas/2007-07-20/7_2part.html (accessed 29.02.2017). (In Russian).

The date of the manuscript receipt 15.08.2017

Об авторе

Козырев Максим Сергеевич

кандидат философских наук, доцент кафедры менеджмента и административного управления

Российский государственный социальный университет,
129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, 4/1;
e-mail: KozyrevMS@rgsu.net
ORCID: 0000-0002-1643-3391

About the author

Kozyrev Maxim Sergeevich

Ph.D in Philosophy, Associate Professor of the Department of Management and Administration

Russian State Social University,
4/1, Wilhelm Pik str., Moscow, 129226, Russia;
e-mail: KozyrevMS@rgsu.net
ORCID: 0000-0002-1643-3391

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Козырев М.С. Социальное окружение современной российской правящей элиты (по материалам публикаций представителей политической партии «Единая Россия») // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 622–631. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-622-631

Please cite this article in English as:

Kozyrev M.S. The social environment of the modern Russian ruling elite (based on publications of representatives of the political party «United Russia») // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 4. P. 622–631. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-622-631

УДК 316.11:316.334.52

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-632-642

МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Смолева Елена Олеговна

Вологодский научный центр РАН

Актуальность исследований межличностного взаимодействия и отчуждения обусловлена связями указанных феноменов с проблемой выстраивания социальных сетей и получения социальной поддержки в трудных ситуациях.

Цель исследования — изучение межличностного отчуждения и выявление его факторов и групп риска среди населения региона. Метод — социологический опрос населения Вологодской области, проведенный по репрезентативной районированной выборке.

Исследование позволяет сделать вывод о достаточно негативных тенденциях: низком уровне межличностного доверия, слабом вовлечении отдельных категорий населения в межличностное взаимодействие, что уменьшает их шансы на социальную поддержку. На отчуждение населения Вологодской области в сфере общения помимо межличностного доверия влияют и другие факторы: межличностное отчуждение нарастает с возрастом; с ухудшением субъективной оценки доходов. Высокие показатели отчуждения характерны для низкодоходных групп. На примере населения Вологодской области прослеживаются связи отчуждения с видом занятости, семейным положением и образованием. Можно предположить, что и возраст, и семейное положение, и социальный статус влияют на степень межличностного отчуждения через практики общения, устоявшиеся в обществе. Состояние межличностного отчуждения связано с психическим здоровьем и сопровождается проявлениями симптомов невроза, тревоги и депрессии.

В категории с высоким риском отчуждения в сфере межличностных отношений входят люди старше 60 лет, живущие без партнера, пенсионеры; жители районных населенных пунктов с неполным средним и средним образованием; население с низкой самооценкой покупательской способности, со среднедушевым доходом менее 7 тыс. руб. в месяц; безработные.

Ключевые слова: отчуждение, межличностное взаимодействие, межличностное доверие, возрастные характеристики, уровень дохода, регион.

INTERPERSONAL ALIENATION OF THE REGION'S POPULATION (CASE STUDY OF THE VOLOGDA REGION)

Elena O. Smoleva

Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS

The aim of the research work is to study interpersonal alienation and to identify factors having a major impact on its formation among the region's population.

The empirical basis of the research is a survey of the population of Vologda region carried out by the Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences on a representative regional sample in 2017.

The problem of interpersonal alienation appears to be rather acute in Vologda region: people have little trust in other people, they are susceptible to interpersonal alienation and feel loneliness. Interpersonal trust plays a major role in interpersonal interaction or alienation of Russians, a wide range of factors influencing it, the strongest among which is age. The studies detected the dependence of the indicators of interpersonal alienation on age and financial wealth. With a decline in the subjective assessment of income, the proportion of people who spend their time with friends or relatives gradually reduces. High exclusion rates are characteristic of low-income groups.

The article traces the links of alienation with employment, family status and education. The author assumes that the age, marital status and social status influence the degree of interpersonal alienation through the communication practices established in society for social groups. The state of interpersonal alienation is associated with mental health and is accompanied by manifestations of symptoms of neurosis, anxiety and depression.

With the help of CHAID analysis the author has established that age was the strongest factor for the «frequency of meetings». Based on the combination of characteristics having the strongest impact on the target variable, the research paper draws up approximate profiles of the population of Vologda region experiencing interpersonal alienation in the sphere of interpersonal relations.

The category with high risk of alienation in the sphere of interpersonal relations are people older than 60, living without a partner, pensioners; residents of district settlements with incomplete secondary and secondary education; population with low self-esteem in the purchasing power, with an average per capita income of less than 7 thousand rubles. per month; unemployed.

Keywords: alienation, interpersonal interaction, interpersonal trust, age profiles, income level, region.

Введение

Современная социально-экономическая ситуация в России привела к тому, что большинство населения постоянно сталкивается с проблемами низкого качества жизни, материального неблагополучия, угрозой безработицы. Человеку подчас нелегко справиться с трудной жизненной ситуацией без социальной поддержки, приобретаемой с помощью социального капитала [1]. Наличие социального капитала подразумевает включение в социальные сети, выстраивание социальных взаимоотношений [2]. Отчуждение в сфере межличностного общения и снижение доверия, которые в последнее время являются характеристиками российского общества [3], не только формируют негативные психологические состояния [4], но и лишают возможности повышения социального статуса.

Сегодня отношения «приобретают поверхностный, недолговечный и прерывный характер», «автономия индивида ставится выше ... социальных отношений» [5], в обществе процветают «индивидуализм, эгоизм, отчуждение людей друг от друга» [6, с. 17].

А тем временем социальные связи и получаемая с их помощью социальная поддержка являются защитой от последствий стресса, «повышают сопротивляемость индивида... и облегчают его адаптацию к новым условиям» [7, с. 69].

Все это обуславливает актуальность исследования межличностного отчуждения. Проведенный ранее анализ показал остроту проблемы в России [7]. Ее жители мало доверяют другим людям и одиноки. По общероссийским данным среди групп риска подвергнуться отчуждению от других людей сегодня находятся пожилые люди; сельские жители средней возрастной категории с неоконченным средним или начальным профессиональным образованием, а также люди, испытывающие материальные трудности.

Методология исследования

Целью исследования было изучение межличностного отчуждения и выявление его факторов и групп риска среди населения региона на примере Вологодской области.

Эмпирической базой исследования послужили данные мониторинга общественного здоровья ИСЭРТ РАН. Методическая основа исследования — массовый социологический опрос населения Вологодской области, проведенный в апреле 2017 г. по репрезентативной районированной выборке. Объем выборочной совокупности составил 1500 респондентов в возрасте старше 18 лет. Ошибка выборки не превышает 5 %.

Для сравнения с ранее полученными данными для анализа нами были выбраны следующие переменные, характеризующие:

1. Межличностное взаимодействие / отчуждение:

1.1. «Частота встреч» оценивалась по ответу на вопрос: «Как часто Вы проводите время с друзьями, родственниками или коллегами по работе просто так, не по делам?», максимальный балл (7) соответствовал «каждый день».

1.2. «Личный разговор» оценивался по ответу на вопрос: «Есть ли у Вас кто-то, с кем Вы могли бы поговорить по душам, о личном, и если да, сколько таких людей в Вашей жизни?», максимальный балл (6) соответствовал «10 и более человек».

1.3. «Сравнение общения» оценивалось по ответу на вопрос: «По сравнению с Вашими сверстниками, как часто Вы проводите время с людьми не по работе, а чтобы пообщаться или для различной совместной деятельности, развлечений?», максимальный балл (5) соответствовал ответу «гораздо чаще, чем большинство сверстников».

2. Чувства и субъективные представления о взаимоотношениях людей:

2.1. «Доверие» оценивалось по ответам на вопрос: «Вы считаете, что большинству людей можно доверять или Вы склоняетесь к мнению, что даже излишняя осторожность в отношениях с людьми не мешает?», максимальный балл (10) соответствует «можно доверять».

2.2. «Честное поведение во взаимодействии» оценивалось по ответам на вопрос: «Как Вы думаете, большинство людей постарались бы Вас использовать, если бы им представилась такая возможность, или же, на Ваш взгляд, люди постараются вести себя с Вами честно?», максимальный балл (10) соответствует «честному поведению».

2.3. «Взаимопомощь» оценивалась по ответам на вопрос: «По Вашему мнению, в большинстве случаев люди стараются помогать друг другу или они чаще всего заботятся только о себе?», максимальный балл (10) соответствует «взаимопомощи».

Для определения признаков расстройства поведения использовались методики: госпитальная шкала тревоги и депрессии HADS, экспресс-диагностика невроза К. Хека и Х. Хесса.

Обработка данных осуществлялась с помощью программы SPSS с применением описательных статистик, корреляционного и CHAID-анализа.

Итак, насколько актуальна проблема межличностного отчуждения для населения Вологодской

области? И существует ли сходство с общероссийскими тенденциями?

Результаты. Обсуждение

Ранее нами были проанализированы показатели межличностного взаимодействия/отчуждения и субъективных представлений о взаимоотношениях людей для Российской Федерации и СЗФО по данным Европейского социального исследования за 2014 г. [8]. Показатели отчуждения были выше для населения СЗФО: его представители встречались с другими людьми один раз в неделю (средний балл 4,1), в отличие от россиян, которые в среднем встречались 1–2 раза в неделю (средний балл 4,3). А вот показатели, характеризующие субъективные представления о взаимоотношениях людей, у населения федерального округа немного превышают общероссийские: так, показатели уровня доверия составляли 4,8 балла для СЗФО и 4,6 балла для РФ, честного поведения в отношениях — 5,5 и 5,1 балла соответственно, взаимопомощи — 5,4 и 4,8 балла.

В Вологодской области в 2017 г. практически все показатели схожи с общероссийскими показателями 2014 г. за исключением частоты встреч. Этот показатель для Вологодской области (3,3 балла, или 2–3 раза в месяц) значительно ниже общероссийского (4,3 балла, или 1–2 раза в неделю; см. табл. 1).

Таблица 1. Показатели межличностного отчуждения и субъективных представлений о взаимоотношениях людей

Показатель	Территории		
	Российская Федерация, 2014 год	Северо-Западный федеральный округ, 2014 год	Вологодская область, 2017 год
Доверие (средний балл)	4,6	4,8	4,7
Честное поведение или использование (средний балл)	5,1	5,5	5,1
Помощь (средний балл)	4,8	5,4	4,7
Частота встреч (средний балл, кол-во раз)	4,3	4,1	3,30
	1–2 раза в неделю	1 раз в неделю	2 раза в месяц
Разговор о личном (средний балл, число чел.)	2,1	2,1	2,14
	2 чел.	2 чел.	2 чел.
Сравнение социальной активности со сверстниками (средний балл)	2,7	2,6	2,60
	Как сверстники и реже		

Каждый пятый житель региона встречается с другими людьми не по делам реже, чем раз в месяц. Среди россиян в 2014 г. удельный вес людей, встречающихся еженедельно, был на 5 п.п. больше. Среди населения области на 4 п.п. больше

тех, кто встречается несколько раз в месяц, но не каждую неделю.

Возможно, что жители Вологодской области воспринимают такую интенсивность «живого» межличностного общения как норму, так как встречаясь в среднем два раза в месяц, они не

чувствуют себя одинокими (об этом сказали 65 % респондентов). Достаточно часто ощущают себя одинокими 18 % населения региона.

Корреляционный анализ данных по Вологодской области показал наличие связей между показателями межличностного общения и субъективных представлений о взаимоотношениях людей, значимых при $p < 0,01$. Частота встреч с другими людьми для неформального общения наиболее тесно связана со сравнительной оценкой данного показателя по отношению к своим сверстникам ($r = 0,461$). Также выявлена положительная связь между частотой встреч и наличием людей, с которыми можно поговорить на личные темы ($r = 0,295$). Между показателями частоты встреч и субъективных представлений о взаимоотношениях людей существуют положительные корреляции, но они достаточно слабые (коэффициент корреляции с доверием $r = 0,204$, с честным поведением $r = 0,158$). Оценки количества людей, с которыми можно поговорить по душам, более тесно связаны с межличностным доверием ($r = 0,346$), представлениями о честном поведении других людей ($r = 0,305$) и взаимопомощи ($r = 0,258$).

Гендерные различия показателей межличностного взаимодействия/отчуждения для населения Вологодской области незначительны. И женщины, и мужчины встречаются с другими людьми не по делам в среднем 2 раза в месяц. Женщины чаще думают, что другие люди будут честно вести

себя во взаимоотношениях (средний балл 5,23 по сравнению с 4,92 баллами у мужчин) и придут на помощь (средний балл 4,72 по сравнению с 4,58 баллами у мужчин).

Возрастная специфика межличностного взаимодействия/отчуждения населения Вологодской области в 2017 г. схожа с общероссийской 2014 г. Однако следует отметить, что отличаются возрастные границы, выявленные с помощью CHAID-анализа. Если для населения Российской Федерации первая возрастная граница располагалась в 20 лет [8, с. 140], то для жителей Вологодской области — 25 лет.

Молодежь в возрасте до 25 лет наиболее часто встречается с другими людьми не с деловыми целями (см. табл. 2). Для этой категории также характерны максимальные показатели по наличию людей для душевных разговоров. Молодые люди считают, что их активность в межличностном общении такая же, как у сверстников. С возрастом все показатели постепенно уменьшаются. Если молодые люди назначают встречи в среднем 1–2 раза в неделю, то в возрасте от 26 до 39 лет — уже 2–3 раза в месяц. Люди старше 40 лет встречаются 1–2 раза в месяц. С возрастом также уменьшается количество собеседников для душевных разговоров, и люди чаще думают, что они реже собираются для неформального общения, чем их сверстники.

Таблица 2. Возрастная специфика показателей межличностного отчуждения и субъективных представлений о взаимоотношениях людей для населения Вологодской области

Показатель	Возраст			
	< 25 лет	26–39 лет	40–59 лет	> 60 лет
Доверие (средний балл)	5,23	4,73	4,66	4,70
Честное поведение или использование (средний балл)	5,04	5,22	4,95	5,30
Помощь (средний балл)	4,55	4,63	4,56	4,81
Частота встреч (средний балл, кол-во раз)	4,17	3,31	3,09	2,90
	1–2 раза в неделю	2–3 раза в месяц	1–2 раза в месяц	1, реже 2 раза в месяц
Разговор о личном (средний балл, число чел.)	2,36	2,23	2,07	2,09
	2–3 чел.	2–3 чел.	2 чел.	2 чел.
Сравнение социальной активности со сверстниками (средний балл)	2,85	2,64	2,53	2,48
	Как сверстники		Как сверстники и реже	

Для населения Вологодской области выявлена отличная от общероссийской возрастная специфика субъективных представлений о взаимоотношениях людей. Для россиян в 2014 г. были характерны максимальные показатели доверия, убеждений в честном поведении и взаимопомощи для молодежи в возрасте до 20 лет и пожилых

людей в возрасте старше 60 лет. Среди населения Вологодской области максимальные показатели доверия демонстрирует молодежь до 25 лет, минимальные — люди в возрасте от 40 до 59 лет. Мнения о том, что люди будут честными во взаимодействии и не стремятся использовать других, а при необходимости придут на помощь, чаще

придерживается население следующих возрастных категорий: старше 60 лет (максимальные показатели) и от 26 до 39 лет. Наиболее выражены негативные представления о взаимоотношениях среди людей в возрасте от 40 до 59 лет.

На основании представленных данных можно сделать вывод о том, что психологические основания для взаимодействия между людьми (по уровню межличностного доверия) наиболее прочные для молодежи и людей старше 60 лет. Однако практики общения показывают, что люди старших возрастных категорий наиболее отчуждены в сфере межличностного общения. Эта тенденция прослеживается как в общероссийском масштабе, так и для населения региона.

Степень межличностного взаимодействия/отчуждения зависит от семейного положения респондентов. Все население Вологодской области можно разделить на две категории по параметру «наличие партнера». В первую категорию входят те, кто имеет партнера: состоящие в зарегистрированном браке (проживающие и не проживающие совместно) и не состоящие в зарегистрированном браке, но проживающие совместно с партнером. Ко второй категории относятся незамужние (холостые), разведенные, вдовы. Данные категории различаются по средним значениям показателя «частота встреч» (3,19 балла для первой категории и 3,41 — для второй).

Реже всего встречаются для неформального общения люди, состоящие в зарегистрированном браке. Они характеризуются высокими уровнями доверия, убеждениями в честном поведении и взаимопомощи, наличием близких людей, с кем можно поговорить на личные темы. По сравнению с замужними (женатыми) люди, не состоящие в зарегистрированном браке, но проживающие совместно, более активны в общении (частота встреч составляет 3,6 балла, или три раза в месяц), но у них чаще распространены негативные представления о взаимоотношениях людей. Они считают, что их сверстники более активны в общении. Средний возраст представителей первой категории составляет от 38 до 46 лет.

Среди населения, проживающего без партнера, наиболее активной группой в сфере межличностного общения являются незамужние (холостые). При средних показателях, характеризующих субъективные представления о взаимоотношениях людей, представители этой группы встречаются с друзьями, родственниками и коллегами не по делам 3–4 раза в месяц и считают, что их активность в сфере общения сравнима со сверстника-

ми. Это наиболее молодая группа, средний возраст которой составляет 38 лет. Разведенные люди характеризуются утратой доверия и негативными убеждениями об отношениях людей, они редко с кем ведут личные разговоры, но встречаются для общения достаточно часто — 1–2 раза в месяц. Вдовы (вдовцы) отличаются низкими значениями показателя «частота встреч» и максимально позитивными по сравнению с другими группами представлениями о взаимоотношениях людей. Средний возраст группы составляет 64 года. И хотя вторая категория, к которой относятся люди без партнеров, в целом получилась более возрастной, показатели частоты встреч у нее выше. Это позволяет сделать вывод о том, что на степень межличностного отчуждения влияет и возраст, и семейное положение через связанные с этими параметрами практики общения, устоявшиеся в обществе. Так, замкнутость на семейных интересах и поддержание определенного жизненного ритма вызывает некоторое отчуждение в межличностных отношениях у людей, состоящих в зарегистрированном браке.

Наиболее отчуждены в сфере общения люди с неполным средним образованием. Повышение образовательного уровня населения Вологодской области сопровождается увеличением межличностного доверия (с 4,45 бала у лиц со средним образованием до 4,99 балла у лиц с высшим образованием), частоты встреч с другими людьми (от одного раза до двух-трех раз в месяц). Для лиц с высшим образованием мы зафиксировали наиболее позитивный комплекс субъективных представлений о взаимоотношениях людей: высокие значения показателей доверия, взаимопомощи, убежденности в честном поведении других людей. А.Б. Купрейченко и С.П. Табхарова считают, что доверие у людей с высшим образованием основывается на их уверенности в собственной социальной компетенции и знаниях [9, с. 37].

Наиболее вовлечены в межличностное общение студенты, сотрудники силовых структур, руководители коммерческих структур (предприниматели). Они демонстрируют и высокие уровни доверия. Для служащих, ИТР, специалистов характерны средние показатели интенсивности общения и показатели уровня доверия у них выше среднего по общей выборке. К наиболее отчужденным группам относятся рабочие и работники сельского хозяйства, хотя они отличаются средними уровнями межличностного доверия, а также руководители государственных предприятий, работники органов управления, несмотря на доста-

точно высокие уровни доверия. Среди неработающих групп населения наибольшему отчуждению подвергаются безработные, инвалиды и пенсионеры. Они редко встречаются с другими людьми не по делам (показатели для всех групп ниже общеобластных). У безработных и пенсионеров сформировано мнение, что они реже участвуют в подобных встречах, чем их сверстники.

Отчуждение в сфере общения сопровождается недостатком межличностного доверия, убеждением, что другие люди стремятся их использовать. По данным НИУ ВШЭ самые недоверчивые — руководители, безработные и рабочие, наименее осторожные — студенты, служащие и специалисты [9, с. 37].

Если проанализировать зависимость межличностного отчуждения от финансового положения, то можно выделить следующие тенденции:

- редкие встречи и низкий уровень межличностного доверия у населения с доходами ниже 7 тысяч рублей (состояние отчуждения);
- средний уровень вовлечения в межличностное общение и постепенное повышение уровня доверия с увеличением среднедушевого дохода от 7 до 15 тысяч рублей;

– высокие показатели доверия и межличностного общения с максимумом числа встреч у населения с доходом от 21 до 25 тысяч рублей;

– снижение частоты контактов в сочетании с высоким доверием при среднедушевых доходах свыше 30 тысяч рублей.

С уменьшением финансовых возможностей население Вологодской области реже встречается для неформального общения. Показатели, характеризующие интенсивность общения, для той части населения, у которой денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, значительно ниже общеобластных (см. табл. 3). У групп с высокой самооценкой покупательской способности отмечаются высокие показатели частоты встреч и уровня доверия. Этот результат согласуется с данными НИУ ВШЭ, согласно которым наименее доверяющие люди относятся к категории самых бедных с доходом менее 6 тыс. рублей в месяц, кому не хватает денег даже на питание. По самооценке покупательской способности наиболее доверяющие те, кому хватает денег на приобретение продуктов и одежды, а на крупную бытовую технику — нет [9, с. 36–37].

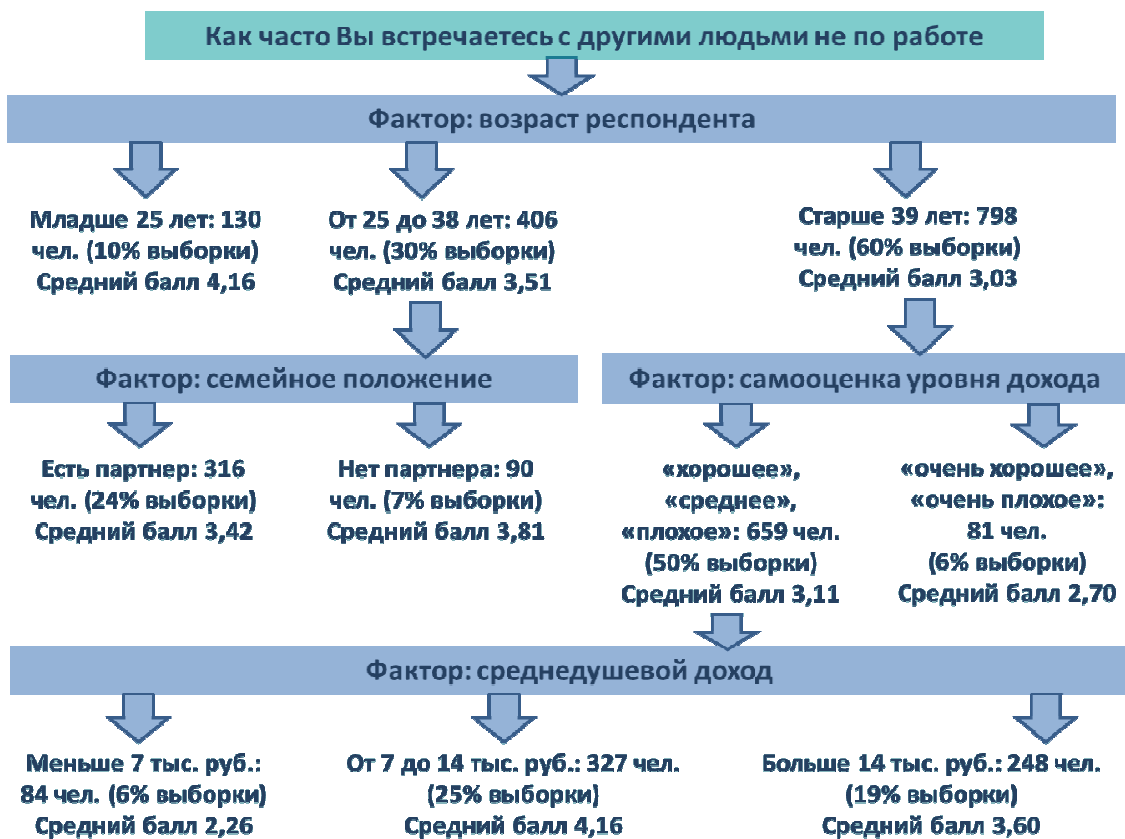
Таблица 3. Зависимость показателей межличностного взаимодействия/отчуждения и субъективных представлений о взаимоотношениях людей от уровня дохода населения Вологодской области

Показатель	Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать	Покупка товаров длительного пользования не вызывает трудностей, однако покупка машины сейчас недоступна	Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом	Денег хватает только на приобретение продуктов питания	Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится влезать в долги
Доверие (средний балл)	5,62	4,94	4,93	4,51	3,95
Честное поведение или использование (средний балл)	6,58	6,15	5,33	5,07	3,50
Помощь (средний балл)	5,92	5,48	4,88	4,65	3,04
Частота встреч (средний балл, кол-во раз)	3,33	3,28	3,59	3,26	2,89
	2 раза в месяц	2 раза в месяц	3 раза в месяц	2 раза в месяц	1, реже 2 раза в месяц
Разговор о личном (средний балл, число чел.)	2,50	2,28	2,54	2,01	1,66
	3 чел.	2–3 чел.	3 чел.	2 чел.	1–2 чел.
Сравнение социальной активности со сверстниками (средний балл)	2,58	2,40	2,67	2,55	2,28
	Как сверстники и реже	Как сверстники и реже	Как сверстники и реже	Как сверстники и реже	Как сверстники и реже

Жители городов Вологды и Череповца (население около 300 тыс. человек) отличаются более высоким уровнем доверия, чем жители районов. Они больше вовлечены в межличностное взаимодействие, а именно чаще встречаются с другими людьми, имеют больше знакомых, с которыми можно вести личные разговоры, и считают, что их активность в общении сравнима с активностью сверстников. Жители районных населенных пунктов более отчуждены в межличностной сфе-

ре и имеют более негативные представления о взаимоотношениях людей.

С помощью CHAID-анализа нами были выделены наиболее сильные факторы по степени влияния на межличностное взаимодействие / отчуждение (см. рисунок). В качестве зависимой переменной выбрана «частота встреч», в качестве независимых переменных — возраст, семейное положение, образование, доход, субъективная оценка дохода, социально-экономическая зона, тип населенного пункта.

*Факторы, влияющие на частоту встреч населения Вологодской области
(по результатам CHAID-анализа)*

В качестве самого сильного фактора, который наилучшим образом объясняет различия между категориями зависимой переменной, определен возраст и выделены следующие группы: младше 25 лет, от 25 до 38 лет, старше 39 лет. Для младшей возрастной группы этот фактор оказался единственным, который оказывает сильное влияние на зависимую переменную — частоту встреч.

В группе 25–38-летних предиктором частоты встреч является семейное положение, при этом выделяются две группы: «респонденты, у которых есть супруг / партнер», и все остальные категории.

В возрастной группе старше 39 лет предиктором является субъективная оценка уровня дохода, с помощью которой отделяются группы, считающие свое финансовое положение или «очень хорошим», или «очень плохим». Для представителей остальных групп, которые оценили свое финансовое положение и доход как «хорошее», «среднее» или «плохое», следующим по значимости фактором выступает размер среднедушевого дохода. По данной переменной выделяются три группы: с доходом меньше 7 тыс. руб., от 7 до 14 тыс. руб., свыше 14 тыс. руб.

Основываясь на сочетании признаков, сильнее всего влияющих на целевую переменную, мы выбрали категории населения Вологодской области, испытывающие отчуждение в сфере межличностных отношений или вовлеченные в межличностное взаимодействие. В категории с высоким риском отчуждения в сфере межличностных отношений входят:

- люди старше 60 лет, живущие без партнера, пенсионеры;
- жители районных населенных пунктов с неполным средним и средним образованием;
- население с низкой самооценкой покупательской способности: «денег не хватает даже на продукты питания», со среднедушевым доходом менее 7 тыс. руб. в месяц;
- безработные.

К категориям, вовлеченным в межличностное взаимодействие, относятся:

- молодые люди в возрасте до 25 лет;
- незамужние (холостые);
- имеющие высокие и средние самооценки покупательской способности, с доходом более 21 тыс. руб. в месяц;
- студенты, сотрудники силовых структур, предприниматели, руководители коммерческих структур;
- жители городов с населением около 300 тыс. чел. (Вологда, Череповец).

Можно предположить, что на степень отчуждения или вовлечения в межличностное общение влияет образ жизни, обусловленный не только возрастом, семейным положением, но и родом занятий. Например, руководители коммерческих структур и государственных учреждений при одинаковых уровнях межличностного доверия различаются по степени активности межличностного общения: первые чаще встречаются с другими людьми не для обсуждения деловых вопросов и осознают, что делают это чаще, чем их сверстники.

Отчуждение и межличностное доверие связаны с психическим состоянием личности. Так, для психически здоровых людей (по субъективным оценкам) уровень доверия составляет 5,00 баллов по 10-балльной шкале, частота встреч составляет 3,68 балла, или 3 раза в месяц. При наличии проявлений расстройств поведения снижается показатель уровня межличностного доверия до 4,31 балла, а частота встреч сокращается до 2,68 балла, или одного-двух раз в месяц. Минимальные значения показателей доверия наблюдаются при проявлениях невроза и депрессии (по 4,00 балла),

а частоты встреч — при проявлениях депрессии (2,29 балла, или один раз в месяц).

Ситуация усугубляется, когда субъективные проявления расстройств поведения соответствуют клинически выраженному уровню. Частота встреч сокращается в 1,5 раза при наличии проявлений клинически выраженной тревоги (с 3,53 до 2,38 балла) и депрессии (с 3,63 до 2,29 балла) и составляет один раз в месяц. Показатели межличностного доверия снижаются на 15 % при проявлениях клинически выраженной тревоги, на 25 % — при клинически выраженной депрессии.

Полученные данные находят подтверждение в психологических исследованиях личности. Д.М. Зиновьева рассматривает «личностную тревожность как интегральную эмоцию, отражающую длительные отчуждающие психические процессы и состояния» [4, с. 66], а при необратимом отчуждении тревога приобретает невротический характер. С точки зрения психологии расстройства поведения, прежде всего тревожность, являются «реальным измеряемым симптомом отчуждения» [4, с. 68].

Люди чаще отчуждены в сфере межличностного общения, когда у них наблюдаются такие черты личности, как застенчивость, необщительность (см. табл. 4). Среди населения Вологодской области 18 % прилагают усилия, чтобы не показать свою застенчивость, и 17 % отмечают, что им трудно поддерживать разговор. Практически у четверти респондентов часто возникает чувство, что другие люди их рассматривают критически; каждый пятый испытывает трудности с пониманием и при разговоре с незнакомыми людьми. Эти данные характеризуют представленность в региональном сообществе людей, входящих в группу риска межличностного отчуждения.

Начиная с 1966 г. The Harris Poll оценивает индекс отчуждения американцев. Это обобщенный индекс, измеряющий насколько люди чувствуют, что их интересы услышаны теми, у кого есть сила и влияние. Хотя это не показатель отчуждения в сфере межличностного общения, однако мы можем оценить субъективные представления американцев о взаимоотношениях людей: 70 % американцев считают, что большинство людей во власти пытаются воспользоваться ими, что свидетельствует о низком уровне доверия. 40 % отмечают, что они остались в стороне от того, что происходит вокруг них. Исследователи сделали вывод о наличии возрастной специфики: максимальные показатели отчуждения отмечены у взрослых в возрасте 55–64 года и 45–54 года, что

значительно выше, чем у следующих возрастных групп: от 18 до 34 лет, от 35 до 44 годов и старше 65. По признаку пола исследование не выявило

различий. Также чувство отчуждения уменьшается с повышением образовательного уровня [10].

Таблица 4. Частота встреч и личностные характеристики населения Вологодской области, % от числа опрошиваемых

Характеристики респондентов	Частота встреч с родственниками, друзьями, коллегами не по делам						
	Никогда	Реже, чем раз в месяц	Один раз в месяц	Несколько раз в месяц, но не каждую неделю	Один раз в неделю	Несколько раз в неделю, но не каждый день	Каждый день
Трудности разговора с незнакомыми людьми	29	31	21	19	21	13	14
Меня никто не понимает	29	31	26	18	19	10	14
У меня часто возникает чувство, что люди критически меня рассматривают	40	33	32	25	19	13	18
Застенчивость	33	28	19	14	17	14	16
Трудности с поддержкой разговора при знакомстве	21	28	26	14	15	10	14

Исследователи высказывают мнение о возрастной специфике отчуждения и межличностных отношений. С.А. Зверькова отмечает, что молодые активно расширяют сеть своих социальных контактов, ищут поддержки среди сверстников, в т.ч. используя современные коммуникационные средства. Старшие группы респондентов (от 27 лет), которые чаще всего живут в законном или гражданском браке, предпочитают «делиться мироощущениями в реальном мире с глазу на глаз для более качественного обмена вербальными и невербальными символами» [7, с. 70]. Это объясняет уменьшение с возрастом числа людей для душевных разговоров, сокращение личных контактов.

Под тенденцию усиления отчуждения в пожилом возрасте подводится теоретический фундамент. Различные концепции осмысливают происходящий в пожилом возрасте разрыв между личностью и обществом. И если теория социального освобождения [11, 12] рассматривает двусторонний процесс удаления в системе «общество – индивид» (через выход на пенсию, отсоединение детей, смерть близких, снижение социальной активности), то теория активности [13] считает, что разрыв происходит только по вине общества.

Согласно теории разъединения А. Ван Теннепа с возрастом должен произойти переход от «разрыва с социальной группой» через промежуточное состояние транзиту («бесстатусности») в последующее «включение индивида в социаль-

ную группу уже в новом качестве» [14, с. 38]. Но, как отмечают М.Э. Елютина и Э.Е. Чеканова, пожилые люди часто застревают в маргинальной позиции на этапе транзиту [15, с. 62–63].

Выводы

Исследования межличностного отчуждения населения региона позволяют сделать вывод о достаточно негативных тенденциях: низком уровне межличностного доверия, слабом вовлечении отдельных категорий населения в межличностное взаимодействие, что уменьшает их шансы на социальную поддержку. На отчуждение населения Вологодской области в сфере общения помимо межличностного доверия влияют и другие факторы. Во-первых, это возрастной фактор: межличностное отчуждение нарастает с возрастом. Во-вторых, значительная роль отводится материальному фактору. Высокие показатели отчуждения характерны для низкодоходных групп. С ухудшением субъективной оценки доходов постепенно снижается доля людей, проводящих время в компании друзей или родственников, что подтверждают данные корреляционного анализа. На примере населения Вологодской области прослеживаются связи отчуждения с видом занятости, семейным положением и образованием. Можно предположить, что и возраст, и семейное положение, и социальный статус влияют на степень межличностного отчуждения через связанные с этими параметрами практики общения, устоявшиеся в обществе. В большин-

стве исследований наименее отчужденные категории — это группы, которые Ю. Левада относил к «ресурсно богатым» [16].

Состояние межличностного отчуждения связано с психическим здоровьем и сопровождается проявлениями симптомов невроза, тревоги и депрессии. Для всех типов проявления расстройств поведения характерна одинаковая тенденция: при наличии субъективных проявлений расстройств поведения уровень межличностного доверия ниже, а показатели межличностного отчуждения выше.

Все это обуславливает научный интерес к проблеме отчуждения в российском обществе и региональных сообществах и актуализирует продолжение исследований для подготовки предложений по преодолению отчуждения.

Список литературы

1. *Козырева Л.Д.* Социальные связи в системе социальной поддержки // Научные труды Северо-Западного института управления. 2014. Т. 5, № 1. С. 45–49.
2. *Гужавина Т.А.* Доверие в сетевом взаимодействии // Проблемы развития территории. 2016. № 6. С. 147–165.
3. *Горшков М.К.* «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 3–11.
4. *Зиновьева Д.М.* Психология отчуждения: монография. Волгоград: Изд-во ГОУ ВПО ВАГС, 2005. 172 с.
5. *Ильин А.Н.* Социальная атомизация и ослабление политической активности в условиях консюмеризма // Знание. Понимание. Умение: Информационный гуманитарный портал. 2015. № 5. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2015/5/Ilyin_Social-Atomization-Consumerism/ (дата обращения: 12.06.2017).
6. *Возмитель А.А., Осадчая Г.И.* Образ жизни в России: динамика изменений // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 17–27.
7. *Зверькова С.А.* Трансформация «силы» социальных связей молодежи в ходе адаптации в информационном обществе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 11(61): в 3 ч. Ч. I. С. 69–71.
8. *Смолева Е.О.* Межличностное отчуждение: социологическое исследование параметров и факторов // Проблемы развития территории. 2017. № 3. С. 128–144.
9. *Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества* / отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2013. 564 с.
10. *Americans Alienation Remains Record High: Harris Insights & Analytics.* URL: <http://www.theharrispoll.com/politics/Americans-Alienation-Remains-Record-High.html> (accessed: 23.06.2017)
11. *Rosen J.L., Neugarten B.L.* Ego functions in the middle and later years: A thematic apperception study of normal adults // *Journal of Gerontology*. 1960. № 15(1). P. 62–67. DOI: 10.1093/geronj/15.1.62.
12. *Cumming E., Henry W.* Growing Old: The Process of Disengagement. N.Y.: Basic Books, 1961. 293 p.
13. *Havighurst R.J.* Successful ageing // *The Gerontologist*. 1961. № 1. P. 8–13. DOI: 10.1093/geront/1.1.8.
14. *Социальное самочувствие и положение пожилых людей в регионе / под общ. ред. Н.М. Байкова, Л.В. Кашириной.* Хабаровск: ДВАГС, 2012. 186 с.
15. *Елютина М.Э., Чеканова Э.Е.* Социальная геронтология. Саратов.: Саратов. гос. техн. ун-т, 2001. 168 с.
16. *Левада Ю.* Фактор надежды // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2003. № 2. С. 7–17.

Получено 28.06.2017

References

1. *Kozyreva L.D.* *Sotsial'nye svyazi v sisteme sotsial'noy podderzhki* [Social relations in the system of social support]. *Nauchnye trudy Severo-Zapsdnogo instituta upravleniya* [Scientific works of North-West Institute of Management]. 2014, vol. 5, no. 1, pp. 45–49. (In Russian).
2. *Guzhavina T.A.* *Doverie v setevom vzaimodeystvii* [Trust in the Network Cooperation]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development]. 2016, no. 6, pp. 147–165. (In Russian).
3. *Gorshkov M.K.* «*Russkaya mechta*»: *opyt sotsiologicheskogo izmereniya* [«Russian dream»: experience of sociological measurement]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 2012, no. 12, pp. 3–11. (In Russian).
4. *Zinov'eva D.M.* *Psikhologiya otchuzhdeniya: monografiya* [Psychology of alienation]. Volgograd, VIM, Branch of RANEPА Publ., 2005, 172 p. (In Russian)
5. *I'in A.N.* *Sotsial'naya atomizatsiya i oslablenie politicheskoy aktivnosti v usloviyakh konsyumerizma* [Social atomization and the weakening of political activity under conditions of consumerism]. *Znanie. Ponimanie. Umenie: Informatsionnyy gumanitarniy portal* [Knowledge. Understanding. Ability: Information Humanitarian Portal]. 2015,

- no. 5. Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2015/5/Ilyin_Social-Atomization-Consumerism/ (accessed 12.06.2017). (In Russian).
6. Vozmitel' A.A., Osadchaya G.I. *Obraz zhizni v Rossii: dinamika izmeneniy* [Lifestyle in Russia: the dynamics of changes]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 2010, no. 1, pp. 17–27. (In Russian).
 7. Zver'kova S.A. *Transformatsiya «sily» sotsial'nyh svyazey molodezhi v khode adaptatsii v informatsionnom obshchestve* [Transformation of the «power» of social relations of youth in the course of adaptation in the information society]. *Istoricheskie, filozofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice]. Tambov, Gramota Publ., 2015, no. 11(61): in 3 p., part 1, pp. 69–71. (In Russian).
 8. Smoleva E.O. *Mezhlichnostnoe otchuzhdenie: sotsiologicheskoe issledovanie parametrov i faktorov* [Interpersonal Reserve: a Case Study of its Parameters and Factors]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development]. 2017, no. 3, pp. 128–144. (In Russian)
 9. *Doverie i nedoverie v usloviyah razvitiya grazhdanskogo obshchestva. Pod red. A.B. Kupreychenko, I.V. Mersiyanova* [Trust and mistrust in the development of civil society. Ed. by A.B. Kupreychenko, I.V. Mersiyanov]. Moscow, HSE Publishing House Publ., 2013, 564 p. (In Russian).
 10. Americans Alienation Remains Record High: Harris Insights & Analytics. Available at: <http://www.theharrispoll.com/politics/Americans-Alienation-Remains-Record-High.html> (accessed 23.06.2017). (In English).
 11. Rosen J.L., Neugarten B.L. Ego functions in the middle and later years: A thematic apperception study of normal adults. *Journal of Gerontology*. 1960, no. 15(1), pp. 62–67. DOI: 10.1093/geronj/15.1.62. (In English).
 12. Cumming E., Henry W. *Growing Old: The Process of Disengagement*. New York, Basic Books, 1961, 293 p. (In English).
 13. Havighurst R.J. Successful ageing. *The Gerontologist*. 1961, no 1, pp. 8–13. DOI: 10.1093/geront/1.1.8. (In English).
 14. *Sotsial'noe samochuvstvie i polozhenie pozhilykh lyudey v regione. Pod red. N.M. Baykova, L.V. Kashirinoy* [Social well-being and the situation of elderly people in the region. Ed. by N.M. Baykov, L.V. Kashirina]. Khabarovsk, FEIM, Branch of RANEPa Publ., 2012, 186 p. (In Russian).
 15. Elyutina M.E., Chekanova E.E. *Sotsial'naya gerontologiya* [Social gerontology]. Saratov, SSTU Publ., 2001, 168 p. (In Russian)
 16. Levada Yu. *Faktor nadezhdy* [The factor of hope]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes]. 2003, no. 2(64), pp. 7–17. (In Russian)

The date of the manuscript receipt 28.06.2017

Об авторе

Смолева Елена Олеговна

научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения

Вологодский научный центр РАН,
160014, Вологда, ул. Горького, 56а;
e-mail: riolenas@ramber.ru
ORCID: 0000-0002-6452-1441

About the author

Smoleva Elena Olegovna

Researcher of the Department for the Studies of Lifestyles and Standards of Living

Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS,
56a, Gorkiy str., Vologda, 160014, Russia;
e-mail: riolenas@ramber.ru
ORCID: 0000-0002-6452-1441

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Смолева Е.О. Межличностное отчуждение населения региона (на примере Вологодской области) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 632–642.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-632-642

Please cite this article in English as:

Smoleva E.O. Interpersonal alienation of the region's population (case study of the Vologda region) // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 4. P. 632–642. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-632-642

УДК 316.344

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-643-657

СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ КАК ФАКТОР ТРУДОВОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА *

Короленко Александра Владимировна, Барсуков Виталий Николаевич

Вологодский научный центр РАН

Демографическое старение населения стало одним из ключевых вызовов на пути развития большинства стран мира в XXI в. Старение является эволюционным и необратимым процессом, поэтому столкнувшиеся с ним государства вынуждены перестраивать свою политику с учетом трансформации возрастной структуры населения. Данный факт способствовал развитию идей реализации ресурсного потенциала данной социально-демографической группы, в частности повышения ее трудовой активности. На трудовую активность лиц пенсионного возраста оказывает влияние целый комплекс внутренних и внешних факторов, первостепенным из которых является здоровье. Вологодская область относится к регионам России со «старой» возрастной структурой, что актуализирует вопрос изучения потенциала здоровья как фактора трудовой активности пожилых на территории региона. Целью статьи стал анализ объективных показателей здоровья населения пенсионного возраста и выявление особенностей его субъективных параметров среди трудящихся и неработающих пенсионеров для определения влияния данного фактора на их трудовую активность. Установлено, что с момента начала реализации активной демографической политики в России продолжительность жизни граждан пенсионного возраста заметно выросла преимущественно за счет снижения смертности от болезней системы кровообращения. Согласно данным социологического мониторинга ИСЭРТ РАН улучшились и субъективные параметры здоровья данной категории граждан: сократилась доля имеющих хронические заболевания, вырос удельный вес положительных самооценок здоровья. Анализ ответов респондентов в разрезе работающих и неработающих лиц пенсионного возраста позволил выявить существенные различия в самооценках здоровья, самосохранительных установках этих категорий и создать своеобразный «портрет» их здоровья. Следовательно, при разработке мероприятий по сохранению и укреплению здоровья населения особое внимание следует уделять сложившемуся «портрету» здоровья работающих и неработающих пенсионеров.

Ключевые слова: ресурсный потенциал, население пенсионного возраста, трудовая активность, здоровье, работающие и неработающие пенсионеры, самосохранительное поведение, «портрет» здоровья.

HEALTH STATUS AS A FACTOR OF LABOR ACTIVITY OF THE RETIREMENT-AGE POPULATION

Alexandra V. Korolenko, Vitaliy N. Barsukov

Institute of Socio-Economic Development of Territories of RAS

Demographic aging has become one of the key challenges for most of the developed countries of the world in the 21st century. Aging is an evolutionary and irreversible process, therefore the countries facing it are forced to restructure their policies, taking into account the transformation of the age structure of the population. This fact contributed to the development of ideas of realizing the resource potential of this socio-demographic group, in particular, of increasing its labor activity. The complex of internal and external factors influences the labor activity of the people of the retirement age, determinative of which is health. The Vologda region belongs to the regions of Russia with the «old» age structure. This fact actualizes the issue of studying health potential as a factor of labor activity of the elderly in the region. The purpose of this article was to analyze the objective indicators of

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 16-02-00301/16 «Вторичная социализация пожилых людей как фактор качества жизни: тенденции, проблемы, механизмы».

health of the retirement-age population and to identify the features of its subjective parameters among working and non-working pensioners in order to determine the impact of these factors on their labor activity. The authors has established that the life expectancy of citizens of the retirement age has grown significantly since the beginning of the implementation of the active demographic policy in Russia, mainly due to a decrease in mortality from diseases of the circulatory system. According to the sociological monitoring (performed by Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences) the subjective health parameters of this category of citizens have also improved: the proportion of people with chronic diseases has decreased and the share of positive self-assessments of health has increased. The analysis of respondents' answers in the context of working and non-working people of the retirement age allowed us to identify significant differences in the self-assessments of health, self-protection settings of these categories and to create a kind of «portrait» of their health. Therefore when developing measures to preserve and promote public health, special attention should be given to the «portrait» of health of working and non-working pensioners.

Keywords: resource potential, population of the retirement age, labor activity, health, working and non-working pensioners, self-protection behavior, «portrait» of health.

Введение

Демографическое старение и его последствия являются важнейшими факторами мирового развития в XXI в. Увеличение доли и численности пожилых людей на планете ставит перед мировым сообществом сложные задачи не только по поддержанию устойчивых темпов экономического роста, но и обеспечению достойного уровня и качества жизни старшего поколения.

Важно понимать, что фазе старения населения всегда предшествует стадия реализации т.н. демографического дивиденда (далее — ДД). ДД — это состояние возрастной структуры, когда вследствие быстрого снижения рождаемости доля трудоспособного населения стремится к некоторому максимуму, а доля детей и пожилых — к минимуму. Традиционно стадия реализации ДД рас-

сматривается как период экономического «благоприятствования», а эффективность использования «демографического бонуса» во многом определяет дальнейшее социально-экономическое развитие государства.

Крупнейшие исследователи в области изучения влияния демографического старения на экономическое развитие Р. Ли и Э. Мэйсон сформулировали концепцию «экономики поколений» [1], базисом которой выступает исследование т.н. «экономических жизненных циклов» — процессов изменения уровня производительности, потребления и сбережения человека на протяжении его жизни. В качестве примера чаще всего рассматривается распределение рабочей силы в стране по возрастным группам (рис. 1). Как можно увидеть из рисунков, распределение имеет перевернутую U-образную форму.

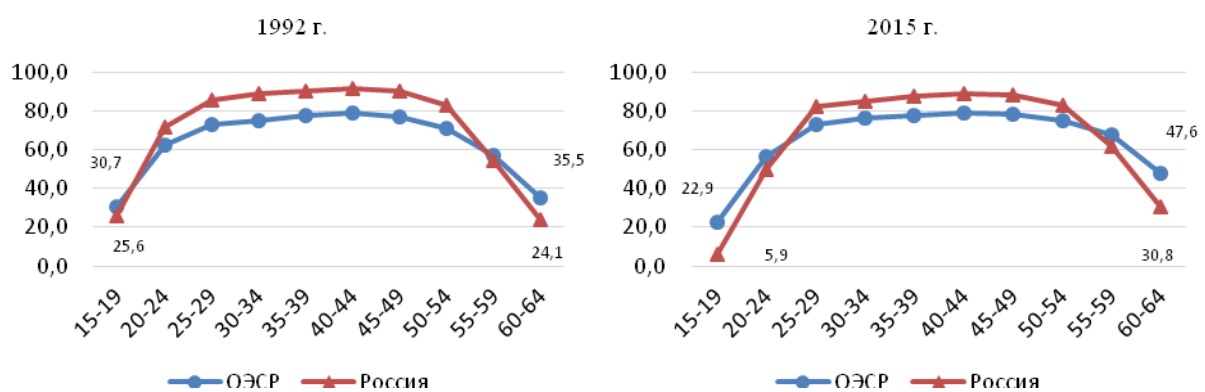

Рис. 1. Структура рабочей силы по возрастным группам в странах ОЭСР и России (1992–2015 гг.), % (составлено авторами по данным OECD Data [2])

Фактически в «экономике поколений» выделяются две основные категории: непродуцирующая (дети и пожилые люди; потребление превалирует над производственными возможностя-

ми) и производительная (трудоспособное население; производят больше, чем потребляют). В отличие от стадии ДД, где соотношение производительной и непродуцирующей части общества

способствует экономическому росту, в условиях старения населения его темпы существенно снижаются вследствие возникновения дефицита рабочей силы и увеличения нагрузки на обеспечение межпоколенческих общественных контрактов (в первую очередь пенсионного обеспечения). Однако на рис. 1 можно увидеть одну важную деталь: с 1992 по 2015 г. уровень включенности старшего поколения в состав рабочей силы существенно повышается, а следовательно, возросло и участие пожилых людей в производстве. Изменения в экономическом поведении представителей старшего поколения сподвигли ученых к выдвижению гипотезы о возможности формирования второго демографического дивиденда в контексте старения населения, основанного на реализации ресурсного потенциала данной социально-демографической группы [3].

Здоровье в системе факторов трудовой активности людей пенсионного возраста

В трактовке В.Г. Доброхлеб под ресурсным потенциалом понимаются «качественные характеристики индивида, значимые для него лично и дающие возможность эффективно взаимодей-

ствовать с другими людьми, участвовать в социально-экономической жизни общества» [4]. В свою очередь, концепция второго демографического дивиденда основывается на необходимости продления периода включенности индивида в процессы производства и распределения общественных финансов. Таким образом, в узком смысле реализация ресурсного потенциала пожилых людей — это повышение трудовой активности данной социально-демографической группы, на которую оказывает влияние целый ряд взаимосвязанных факторов.

В научной литературе представлено большое количество авторских позиций относительно сущности и факторов трудовой активности старшего поколения [5–7]. Однако следует отметить, что в подавляющем большинстве работ прослеживается прямое или условное выделение двух групп факторов: внутренних (индивидуальных) и внешних (институциональных). Ранее проведенные исследования [8, 9] и анализ публикаций по данной проблематике позволили составить концептуальную схему факторов трудовой активности населения пенсионного возраста (рис. 2).

Рис. 2. Структура факторов трудовой активности старшего поколения (составлено авторами)

Под внутренними факторами понимаются индивидуальные характеристики представителя пенсионного возраста, к числу которых относятся:

– состояние здоровья. Данный фактор является определяющим при выборе стратегии трудового поведения в пенсионном возрасте. Подтверждением являются результаты опроса «Качество жизни пожилых людей в Вологодской области» (далее — КЖПЛ), проведенного ИСЭРТ РАН в

2015 г., согласно которым 82 % неработающих пенсионеров отметили, что состояние их здоровья препятствует реализации активной жизненной позиции (в том числе в трудовой сфере);

– образование и квалификация. Наличие актуальных навыков и компетенций является важнейшим конкурентным преимуществом пожилых людей при трудоустройстве. Период трудовой деятельности представителей старшего поколения с

высшим образованием длиннее [7], а каждый дополнительный год обучения ведет к росту доходов в долгосрочной перспективе в среднем на 8–10 % в пожилом возрасте [10];

– мотивация и ценности. Данные опроса КЖПЛ свидетельствуют, что 45 % опрошенных продолжили работать после выхода на пенсию, а главным мотивом стала потребность в дополнительном заработке (81 %). Тем самым подтверждается, что материальный фактор во многом определяет стратегию трудового поведения пожилых людей. Однако это не уменьшает значимость таких мотивов, как потребность в общении (20 %) или желание приносить обществу пользу (13 %). Ценностные ориентиры также накладывают отпечаток на решение о продлении трудовой деятельности на пенсии: несмотря на сопоставимость оценок, работающие пенсионеры выше оценивают значимость таких ценностей, как работа и хорошее материальное положение.

Внешние факторы были распределены следующим образом:

– Экономические. Данная группа включает в себя все экономические факторы, прямо или косвенно влияющие на решение индивида о продолжении трудовой деятельности на пенсии: размер пенсионных пособий и средней заработной платы в стране; уровень цен; спрос/предложение, дефицит/профицит рынка труда и др. Как показал опрос КЖПЛ, предложение труда со стороны населения пенсионного возраста превышает спрос на рынке: 21 % неработающих пенсионеров готовы согласиться на посильную работу, если бы им поступило предложение. Важным фактором выступает возрастная дискриминация со стороны работодателя: данные КЖПЛ свидетельствуют о том, что 13 % неработающих пенсионеров сталкивались с этим явлением после выхода на пенсию.

– Социальные. Эта группа факторов определяет влияния ближайшего окружения и общественного мнения на стратегию трудового поведения населения пенсионного возраста. Стереотипизация старшего поколения и проявления эйджизма выступают барьером повышения трудовой активности старшего поколения: по результатам мирового опроса World Values Survey свыше трети (35 %) жителей России считают, что организации, осуществляющие наем только молодых сотрудников, работают более эффективно, чем организации с сотрудниками всех возрастов, а 17 % опрошенных согласны с утверждением: «Пожилые люди — это бремя для общества» [11].

– Правовые. В данную группу факторов включаются любые нормативно-правовые акты, прямо

или косвенно оказывающие влияние на трудовую активность пожилых людей: пенсионное законодательство, трудовое законодательство, социально-экономическая политика государства, государственные стратегии и др. ООН рекомендует «стареющим» странам разрабатывать антидискриминационные законодательные акты, регулирующие трудовую деятельность пожилых людей [12], однако в России на данный момент такие законы не приняты.

Важно понимать, что все вышеперечисленные факторы взаимосвязаны между собой. Эффективность реализации ресурсного потенциала старшего поколения зависит как от индивидуальных характеристик самого пожилого человека, так и от созданной вокруг него институциональной среды. Здоровье в данном случае выступает своеобразным «триггером» запуска трудовой активности, так как его состояние напрямую определяет возможность включения в действие других внутренних (мотивация, квалификационно-образовательный статус) и внешних (экономических, социальных, правовых) детерминант. Здоровье — ключевой фактор («ядро»), определяющий дальнейшие возможности осуществления общественно полезной деятельности [6].

Вологодская область относится к регионам со «старой» возрастной структурой: в 2016 г. она занимала 38-е место среди субъектов РФ по уровню «старости», доля населения старше 60 лет в общей численности составляла 21 % [13]. Увеличение удельного веса старшего поколения в населении продолжится и в дальнейшем: согласно прогнозу [8] при сохранении текущих тенденций к 2035 г. доля пожилых людей возрастет до 29 %. Данный факт делает актуальным изучение здоровья как фактора трудовой активности пожилых на территории региона.

Целью статьи стал анализ объективных показателей здоровья населения пенсионного возраста и выявление особенностей его субъективных параметров среди трудящихся и неработающих пенсионеров для определения влияния данного фактора на их трудовую активность.

Состояние здоровья пожилых по данным официальной статистики

Стоит отметить, что наряду с увеличением численности и доли пожилых людей в регионе наблюдаются качественные изменения данной социально-демографической группы, касающиеся в первую очередь увеличения продолжительности жизни в пенсионном возрасте. С 2006 г., ознаменованного началом реализации активной соци-

ально-демографической политики в России, по 2015 г. заметно выросла ожидаемая продолжительность жизни населения (ОПЖ) Вологодской области (на 6 лет у мужчин и на 3 года у женщин), в т.ч. и категории старше трудоспособного возраста (рис. 3). При этом наиболее существенно

ОПЖ в пенсионном возрасте увеличилась у женщин 55–59 лет и мужчин 60–64 лет (на 2 и 2,1 года соответственно). Вместе с тем сохраняется проблема значительного разрыва в ее уровне у мужского и женского населения старше трудоспособного возраста.

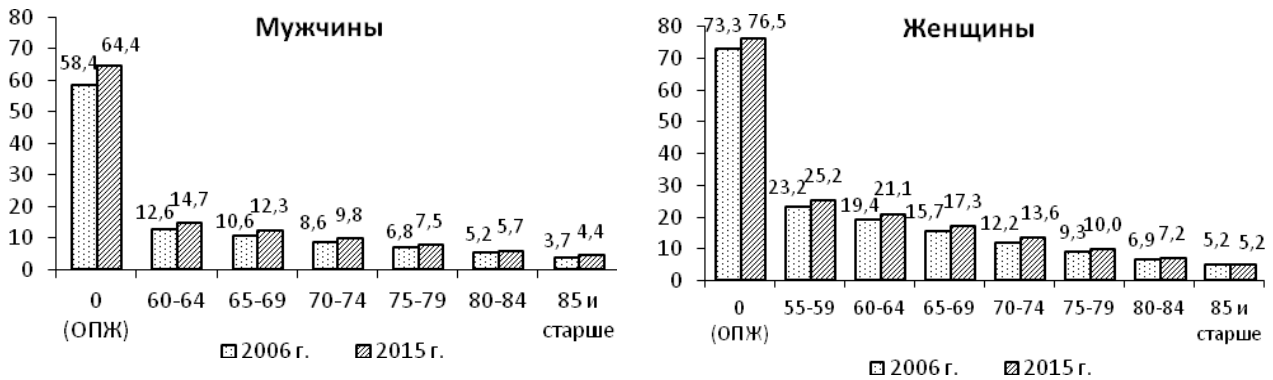

Рис. 3. ОПЖ населения Вологодской области при рождении и в пенсионном возрасте, 2006 и 2015 гг., лет (рассчитано авторами по данным стат. сборников [14–17])

Расчеты вклада крупных классов причин смерти в изменение продолжительности жизни населения пенсионного возраста, произведенные по методу декомпозиции Е.М. Андреева [18], позволили установить, что с 2006 по 2015 г. и у мужчин, и у женщин данной категории прирост ОПЖ во всех возрастных группах наблюдался преимущественно за счет снижения смертности от болезней системы кровообращения (рис. 4, 5). Однако если в самых молодых группах пенсионного возраста (60–64 лет у мужчин и 55–59 лет у женщин) наряду с сокращением смертности от болезней системы кровообращения заметный вклад в увеличение продолжительности жизни внесло снижение смертности от внешних причин смерти, то в более старших возрастных группах ее прирост обеспечивался преимущественно сокращением уровня смертности от первой группы причин.

Стоит отметить, что наиболее заметное воздействие на общий прирост продолжительности жизни за рассматриваемый период внесло снижение смертности от болезней системы кровообращения у мужчин в возрасте 60–64 лет и у женщин в возрасте 70–74 лет.

Результаты ранее проведенного социологического опроса КЖПЛ и других научных работ [6, 19] показывают, что первостепенным фактором принятия решения о продолжении трудовой деятельности людей после выхода на пенсию является состояние собственного здоровья.

Состояние здоровья пожилых людей в зеркале социологических исследований

В качестве инструмента для выявления субъективных характеристик здоровья пенсионеров и определяющих его детерминант были использованы данные мониторинга общественного здоровья населения Вологодской области, проводимого ИСЭРТ РАН. Метод исследования — раздаточное анкетирование на территории крупных областных городов Вологды и Череповца, а также в восьми муниципальных районах. Объем выборки составляет 1500 респондентов. Выборка целенаправленная, квотная, репрезентативная. Ошибка выборки не превышает 5 %.

Важнейшей субъективной характеристикой здоровья населения является самооценка его состояния. В целом за период социологических наблюдений в мнениях респондентов пенсионного возраста относительно состояния собственного здоровья преобладали удовлетворительные оценки (56–70 %; рис. 6). С 2004 по 2016 г. население данной категории чаще стало оценивать свое здоровье как «удовлетворительное» (на 13 п.п.) и реже как «плохое, очень плохое» (на 10 п.п.). Вместе с тем, хоть и не столь существенно, но сократилось число тех пенсионеров, которые считают свое здоровье «очень хорошим, хорошим» (на 3 п.п.).

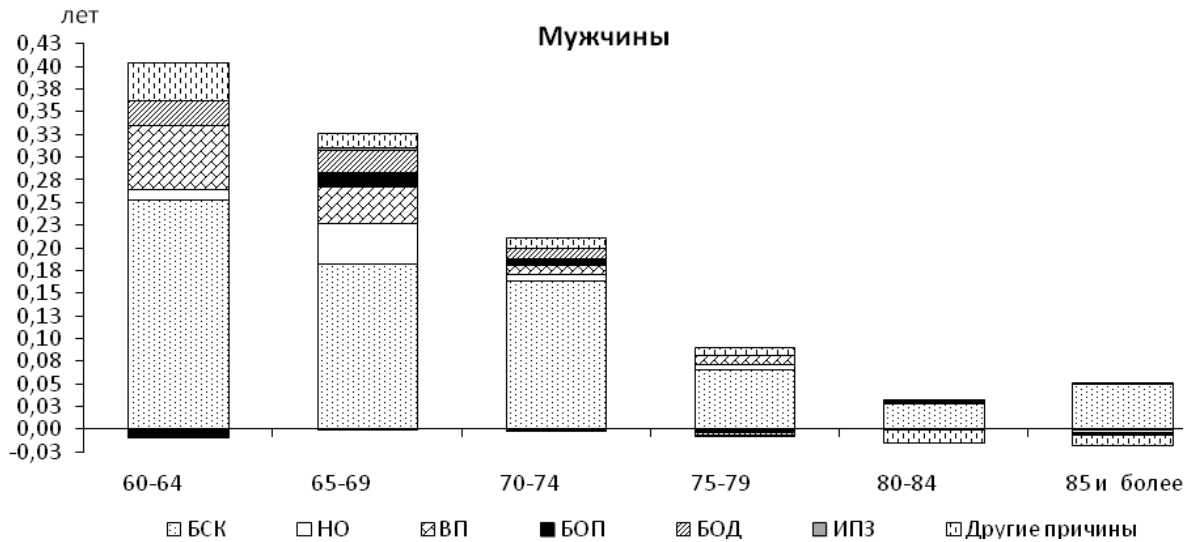

Рис. 4. Вклад крупных классов причин смерти в изменение ОПЖ мужского населения пенсионного возраста в Вологодской области в 2006–2015 гг., лет (рассчитано авторами по методике Е.М. Андреева [18]): БСК — болезни системы кровообращения; НО — новообразования; ВП — внешние причины; БОД — болезни органов дыхания; БОП — болезни органов пищеварения; ИПЗ — инфекционные и паразитарные заболевания

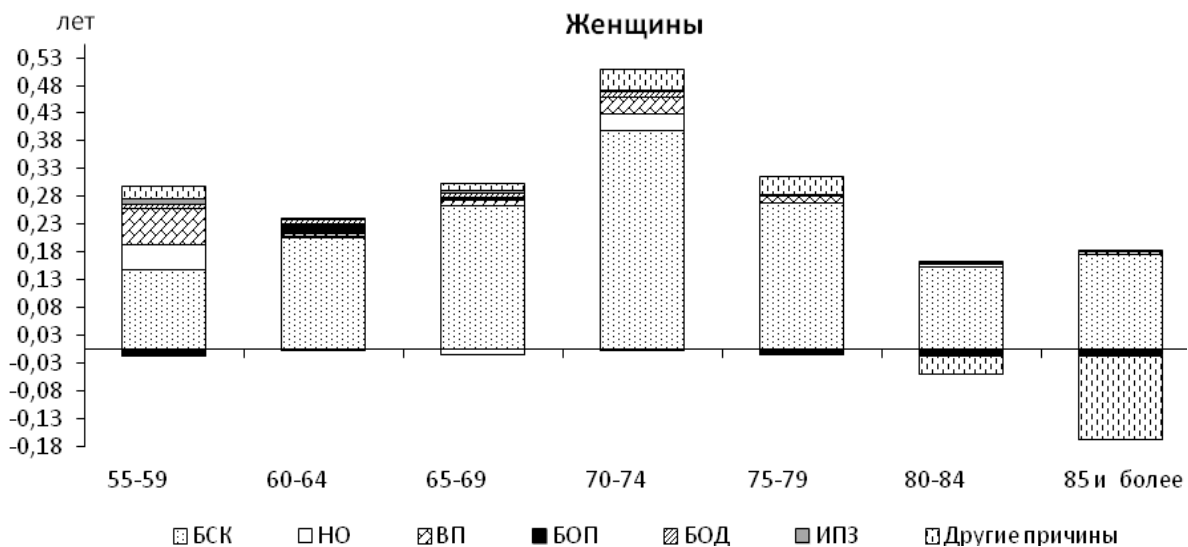

Рис. 5. Вклад крупных классов причин смерти в изменение ОПЖ женского населения пенсионного возраста в Вологодской области в 2006–2015 гг., лет (рассчитано авторами по методике Е.М. Андреева [18])

Во многом способность сохранять трудоспособность определяется наличием или отсутствием у человека хронических заболеваний. По данным опроса доля респондентов пенсионного возраста, указавших на их наличие у себя, за наблюдаемый период сократилась с 65 до 39 %. Этот факт наряду с тенденцией повышения удельного веса положительных оценок здоровья в целом может

свидетельствовать об улучшении его состояния среди граждан данной возрастной категории.

При изучении роли индивидуального здоровья в принятии решения о продолжении трудовой активности особое значение приобретает рассмотрение субъективных параметров здоровья и самосохранительного поведения в разрезе работающих и неработающих граждан пенсионного возраста. Та-

кой подход необходим как для определения мотивов и установок, влияющих на трудовую активность, так и для выявления «скрытого» потенциала здоровья среди нетрудящихся граждан. Подобную оценку позволяют осуществлять данные социологических исследований. В нашем случае в качестве

инструмента исследования выступил очередной этап проведенного в 2016 г. мониторинга общественного здоровья населения. Выборка составила 1500 человек, из которых 451 — в пенсионном возрасте, в том числе 132 — работающие пенсионеры, 319 — неработающие пенсионеры.

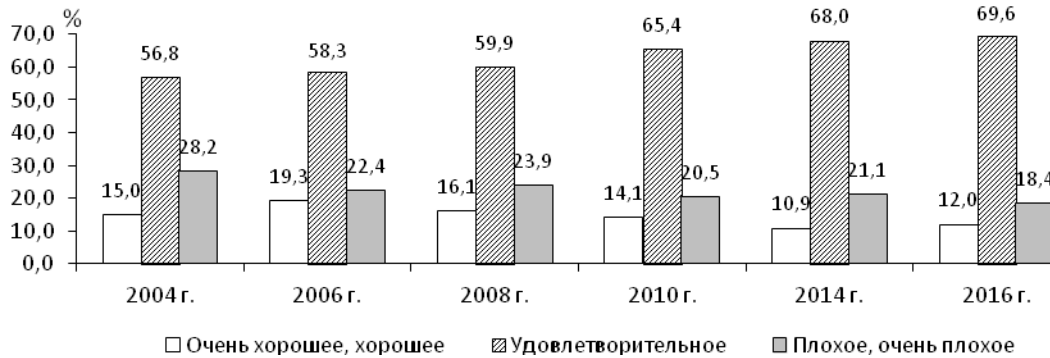

Рис. 6. Динамика ответов респондентов пенсионного возраста на вопрос: «Как Вы оцениваете состояние своего здоровья в настоящее время?» (% от числа опрошенных)

Самооценка здоровья. Как показали данные опроса, в целом работающие пенсионеры позитивнее характеризуют собственное здоровье: доля положительных оценок среди них составила 89 % против 78 % у неработающих, удельный вес ответов «хорошее, очень хорошее» — 17 против 10 %, «удовлетворительное» — 72 против 67 %. Неработающие пенсионеры в 2 раза чаще по сравнению с гражданами, продолжающими трудовую деятельность на пенсии, давали негативные оценки своему здоровью (22 против 11 %).

Вместе с тем 10 % неработающих пенсионеров, которые позитивно оценивают собственное здоровье, можно охарактеризовать как группу населения с потенциально высокой трудовой активностью, но по тем или иным причинам не реализующих свой ресурсный потенциал.

Среди трудящихся пенсионеров Вологодской области оказалось заметно меньше тех, кто имеет длительно протекающие заболевания (35 % против 41 % у неработающих пенсионеров), а также установленную группу инвалидности (8 против 16 % соответственно). Рассматривая фактор наличия хронических недугов, стоит уделять внимание их происхождению. Наиболее распространенным видом хронических заболеваний среди представителей обеих групп населения пенсионного возраста являются болезни системы кровообращения. Однако доля подверженных им респондентов оказалась наиболее высокой среди неработающих пен-

сионеров — 42 % (35 % у работающих). Неработающие пенсионеры в 8 раз чаще по сравнению с работающими признавались в наличии у себя болезни сердца (16 против 2 %).

Работающие пенсионеры значительно реже по сравнению с неработающими испытывают как легкие недомогания, так и имеют серьезные болезни, приводящие к потере трудоспособности (табл. 1). Среди респондентов пенсионного возраста, осуществляющих трудовую деятельность, больше всего оказалось тех, кто никогда не имел тяжелых болезней, влекущих потерю способности работать или вовсе полную недееспособность. Однако около 5 % работающих пенсионеров ежемесячно сталкиваются с болезнями, ведущими к полной или частичной нетрудоспособности, что свидетельствует о первостепенности иных факторов при формировании стратегии их трудового поведения.

Среди представителей активных в трудовом отношении пенсионеров 36 % на протяжении года не испытывали необходимости в пропуске рабочих дней по болезни, 29 % продолжали работать, несмотря на такую необходимость, а 27 % находились на официальном больничном. Можно предположить, что данная категория населения демонстрирует высокую мотивацию к осуществлению трудовой деятельности, даже несмотря на периодически возникающие проблемы со здоровьем.

Таблица 1. Распределение ответов пенсионеров на вопрос: «Как часто и как тяжело Вы болеете?»
(% от числа ответивших), 2016 г.

Характер (тяжесть) заболеваний	Работающие пенсионеры				Неработающие пенсионеры			
	Почти ежемесячно	Несколько раз в год	Раз в год и реже	Никогда	Почти ежемесячно	Несколько раз в год	Раз в год и реже	Никогда
Быстро проходящие недомогания, не снижающие трудоспособности	24,4	46,6	23,7	5,3	34,6	45,5	13,5	6,4
Недомогания, снижающие возможность нормально работать, но не требующие больничного листа	20,6	38,9	32,1	8,4	18,2	53,4	20,2	8,1
Болезни, приводящие к потере способности: работать на производстве, учиться и т.д., но не лишаящие возможности заниматься самообслуживанием, делать домашние дела и т.д.	3,1	16,8	45,8	34,4	7,5	29,3	37,5	25,7
Болезни, приковывающие к домашней постели, приводящие к полной потере дееспособности	1,6	3,1	16,4	78,9	3,3	8,8	27	60,9

Ценность здоровья и здоровьесберегающая мотивация. Неработающие граждане пенсионного возраста чаще по сравнению с работающими пенсионерами относят к ключевым жизненным ценностям здоровье (92 против 81 %), счастливую и дружную семью (77 против 66 %) и родительство (48 против 39 %). В свою очередь респонденты, продолжающие трудовую деятельность, чаще выбирали любимую работу (26 против 12 %) и материальное благополучие (48 против 45 %).

В качестве мотивов, побуждающих заботиться о собственном здоровье, у работающих пенсионеров по сравнению с неработающими преобладают потребность в хорошем самочувствии (55 против 50 %), желание повысить (сохранить) трудоспособность (28 против 20 %), стремление хорошо выглядеть, нравиться (40 против 24 %). Перечисленные причины вполне объяснимы: люди пенсионного возраста, продолжающие трудовую деятельность, понимают, что от их самочувствия и трудоспособности напрямую зависит результативность и эффективность труда, а благоприятный внешний вид немаловажен в части поддержания облика работника.

Неработающие пенсионеры по сравнению с работающими при заботе о здоровье чаще руководствуются нежеланием доставлять хлопоты, быть обузой близким (50 против 44 %) и стремлением к долголетию (27 против 16 %), что, скорее

всего, связано с важностью поддержания социальной роли «помощника» в воспитании внуков. Кроме того, среди данной категории респондентов пенсионного возраста оказалось больше всего тех, кто вовсе не заботится о своем здоровье (9 против 5 % у работающих пенсионеров).

Самосохранительные практики пенсионеров. В самосохранительных практиках работающих и неработающих пенсионеров региона были выявлены заметные различия. Так, представители первой группы чаще всего в целях сохранения и укрепления своего здоровья активно занимаются физкультурой и закаливанием организма (25 против 9 % у неработающих), следят за состоянием питьевой воды (40 против 30 %), контролируют свой вес (37 против 20 %), контролируют психическое состояние (26 против 18 %), организуют свое свободное время с пользой для здоровья, саморазвития и самореализации (30 против 22 %), соблюдают умеренность в употреблении алкоголя (35 против 30 %; табл. 2). Тогда как неработающие респонденты пенсионного возраста чаще обращаются к врачу при первых признаках болезни и проходят медицинские осмотры (34 против 25 %), посещают баню и сауну (34 против 27 %), что во многом может быть обусловлено наличием больших временных ресурсов по сравнению с работающими пенсионерами.

Таблица 2. Распределение ответов пенсионеров на вопрос: «Что Вы лично предпринимаете для сохранения и укрепления своего здоровья?» (% от числа ответивших)*, 2016 г.

Варианты ответа	Работающие пенсионеры	Неработающие пенсионеры
Активно занимаюсь физкультурой, закаливанием организма	25,0	9,1
Использую бытовые приборы для очистки питьевой воды, покупаю бутилированную воду и др.	40,2	29,8
Контролирую свой вес	37,1	19,7
Не курю	56,8	53,3
Обращаюсь к врачу при первых признаках болезни, регулярно прохожу медицинский осмотр	25,0	33,9
По возможности прохожу курс лечения в санатории, на курорте и т.п.	16,7	18,5
Посещаю баню, сауну	27,3	33,9
Соблюдаю умеренность в потреблении алкоголя	34,8	30,1
Стараюсь больше ходить пешком, совершаю прогулки в местах отдыха	34,8	36,4
Стараюсь контролировать свое психическое состояние	25,8	18,2
Стараюсь оптимально сочетать трудовые нагрузки и отдых	23,5	25,7
Стараюсь организовать свое свободное время с пользой для здоровья, саморазвития, самореализации	30,3	21,6
Ничего специально не предпринимаю	18,2	20,1
Другое	1,5	1,9

* Вопрос предполагал выбор нескольких вариантов ответа, поэтому сумма их в столбце не равна 100 %.

Медицинская активность. Основным мотивом обращения к врачу для обеих категорий пенсионеров служит плохое самочувствие. Закономерно, что люди, продолжающие трудовую деятельность на пенсии, чаще обращаются к медикам при прохождении профосмотров (32 против 8 % у нетрудящихся), тогда как среди неработающих пенсионеров более широкое распространение получили практики обращения за медицинской помощью с профилактической целью (21 против 12 % у работающих) и в период плохого самочувствия (62 против 49 %). Примечательно, что среди трудящихся лиц пенсионного возраста оказалась большей доля тех, кто не обращался в медучреждения и лечился самостоятельно (15 против 10 % у неработающих), что, с одной стороны, может свидетельствовать об их более низкой медицинской активности, с другой — о нежелании затягивать процесс лечения и «выходить на больничный лист».

Физическая активность. Для трудящихся граждан пенсионного возраста характерен более высокий уровень физической активности. Так, доля тех, кто ежедневно или несколько раз в неделю занимается физкультурой и спортом, составляет 20 %, делает утреннюю зарядку — 27 %, тогда как среди неработающих пенсионеров доля таковых существенно меньше — 8 и 22 % соот-

ветственно. Кроме того, среди неработающих пенсионеров по сравнению с работающими оказалось значительно больше тех, кто никогда не занимался физически: физкультурой и спортом — 32 против 23 %, бегом — 45 против 39 %, ездой на велосипеде — 48 против 43 %, утренней зарядкой — 37 против 23 %.

Такие различия объясняются худшими параметрами здоровья нетрудящихся граждан пенсионного возраста по сравнению с трудящимися: так, в качестве основной причины низкой физической активности первые намного чаще называют неудовлетворительное состояние здоровья (30 против 13 %) или вовсе не видят необходимости в ее повышении (22 против 17 %). Пенсионеры, продолжающие трудовую деятельность, свою низкую двигательную активность чаще объясняют ленью и личной неорганизованностью (38 %), недостатком свободного времени (25 %), недостатком средств и дороговизной (21 %), сидячей и малоподвижной работой (16 %).

Питание. В характере практик здорового питания работающих и неработающих респондентов пенсионного возраста выявлены некоторые различия. Так, продолжающие трудовую деятельность пенсионеры чаще следят за качеством продуктов питания (46 против 39 % у неработающих), при этом стараются употреблять больше овощей и

фруктов (39 против 19 %), учитывают соотношение белков, жиров и углеводов в пище (15 против 3 %; табл. 3). А неработающие пенсионеры в большей степени ориентированы на количественный кон-

троль процесса приема пищи: стараются не пере-есть (45 против 39% у работающих) и соблюдать режим питания (34 против 27 %).

Таблица 3. Распределение ответов пенсионеров на вопрос: «Что именно Вы делаете для того, чтобы питание было правильным?» (% от числа ответивших)*, 2016 г.

Варианты ответа	Работающие пенсионеры	Неработающие пенсионеры
Соблюдаю режим питания, правила приема пищи	27,3	34,2
Слежу за качеством продуктов для питания	45,5	38,9
Учитываю соотношение белков, жиров, углеводов в пище	15,2	3,4
Стараюсь употреблять больше овощей и фруктов	39,4	18,8
Стараюсь следить за количеством потребляемой соли	15,2	21,0
Стараюсь следить за количеством потребляемого сахара	29,5	25,4
Стараюсь не переесть	38,6	44,5
Соблюдаю оздоровительную диету	5,3	4,4
Не ем «фастфуд», сухарики, чипсы	45,5	44,8
Другое	0,0	0,9
Ничего не делаю	22,0	21,6

* Вопрос предполагал выбор нескольких вариантов ответа, поэтому сумма их в столбце не равна 100 %.

Режим труда и отдыха. Соблюдение режима дня представляет собой грамотную организацию личного времени, рациональное чередование труда и отдыха, разнообразных видов деятельности и является неотъемлемым компонентом оценки здоровья. Анализ характера времяпрепровождения рассматриваемых категорий пенсионеров в будние и выходные дни обнаружил явные расхождения.

Пенсионеры, продолжающие трудовую деятельность, как в будние дни, так и в выходные чаще проводят время в Интернете, занимаются физкультурой и спортом (табл. 4). Тогда как неработающие респонденты пенсионного возраста чаще отмечали, что свободное время проводят за просмотром ТВ-передач и прогулками на свежем воздухе.

Таблица 4. Распределение ответов пенсионеров на вопрос: «Как Вы обычно проводите свободное время...?» (% от числа ответивших)*, 2016 г.

Варианты ответа	Работающие пенсионеры		Неработающие пенсионеры	
	Будние дни	Выходные дни	Будние дни	Выходные дни
Смотрю ТВ	68,2	59,1	73,0	76,5
Занимаюсь хозяйственными делами	84,8	84,8	74,6	82,4
Прогуливаюсь на свежем воздухе	25,8	31,8	42,3	48,0
Занимаюсь физической культурой и спортом	8,3	12,1	4,7	5,3
Сижу в сети Интернет	14,4	16,7	6,0	5,3
Играю в компьютерные игры	1,5	3,0	1,3	2,2
Занимаюсь личным увлечением (хобби)	18,2	28,8	21,9	29,5
Читаю	25,8	24,2	23,8	27,3
Провожу их за городом (на даче, на природе)**	–	60,6	–	30,4
Другое	3,0	3,0	1,3	2,2

* Вопрос предполагал выбор нескольких вариантов ответа, поэтому сумма их в столбце не равна 100 %.

** Данный вариант ответа был перечислен только в вопросе о времяпрепровождении в выходные дни.

Стресс и его преодоление. Рассматривая вопрос подверженности работающих и неработающих пенсионеров стрессовым состояниям, мы понимали, что эти две категории населения могут быть в равной степени подвержены стрессам, разным по происхождению и направленности. Вместе с тем анализ стратегий поведения двух групп пенсионеров в части преодоления негативного влияния стресса представляется нам необходимым в рамках данного исследования.

Наибольшую подверженность стрессовым состояниям в течение последнего года продемонстрировали работающие пенсионеры: почти каждый пятый респондент данной категории ежедневно или несколько раз в неделю испытывал стресс (21 против 12 % у неработающих). Среди неработающих пенсионеров, напротив, каждый пятый опрошенный (22 %) не испытывал стрессовых ситуаций на протяжении года.

Вместе с тем пенсионеры этих двух групп по-разному реагируют на стрессовые состояния. Работающие пенсионеры в целях преодоления стресса чаще отвлекаются на хобби, личные увлечения (36 против 20 % у неработающих), занимаются физкультурой и спортом (7 против 3 %), то-

гда как неработающие пенсионеры чаще прибегают к «нездоровым» практикам — едят что-нибудь вкусное (17 против 14 %), употребляют спиртное (9 против 4 %).

Результаты и их обсуждение

Проведенный анализ позволил выделить специфические черты субъективных параметров здоровья работающих и неработающих пенсионеров (или «портрет» здоровья; табл. 5). Так, население региона, продолжающее трудовую деятельность на пенсии, по сравнению с неработающими пенсионерами обладает лучшими характеристиками индивидуального здоровья, что, на наш взгляд, объясняется преобладанием у них мотивов поддержания трудовой активности, использованием более широкого комплекса самосохранительных практик, высокой физической активностью, контролем за качеством продуктов питания, более активным и разносторонним времяпрепровождением в свободное от работы время, применением созидательных практик для преодоления стрессовых состояний (хобби, увлечения, физкультура и спорт).

Таблица 5. «Портрет» здоровья работающих и неработающих людей пенсионного возраста

<i>Параметры здоровья и здоровьесбережения</i>	<i>Работающие пенсионеры</i>	<i>Неработающие пенсионеры</i>
Самооценка здоровья	Более позитивные оценки состояния здоровья. Меньшее распространение хронических заболеваний и инвалидности. В меньшей степени подвержены как легким недомоганиям, так и серьезным болезням, приводящим к полной или частичной потере трудоспособности	Менее позитивные оценки здоровья. Более широкое распространение хронических заболеваний и инвалидности, в т.ч. болезней сердца. В большей степени подвержены как легким недомоганиям, так и серьезным болезням, приводящим к полной или частичной потере трудоспособности
Ценность здоровья	Менее высокая ценность здоровья, но большая ценность работы	Более высокая ценность здоровья
Мотивы, побуждающие заботиться о здоровье	Преобладают мотивы поддержания трудовой активности: потребность в хорошем самочувствии, желание повысить (сохранить) трудоспособность, стремление хорошо выглядеть, нравиться	Преобладают мотивы социальной ответственности: нежелание доставлять хлопоты, быть обузой близким и стремление к долголетию
Самосохранительные практики	Чаще занимаются физкультурой и закаливанием организма, следят за состоянием питьевой воды, контролируют свой вес и психическое состояние, организуют свободное время с пользой для здоровья, саморазвития и самореализации, соблюдают умеренность в употреблении алкоголя	Чаще обращаются к врачу при первых признаках болезни и проходят медицинские осмотры, посещают баню и сауны

<i>Параметры здоровья и здоровьесбережения</i>	<i>Работающие пенсионеры</i>	<i>Неработающие пенсионеры</i>
Медицинская активность	Чаще обращаются с жалобами при прохождении профосмотров, а также занимаются самолечением	Чаще обращаются с профилактической целью и в период плохого самочувствия
Физическая активность	Более высокий уровень физической активности. Чаще занимаются физкультурой и спортом, делают утреннюю зарядку. Основные причины низкой физической активности: лень и личная неорганизованность, недостаток свободного времени, недостаток средств, сидячая и малоподвижная работа	Более низкий уровень физической активности. Высокая доля тех, кто никогда не занимался разными видами физических нагрузок. Основные причины низкой физической активности: неудовлетворительное состояние здоровья или не видят необходимости в ее повышении
Питание	Чаще следят за качеством продуктов питания, стараются употреблять больше овощей и фруктов, учитывают энергетическую ценность и состав пищи	Чаще стараются не переедать и соблюдать режим питания, т.е. количественный контроль процесса питания
Режим труда и отдыха	Чаще проводят время в сети Интернет, занимаются физкультурой и спортом в будни	Чаще отмечали, что проводят свободное время за просмотром ТВ-передач и гуляют на свежем воздухе
Стресс и его преодоление	В большей степени подвержены стрессу. Для преодоления стресса используют созидательные практики: хобби, личные увлечения, физкультура и спорт	В меньшей степени подвержены стрессу. Для преодоления стресса прибегают к «нездоровым» практикам — едят что-нибудь вкусное, употребляют спиртное

Сопоставляя параметры «портретов», можно заключить, что неработающая часть населения пенсионного возраста в гораздо большей степени соответствует стереотипным представлениям о пожилых людях. Жизненные стратегии работающих и неработающих пенсионеров выстраиваются по принципиально различным траекториям: в первом случае через отнесение себя к трудоспособной части населения, а во втором — через интериоризацию установок, характерных для субкультуры «старости». Как показало исследование, неработающие пенсионеры в большей степени обеспокоены тем, что могут стать «обузой» для своих родных и близких, в отличие от работающих, чей статус в меньшей степени подходит под «иждивенческий». Образ активного и трудящегося пенсионера не только меняет представление социума об этой социально-демографической группе населения, но и трансформирует восприятие самого пожилого человека, который может поддерживать прежний круг общения и чувствовать свою значимость. Изменения, выражающиеся в росте трудовой и общественной активности пожилых, наблюдаемые в России XXI в., свидетельствует о постепенном переходе к новой социокультурной парадигме «старости», в которой потенциал насе-

ления пенсионного возраста становится одним из главных ресурсов общественного развития.

Заключение

Эффективность политики реализации ресурсного потенциала пожилых людей во многом зависит от программ здоровьесбережения, проводимых государством. Направление может быть реализовано через разработку на федеральном и региональном уровнях концепций и программ активного долголетия, нацеленных на формирование личной ответственности человека за собственное здоровье, приобретение необходимых знаний и навыков долгой и активной жизни. В Вологодской области примером подобного документа служит принятая в декабре 2014 г. Концепция активного долголетия на период до 2035 г. «Вологда — город долгожителей», в качестве главных приоритетов которой обозначены: формирование знаний и навыков здорового питания, популяризация физической активности, распространение информации об эффективных программах и занятиях, создание системы общегородской медицинской диагностики, профилактика распространения вредных привычек, формирование общегородской системы психологической профилактики и развитие системы социальных связей. Вместе с тем суще-

ственным недостатком данного документа служит «однобокость» мер, касающихся преимущественно вопросов профилактики, и отсутствие в числе ключевых направлений пункта, посвященного повышению трудовой активности пенсионеров.

При разработке мероприятий по сохранению и укреплению здоровья населения особое внимание следует уделять сложившемуся «портрету» здоровья работающих и неработающих пенсионеров, выявлению «сильных» и «слабых» сторон в их самосохранительных практиках, что позволит сформулировать конкретные рекомендации по корректровке негативных, а также поддержанию и развитию позитивных здоровьесберегательных установок, улучшению физической трудоспособности людей пенсионного возраста. Все это позволит нивелировать значимость фактора здоровья при принятии пенсионерами решения о продолжении трудовой деятельности, а следовательно, перейти к преодолению ценностно-мотивационных, квалификационных и институциональных барьеров на пути вторичной социализации пожилых.

Список литературы

1. Lee R., Mason A. *Population Aging and the Generational Economy: A Global Perspective*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing Limited, 2011. 617 p. DOI: 10.4337/9780857930583.
2. OECD Data. URL: <https://data.oecd.org/> (accessed: 15.06.2017).
3. Lee R., Mason A. Population aging, wealth and economic growth: demographic dividends and public policy. WESS Background Paper. 2007. 35 p.
4. Доброхлеб В.Г. Ресурсный потенциал пожилого населения России // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 55–61.
5. Пионтовский И.Н. Факторы, определяющие трудовую активность лиц старшего возраста // Креативная экономика. 2011. № 10. С. 56–60.
6. Старшее поколение и будущее / под ред. Н.М. Римашевской. М.: Экономическое образование, 2014. 212 с.
7. Щанина Е.В. Основные факторы трудовой активности пожилых людей // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2008. № 1. С. 23–32.
8. Барсуков В.Н., Чекмарева Е.А. Последствия демографического старения и ресурсный потенциал населения «третьего» возраста // Проблемы развития территории. 2017. № 3. С. 92–108.
9. Kalachikova O.N., Barsukov V.N., Korolenko A.V., Shulepov E.B. Determinants of Active Longevity: Results of a Survey of Vologda Long-Livers // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2016. № 5. P. 76–94. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.4.
10. Jacobson L., LaLonde R., Sullivan D. Should we teach old dogs new tricks? The Impact of community college retraining on older displaced workers. Federal Reserve Bank of Chicago. 2003. 85 p. DOI: 10.2139/ssrn.484482.
11. World Values Survey. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (accessed: 20.06.2017).
12. Развитие в условиях старения мира: Обзор мирового экономического и социального положения, 2007 год. Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН, 2008. URL: http://www.un.org/en/development/desa/policy/wess/wess_archive/2007wess_ru.pdf (дата обращения: 20.06.2017).
13. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 15.06.2017).
14. Число умерших по причинам смерти, по полу и возрасту по Вологодской области в 2006 году: стат. сб. Вологда: Вологдастат, 2007. 150 с.
15. Число умерших по причинам смерти, по полу и возрасту по Вологодской области в 2015 году: стат. сб. Вологда: Вологдастат, 2016. 300 с.
16. Демографический ежегодник Вологодской области 2006: стат. сб. Вологда: Вологдастат, 2007. 64 с.
17. Демографический ежегодник Вологодской области 2015: стат. сб. Вологда: Вологдастат, 2016. 81 с.
18. Андреев Е.М. Метод компонент в анализе продолжительности жизни // Вестник статистики. 1982. № 9. С. 42–47.
19. Даниелян В.А. Индивидуальные детерминанты пенсионного возраста: обзор исследований // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 3. С. 171–202.

Получено 13.07.2017

References

1. Lee R., Mason A. *Population Aging and the Generational Economy: A Global Perspective*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing Limited, 2011, 617 p. DOI: 10.4337/9780857930583. (In English).
2. OECD Data. Available at: <https://data.oecd.org/> (accessed 15.06.2017). (In English).
3. Lee R., Mason A. *Population aging, wealth and economic growth: demographic dividends and public policy*. WESS Background Paper. 2007. 35 p. (In English).

4. Dobrokhleb V.G. *Resursniy potentsial pozhilogo naseleniya Rossii* [Resource potential of Russia's older population]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2008, no. 8, pp. 55–61. (In Russian).
5. Piontovskiy I.N. *Faktory, opredelyayushchie trudovuyu aktivnost' lits starshego vozrasta* [Factors, defining labor activity of elder people]. *Kreativnaya ekonomika* [Journal of creative economy]. 2011, no. 10, pp. 56–60. (In Russian).
6. *Starshee pokolenie i budushchee. Pod red. N.M. Rimashevskoy* [The older generation as a resource for socio-economic modernization of Russia. Ed. by N.M. Rimashevskaya]. Moscow, Ekonomicheskoe obrazovanie Publ., 2014, 212 p. (In Russian).
7. Schanina E.V. *Osnovnye faktory trudovoy aktivnosti pozhilykh lyudey* [Organization of leisure for elderly people]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obschestvennye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2008, no. 1, pp. 23–32. (In Russian).
8. Barsukov V.N., Chekmareva E.A. *Posledstviya demograficheskogo stareniya i resursniy potentsial naseleniya «tret'ego» vozrasta* [The consequences of demographic ageing and the resource potential of the population of the «Third» Age]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development]. 2017, no. 3, pp. 92–108. (In Russian).
9. Kalachikova O.N., Barsukov V.N., Korolenko A.V., Shulepov E.B. Determinants of Active Longevity: Results of a Survey of Vologda Long-Livers. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2016, no. 5, pp. 76–94. DOI: 10.15838/esc.2016.5.47.4. (In English).
10. Jacobson L., LaLonde R., Sullivan D. *Should we teach old dogs new tricks? The Impact of community college retraining on older displaced workers*. Federal Reserve Bank of Chicago. 2003, 85 p. DOI: 10.2139/ssrn.484482 (In English).
11. World Values Survey. Available at: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (accessed 20.06.2017). (In English).
12. *Razvitie v usloviyah stareniya mira: doklad Departamenta po ekonomicheskim i sotsialnym voprosam OON* [World Population Ageing. Population Division. Report of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations]. 2008. Available at: http://www.un.org/en/development/desa/policy/wess/wess_archive/2007wess_ru.pdf (accessed 20 June 2017). (In Russian).
13. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki Rossiyskoy Federatsii* [Federal state statistics service]. Available at: <http://www.gks.ru> (accessed 15 June 2017) (In Russian).
14. *Chislo umershih po prichinam smerti, po polu i vozrastu po Vologodskoy oblasti v 2006 godu: stat. sb* [Number of deaths due to causes of death, by sex and age in the Vologda region in 2006: collection of articles]. Vologda, Vologdastat Publ., 2007, 150 p. (In Russian).
15. *Chislo umershih po prichinam smerti, po polu i vozrastu po Vologodskoy oblasti v 2015 godu: stat. sb*. [Number of deaths due to causes of death, by sex and age in the Vologda region in 2015: collection of articles]. Vologda, Vologdastat Publ., 2016, 300 p. (In Russian).
16. *Demograficheskiy ezhegodnik Vologodskoy oblasti 2006: stat. sb*. [Demographic yearbook of Vologda region 2006: collection of articles]. Vologda, Vologdastat Publ., 2007, 64 p. (In Russian).
17. *Demograficheskiy ezhegodnik Vologodskoy oblasti 2015: stat. sb*. [Demographic yearbook of Vologda region 2015 collection of articles]. Vologda, Vologdastat Publ., 2016, 81 p. (In Russian).
18. Andreev E.M. *Metod komponent v analize prodolzhitel'nosti zhizni* [The method of components in the analysis of the duration of life]. *Vestnik statistiki* [Bulletin of Statistics]. 1982, no. 9, pp. 42–47. (In Russian).
19. Danieljan V.A. *Individual'nye determinanty pensionnogo vozrasta: obzor issledovaniy* [Individual determinants of pension age: review of researches]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk* [Journal of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]. 2016, no. 3, pp. 171–202. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 13.07.2017

Об авторах

Короленко Александра Владимировна
младший научный сотрудник отдела
исследования уровня и образа жизни населения

Вологодский научный центр РАН,
160014, Вологда, ул. Горького, 56а;
e-mail: coretra@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7699-0181

Барсуков Виталий Николаевич
младший научный сотрудник отдела
исследования уровня и образа жизни населения

Вологодский научный центр РАН,
160014, Вологда, ул. Горького, 56а;
e-mail: lastchaos12@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7819-8297

About the authors

Korolenko Alexandra Vladimirovna
Junior Researcher of the Department for the Studies
of Lifestyles and Standards of Living

Institute of Socio-Economic Development
of Territories of RAS,
56a, Gorkiy str., Vologda, 160014, Russia;
e-mail: coretra@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7699-0181

Barsukov Vitaliy Nikolaevich
Junior Researcher of the Department for the Studies
of Lifestyles and Standards of Living

Institute of Socio-Economic Development
of Territories of RAS,
56a, Gorkiy str., Vologda, 160014, Russia;
e-mail: lastchaos12@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7819-8297

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Короленко А.В., Барсуков В.Н. Состояние здоровья как фактор трудовой активности населения пенсионного возраста // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 643–657.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-643-657

Please cite this article in English as:

Korolenko A.V., Barsukov V.N. Health status as a factor of labor activity of the retirement-age population // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 4. P. 643–657.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-643-657

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

*Редколлегия журнала
«Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология»
выражает глубокую благодарность рецензентам 2017 года*

OUR REVIEWERS

*Editorial Board of «Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology»
expresses deepest gratitude to 2017 reviewers*

Антипов Константин Анатольевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии ПНИПУ.

Балева Милена Валерьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития ПГНИУ.

Балин Виктор Дмитриевич — доктор психологических наук, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Барг Олег Александрович — доктор философских наук, профессор кафедры философии ПГНИУ.

Березина Елена Михайловна — кандидат философских наук, заведующая кафедрой истории философии ПГНИУ.

Береснева Наталья Ириковна — доктор философских наук, декан философско-социологического факультета, профессор кафедры философии ПГНИУ.

Бурко Виктор Александрович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии ПНИПУ.

Воронова Елена Юрьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры практической психологии ПГГПУ.

Гасумова Светлана Евгеньевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы и конфликтологии ПГНИУ.

Дорфман Леонид Яковлевич — доктор психологических наук, заведующий кафедрой психологии и педагогики ПГИК.

Дудорова Екатерина Валерьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития ПГНИУ.

Жданова Светлана Юрьевна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии развития ПГНИУ.

Железняк Владимир Николаевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и права ПНИПУ.

Желнин Антон Игоревич — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии ПГНИУ.

Журавлева Юлия Викторовна — кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии ПГНИУ.

Колесниченко Милана Борисовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии ПНИПУ.

Комаров Сергей Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры философии и права ПНИПУ.

Коптева Наталия Васильевна — доктор психологических наук, профессор кафедры практической психологии ПГГПУ.

Корниенко Дмитрий Сергеевич — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и клинической психологии ПГНИУ.

Корякин Вячеслав Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Краснов Алексей Витальевич — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии ПГНИУ.

Кузнецов Александр Евгеньевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Курбатова Людмила Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии ПНИПУ.

Лебедева-Несевря Наталья Александровна — доктор социологических наук, заведующая лабораторией методов анализа социальных рисков Федерального научного центра медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения, Пермь.

Лобанов Сергей Дмитриевич — доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и философии ПГИК.

Лоскутов Юрий Викторович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Малкова Елена Вячеславовна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Мусаелян Лева Асканазович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ПГНИУ.

Плотникова Елена Борисовна — кандидат исторических наук, заведующая кафедрой социологии ПГНИУ.

Сапогова Елена Евгеньевна — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития Московского педагогического государственного университета.

Снетова Нина Васильевна — кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии ПГНИУ.

Стерледев Роман Константинович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и биоэтики ПГМУ.

Строканов Александр Алексеевич — PhD, профессор Линдонского государственного колледжа (США).

Таллибулина Марина Тимергалиевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной психологии ПГГПУ.

Хафизова Наталья Алексеевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права ПНИПУ.

Хачатрян Людмила Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Шевкова Елена Викторовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии ПГНИУ.

Яковлева Ольга Константиновна — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России** по трем группам специальностей: 09.00.00 Философские науки, 19.00.00 Психологические науки, 22.00.00 Социологические науки. Кроме того, издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Руконт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается большими буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

Желательно разбить текст статьи на разделы:

- введение;
- основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование; название части «Основной контент» не допускается);
- результаты/обсуждение;
- заключения/выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки оформляются с указанием страниц источника цитирования. Номер источника указывается в квадратных скобках: [1] — на одну работу; [3, 5, 7–10] — на несколько работ. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент источника, в скобках указывают порядковый номер источника и его страницы, разделив их запятой: [1, с. 81], [1, с. 81–82] или [1, с. 81; 3, с. 35]. Каждая публикация приводится в списке только один раз — при повторной ссылке на тот же источник в тексте указывается присвоенный ранее номер. Недопустимо объединять несколько источников под одним номером. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Не рекомендуются и другие постраничные сноски — за исключением указания на программу, в рамках которой выполнена работа, или наименования фонда поддержки.

Список литературы в конце статьи оформляется в двух вариантах: русском и английском.

Источники в списке литературы располагаются и нумеруются по мере упоминания в тексте. Обязательно указывается: для книг — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для журнальных статей, сборников трудов — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для материалов конференций — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет идентификатор DOI, то его указание в разделе Библиографический список является **обязательным!** DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. doi: 10.1037/h0070765.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы только англоязычные источники список литературы делается только один, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с иностранным стандартом, принимаемым базой данных SCOPUS, согласно рекомендациям эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevier.com/locate/elsevier/scopus/add-journal-to-scopus-2013.pdf>).

Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «:», «—», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и

другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом www.translit.net: в верхнем правом углу вводится число 45848 и нажимается кнопка «Загрузить настройки»; в основное окно вводится текст на русском языке, нажимается кнопка «В транслит» и получить необходимый текст.

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatsti», «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для описания книги в английском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). *Транслитерированное название книги курсивом* [Название книги на английском языке]. Город, Издательство с добавлением слова Publ., год, страницы.

Примеры:

Bell D. *Gryaduschee postindustrialnoe obschestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting]. Moscow, Academia Publ., 1999, 956 p. (In Russian).

Soedinenie dostizheniy NTR s preimuschestvami sotsializma [Connection of Achievements of a Scientific and Technological Revolution with the Advantages of Socialism]. Moscow, Mysl Publ., 1977, 190 p. (In Russian).

Шаблон для описания книги из собрания сочинений в английском варианте:

Имена авторов. *Транслитерированное название книги курсивом* [Название книги на английском языке]. *Транслитерированное название собрания сочинений или книги курсивом* [Название собрания сочинений или книги на английском языке]. Город, Издательство с добавлением слова Publ., год, страницы.

Примеры:

Leybnits G.V. *Monadologiya* [Monadology]. *Sochineniya, Tom 1* [Works, Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1982, 636 p. (In Russian).

Marx K. *K kritike politicheskoy ekonomii* [Contribution to the Critique of Political Economy]. *Sochineniya. T. 13* [Works, Vol. 13]. Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1960, pp. 1–784. (In Russian).

Шаблон для описания статьи из журнала в английском варианте:

Имена авторов. *Транслитерированное название статьи курсивом* [Название статьи на английском языке]. *Транслитерированное название журнала курсивом* [Название журнала на английском языке], год, номер, страницы.

Пример:

Agazzi E. *Ideya obschestva, osnovannogo na znaniyakh* [The Idea of a Knowledge-Based Society]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 2012, № 10, pp. 3–19. (In Russian).

Шаблон для описания материалов конференции в английском варианте:

Имена авторов. *Транслитерированное название выступления курсивом*. [Название выступления на английском языке]. *Транслитерированное название конференции курсивом* [Название конференции на английском языке]. Город, Издательство с добавлением слова Publ., год, страницы.

Примеры:

Pigrov K.S. *Materializm v sovremennoy rossiyskoy filosofii kak npravstvennaya problema* [Materialism as a Moral Issue in Modern Russian Philosophy]. *Problemy materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschenny 70-letiyu professora SPbGU P.N. Khmyleva* [Problems of Materialism in Social Philosophy: Collected Articles Dedicated to 70th Anniversary of professor SPSU P. N. Khmylev]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2008, pp. 109–116. (In Russian).

Шаблон для описания Интернет-ресурса в английском варианте:

Транслитерированное название статьи курсивом [Название статьи на английском языке]. Available at: адрес сайта (accessed дата последнего посещения сайта).

Пример:

Voyna v short-liste «Innovatsii»: *Minkult khochet dat premiyu* [War in the Short-list “Innovations”: Ministry of Culture Wants to Give an Award]. Available at: <http://free-voyna.org/post/3289581310> (accessed 10 July 2013). (In Russian).

Для англоязычных источников данные пишутся только на английском языке.

Пример:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, p. 102.

Для источников на других языках (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614. (In German).

Для статей, имеющих в списке литературы только англоязычные источники список литературы делается только один, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на программу, в рамках которой выполнена работа, или наименование фонда поддержки.

Статья должна сопровождаться:

- индексом УДК;
- аннотацией состоящей минимум из 200 слов;
- ключевыми словами (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми);
- информацией об авторе (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- информацией об идентификаторах автора: ORCID (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <http://orcid.org/>) и ResearchID (желательно);

- **рецензией** научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).
- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Аннотацию на английском следует делать подробнее и больше по объему, однако в ней следует избегать лишних вводных фраз (например: «Автор статьи рассматривает...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию о:

- предмете, теме, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой ([http://www.elsevier.com/locate/S0169-7329\(13\)00001-1](http://www.elsevier.com/locate/S0169-7329(13)00001-1)).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором **на электронный адрес fsf-vestnik@yandex.ru** Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национального исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>)

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется (кроме аспирантов и соискателей). Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтинуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для аспирантов бесплатные.

Редакционная коллегия планирует, что публикации и для остальных авторов в 2018 году будут **бесплатными**.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2018 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 01 февраля	29 марта
в № 2 — до 01 мая	28 июня
в № 3 — до 01 августа	27 сентября
в № 4 — до 01 октября	25 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published. Study fields are: 09.00.00 Philosophical Sciences, 19.00.00 Psychological Sciences, 22.00.00 Sociological Sciences. Also the journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks, electronic library system «The University Library On-line», open access scientific library «CyberLeninka», national digital resource «RUCONT»* and national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)».

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in capital letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

We urge to divide the text of your article into following parts:

- introduction;
- principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);
- results / discussion;
- conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented as follows. Number of the source indicates in square brackets: [1] for one source, [3; 5; 7–10] for several sources. If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned (e.g. [1, p. 81], [1, p. 81–82] or [1, p. 81; 3, p. 35]).

A number is allocated to a source in the order in which it is cited in the text. Each source should be mentioned in the list of references just once. Repeated references in the text should be indicated by the same number in the list of references. Please do not unite several sources in the list of references under one number. The list of references should contain only those sources, which was cited in the text. All the sources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be devided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. doi: 10.1037/h0070765.

For **sources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, p. 102.

For **sources in other languages** (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the source language

For example:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614. (In German).

Please do not use footnotes. You may only use a footnote to indicate a **project, scholarship** or **foundation**, which supported your research.

Your contribution should be accompanied by

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum): abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author: surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID (ORCID, ResearcherID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- reference letter of the academic supervisor (for PhD students only);
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent to the e-mail address of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru. The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>).

Providing outside reviews by authors isn't obligatory (excepting PhD students). All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The publication of manuscript of PhD students is **free**.

The Editorial Board is planning to make the publication of manuscripts free for all authors in 2018.

Submission deadlines in 2018

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	March 29
No 2 May 1	June 28
No 3 August 1	September 27
No 4 October 1	December 25

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»* may be found here: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2017
Выпуск 4

Редактор *Л.П. Сидорова*
Корректор *Л.П. Северова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 15.12.2017
Дата выхода в свет
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 18,9
Тираж 500 экз. Заказ

Спонсорскую помощь в издании научного журнала оказывает
ОАО «ROSSET»
<http://www.rosset-kzms.ru>

Адрес учредителя и издателя:
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д.15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-63-05

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15 Тел.+7 (342) 239-66-36

Типография ПГНИУ
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. (342) 239-65-47

Распространяется бесплатно и по подписке